

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П Р О З А.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ РУСКИХЪ
ЖЕНЩИНЪ - АВТОРОВЪ.

1682.

I.

Царевна Софія Алексѣевна.

По свидѣтельству Карамзина (*), Софію можно почестъ одною изъ первыхъ извѣстныхъ намъ Писательницъ Рускихъ: въ бесѣдахъ съ Папріархомъ и другими духовными особами, составлявшими лучшій цвѣтъ тогдашней учености, Царевна, занимаясь чтеніемъ Слова Божія, старалась постигнуть всѣ красоты языка книжнаго и — понимала его: она умѣла слагать *духовныя пѣсни*.

(*) Пантеонъ Россійскихъ Авторовъ.

Въ другихъ отношеніяхъ: ея дружеское обращеніе съ умною фамилією Рпищевыхъ, болѣе другихъ забошившеюся о просвѣщеніи единоплеменцевъ; ея неразрывныя сношенія съ фамиліями Голицыныхъ, въ кругу которыхъ еще бесѣдоваль Милославскій (послѣ жертва славолубія Софіи), и многіе иноспиранцы дали почувствовать Царевнѣ всю пріятность *учености свѣтской*, и умная Царевна первая изъ Россіянокъ вздумала сама сочинять театральныя представленія и даже (по свидѣтельству Карамзина (*)) *сама* разыгрывать ихъ на *своемъ* театрѣ. — Другіе способы образованія въ другомъ вѣкѣ и другіе люди, можешь быть, увѣковѣчили бы славу Софіи, какъ примѣрной покровительницы наукъ; но тогда Софія вошла въ шрудныя дѣла Государственныя, рѣшилась быть для Россіи Законодательницею и — скоро погребла всѣ свои надежды въ Новодѣвичьемъ монастырѣ!

II.

ВѢКЪ ЛОМОНОСОВА.

1.

Катерина Александровна Княжнина.

Дочь Александра Пешровича Сумарокова, супруга Якова Борисовича Княжнина. Уже при Дворѣ Елисаветы юная дочь Сумарокова была извѣстна, какъ пламенная любительница Музъ, какъ дѣвица - Поэтъ, съ кошорою, по тогдашнему образу мыслей, большая часть изъ ея современницъ, предупрежденныхъ не въ пользу наукъ *для женщинъ*, боялась сказать лишнее

(*) Пантеонъ Россійскихъ Авшоровъ.

слово; но за то съ ней говаривали Шуваловъ и Ломоносовъ. Сей послѣдній и негодуя на рѣзкое соперничество Сумарокова, благоговѣйно, какъ говоряшь, подходилъ всегда къ ручкѣ Катерины Александровны, привѣтствовалъ ее иногда стихами и публично говорилъ: *Вотъ умница барышня; въ кого такая родилась!*

Александръ Пепровичъ гордился *Натинькою*; самъ училъ ее писать, Грамматику и Поэзіи, а *Яковъ Борисовичъ* былъ ошъ нея безъ ума и — весь Дворъ зналъ уже о любви Якова Борисовича; знали, что онъ совѣщовался о своихъ стихахъ съ будущею своею супругою; знали, что онъ поправлялъ ей стихи, а она печатала ихъ въ *Трудолюбивой Пчелѣ*, издаваемой въ С. - Петербургѣ 1759 года.

Другіе рассказываютъ, что у Катерины Александровны было очень много жениховъ; но всѣ современники явно говорили: „За кого ей идти, кромѣ *Якова Борисовича*; на такой барышнѣ люди простые не женятся, да и сама *Катерина Александровна* за просаго не пойдетъ!“

2.

Александра Федотовна Ржевская.

Родная сестра покойнаго Фельдмаршала Графа Михаила Федошова Каменскаго, по свидѣтельству Новикова (*), являешся на поприщѣ Россійской Словесности почти современ-

(*) Опытъ Историческаго Словаря о Россійскихъ Писателяхъ. 1772 Года.

жею Кашеринъ Александровнъ Княжниной; а пошомъ, руководствуемая своимъ супругомъ, Алексѣемъ Андреевичемъ Ржевскимъ, въ свое время человекомъ ученымъ, авторомъ и корошкимъ знакомцемъ Александра Пешровича Сумарокова, Александра Федошова сама начала писать стихи и сочинила: *Письма Кабардинскія*, романъ во вкусъ *Перуанскихъ писемъ*. О семъ романъ скоро узнали при Дворѣ, и рукопись была принята всѣмъ Дворомъ съ необыкновенною похвалою.

Стихопворенія Ржевской наперерывъ печатались въ журналахъ погдашняго времени; ожиданія были велики; но Александра Федошова проспудилась, получила сильную горячку и — скончалась 28 лѣтъ въ 1769 году. — Вошь ея характерисшика, описанная однимъ изъ стихошворцевъ погдашняго времени:

Здѣсь Ржевская лежитъ: пролейте слезы, Музы!

Она любила васъ, любезна вамъ была,

Для васъ и для друзей на свѣтъ семь жила;

А нынѣ смерть ея въ свои пріяла узы.

Среди цвѣтущихъ лѣтъ, въ благополучный вѣкъ,

Рокъ жизнь ея пресѣкъ;

Увянуль острый умъ, увяла добродѣтель,

Погибло мужество и бодрый духъ ея.

Могущій Всесодѣтель!

Она ли участи достойна есть сея,

Чтобъ вѣкъ ея молодой пресѣкло смерти жало?

Не долгій ли ей вѣкъ здѣсь жити надлежало?

Въ достоишвахъ она толико процвѣла,

Что полу женскому здѣсь честію была:

Ни острый умъ ея, наукой просвѣщенный,

Ни даръ, художествамъ и Музамъ посвященный,

Ни нравъ, кой споль ея пріятно украшалъ,

Который и друзей, и мужа утѣшалъ,

Ни сердце нѣжное ея не защитили,
 И смерти лютыя отъ ней не отврашили!
 Великая душа, мужаясь до конца,
 Достойна сдѣлалась лавроваго вѣнца.
 Скончавшись, Ржевская ославила супруга;
 Супругъ въ ней потерявъ любовницу и друга,
 Отчаясь, слезы льешь и будешь плакашь ввѣкъ:
 Но чтожь ей пользы въ томъ? Вотъ что есть человекъ!

(Продолженіе въ слѣд. Но.)

Мысли, характеры и портреты.

Никогда не забуду мысли одного почтеннаго человека, который говоря о воспашаніи, сказалъ: „Всего безразсуднѣе основывать щастіе дѣшей на богатствѣ; ибо сколькихъ богачей мы видѣли — нищими: надобно, дашь богатство неопъемлемое, — чшобы оно было въ насъ самихъ; чшобы мы были богаты — собою.“

*

Жизнь наша похожа на картину Итальянской школы: все тѣни, тѣни и одна другой чернѣе; а свѣшу такъ мало, чшо едва усмотришь его.

*

Чувствованія сердца подобны припадкамъ болѣзни: иногда совершенно запихающъ, иногда дѣйствующъ съ жестокою силою.

*

Умъ безъ нравственности есть опаснѣйшее для общества орудіе.

*

Есть книги, подобныя чловѣку въ водяной болѣзни: полсты, но ни спрочки съ жизнью; все и вездѣ влага.

*

Чищая надъ извѣстнымъ символическимъ изображеніемъ: „Себя не жалѣя, питаю пшеновъ,“ съ прискорбіемъ думаешь: а сколько есть заведеній, которыхъ бы надпись могла быть слѣдующая: „Дѣщей не жалѣя, питаю себя!“

*

Я не могу надивиться, какъ машушки, гордящіяся своимъ *воспитаніемъ*, дозволяютъ молодымъ дочерямъ своимъ, или еще вызываютъ ихъ — осмѣивать знакомыхъ съ ними молодыхъ дѣвушекъ за какое-нибудь слово, не такъ сказанное — разумѣется, на Французскомъ языкѣ, — повѣшавать цѣлые анекдоты на счесть подругъ своихъ; а это — по именно и обязана добрая мать запретить дочери своей, если она по молодости своей не знаетъ еще, какъ подобные рассказы предосудительны для рассказчика и какъ подобно *остроуміе* далеко отъ хорошаго воспитанія!

*

Никогда характеристика фizioноміи не оказывается такъ живо, какъ въ то время, когда чловѣкъ ѣстъ съ аппетитамъ — что бы-то ни было; вошь минуша познавашъ чловѣка,

*

Ничего нѣтъ прискорбите, какъ видѣшь между близкими родственниками далекое разстояние въ чувстввахъ, — вмѣсто искренности и дружбы одну только церемонію, одни только ласкательства! Картина враговъ менѣе опривѣтительна: по крайней мѣрѣ она предсавляетъ

нѣкоторую энергію; а на — унизишельной образъ бездушія человѣческаго.

*

Я знаю людей, у которыхъ языкъ всегда впереди мыслей.

*

„Для чего вы не пишете комедій?“ спросили у одного извѣснаго автора. Для того — ошвѣчалъ онъ — что я неспособенъ къ иншригамъ. —

*

Горбатый Михей уменъ для своего семейства, и думаешь, что уменъ и для всѣхъ.

*

Волькаръ до того влюбленъ въ Ж. - Ж. Руссо — на котораго впрочемъ довольно похожъ безхарактерностию — что изъ раздражанія Женевскому философу ошдаешь дѣшею своихъ — въ воспитательный домъ.

*

Когда Беллонарій по какому-либо случаю кладешь на себя крестъ, то я всякой разъ при эшомъ молюсь искренно: огради его, Господи, ошо лжи, ошъ обмана, ошъ коварства, ошъ вѣроломства, которымъ онъ шакъ часшо подпадаешь!

*

Бацись, шакъ называемый *чиновникъ*, имѣешь славу — кухмистра. Друзья эшаго чиновника клянущса, что ни одинъ поваръ въ столицѣ не сосшряпаетъ такой ухи изъ сшерлядей, какъ онъ. Эшо еще ничшо: онъ самымъ простымъ блюдомъ, изъ одного шолько каршофеля — удивишь васъ. Вы не скоро повѣрите, чтошбъ шущъ не было какихъ-либо дорогихъ приправъ, и между шѣмъ нѣшъ никакихъ; нѣшъ ничего ина-

го, кромѣ гренковъ. Но что за вкусъ!... Объяденіе!» и Бацисъ приглашается вельможами на обѣдъ — какъ наилучшій знашокъ въ блюдахъ; и Бацисъ порядочно спѣсивишся своею, . . . кухмистерскою славою.

*

Есть лица ужасныя, не будучи дурными: это хуже всякаго безобразія! Посмотрите, какъ Харидопъ вскинешъ глаза на васъ, какъ поведешъ ими, какъ скривитъ ротъ, какъ вздернешъ подбородокъ! Это конвульси надменной души, всегда видимой, болѣе или менѣе, на лицѣ, подобно какъ другіе предметы въ зеркаль: благодѣтельное предостереженіе! . . .

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

У м ѣ р е н н о с т ь .

Блаженъ, кто пышности не знаетъ,
 Но чтитъ, умѣренность, тебя!
 Жилищемъ скромнымъ обладаетъ,
 И въ ономъ Крезомъ чтитъ себя!
 Его палаты не прельщаютъ;
 Онъ въ нихъ не хочетъ обитать.
 Пускай памъ бронзы ослѣпляютъ,
 Богатства онъ не хочетъ знать:
 Онъ малымъ въ хижинѣ доволенъ;
 Свободу выше чтитъ всего.
 Чего желаетъ? Онъ здѣсь покоенъ;
 Невинность божество его!
 Блаженъ, кто въ самыхъ наслажденьяхъ
 Тебя, умѣренность, хранитъ!
 Разборчивъ, строгъ въ увеселеньяхъ,
 Кто время дорого цѣнитъ!

Блаженъ , спокрасть блаженъ , кто знаетъ ,
 Сколь дорогъ для души покой ;
 Кто цѣпи злата презираетъ
 И кто доволенъ самъ собой !
 Блаженъ , кто друга здѣсь имѣетъ ,
 И въ мѣрѣ семъ не одинокъ :
 Кто симъ сокровищемъ владѣетъ ,
 Тому не страшень злобный рокъ.
 Нещасье-ль , горе ли случится ,
 Его другъ вѣрный защититъ ,
 Страданье дружбой облегчится
 И горестъ сердца усладитъ .

Елисавета Крылова.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Подлинныя письма ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ къ Графу Н. П. Толстому ().*

1.

Графъ Николай Петровичъ ! Избравъ васъ въ Почетные Опекуны Московскаго Опекунскаго Совѣта и получивъ на то Высочайшее ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА дозволеніе, повелѣваю вамъ при-

(*) „Въ прошломъ году вы помѣстили въ своемъ Журналь нѣсколько подобныхъ писемъ ; вѣнюсь, я покупились-было дѣлиться съ вами моимъ богатствомъ. Но уступая желанію вашему, доставляю, для новаго изданія вашего, еще нѣкоторыя изъ хранящихся у меня писемъ ГОСУДАРЫНИ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ. Они мнѣ достались, какъ вамъ извѣстно, послѣ роднаго дяди жены моей, бывшаго Почетнымъ Опекуномъ при Императорскомъ Воспитательномъ домѣ въ Москвѣ. ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ, какъ Мать всѣхъ сиротъ, всѣхъ безпомощныхъ, всѣхъ

няпѣ въ управленіе ваше Экспедицію о воспитаніи дѣтей по деревнямъ (*). Я увѣрена, что вы, усердіемъ и ревностнымъ попеченіемъ о сей часши, оправдаете Мой выборъ (**), и пощипесь привести все въ ожидаемое благоуспройство къ Моему удовольствію. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонною.

МАРІЯ.

Въ Михайловскомъ зѣмкѣ.

26 Февраля 1801 года (***),

2.

Графъ Николай Петровичъ! Узнавъ отъ Генераль - Майора Фока и изъ донесенія вашего

оставленныхъ, какъ истинный Другъ челоѣчества и какъ Мать двухъ Великихъ ГОСУДАРЕЙ, драгоценна для сердца Рускаго! Здѣсь Она вездѣ говоритъ просто и милостиво и вездѣ примѣрнымъ языкомъ Матери - Благодарительницы! Сія незабвенная МОНАРХИНЯ была и примѣрная Наспавница творить добро, и вы щаспливы, украшая Журналь свой Ея письмами! *М. Макаровъ.*"

Издатель не находитъ словъ для изъявленія благодарности за столь драгоценные памятники, которые сохраняются въ его Журналь, истинно *щаспливомъ* ими!

(*) До опредѣленія въ Почетные Опекуны Графъ Н. П. былъ Бригадиромъ въ отставкѣ. ГОСУДАРЫНЯ слышала о немъ, какъ о добромъ, сердобольномъ челоѣкѣ, доложила о томъ Государю Императору, и съ согласія Его Величества (не болѣе, какъ за двѣ недѣли до кончины Императоровой) утвердила Графа Толстаго Почетнымъ Опекуномъ.

(**) Въ которомъ Она никогда не ошибалась. Но впрочемъ крошестію и милосердіемъ Она умѣла влагать и чувству, и душу во всѣхъ своихъ подданныхъ! *М.*

(***) Подписи *мѣста, мѣсяца, числа и года* всѣ собственноручныя. *М.*

опшъ 17 го Мая (*), что ввѣренная вамъ Экспедиція имѣетъ недоспашокъ въ лѣкаряхъ (**), Я согласна, чшобы вы объ умноженіи числа оныхъ представили Опекунскому Совѣту, кошорый о семъ поднесетъ докладъ на Мое ушверженіе. Между тѣмъ съ удовольствіемъ изъясляю вамъ признашельность Мою за успройство, порядокъ и всѣ распоряженія, учиненныя вами къ вящему успѣху Экспедиціи, и прошу васъ продолжать съ шаковымъ же усердіемъ, съ каковымъ начали. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонною.

МАРІЯ.

Въ Павловскѣ.

Мая 27 го 1801 года (***).

Графу Толстому.

(Продолженіе въ слѣдующемъ Но.)

(*) Кто не замѣнитъ съ особеннымъ благоговѣніемъ, что и въ самой глубокой горести, когда по кончинѣ Императора едва минуло съ небольшимъ шесть недѣль, Мать благодѣтельная никакъ не позабывала Своихъ забытыхъ человѣчеспвомъ дѣтей? Она и тогда думала, говорила и писала только объ нихъ — дѣти и дѣти составляли для Нея самый цѣлительный бальзамъ во всѣхъ Ея горестяхъ! М.

(**) Говорятъ, что это донесеніе и ходатайство ИМПЕРАТРИЦЫ ускорило учрежденіе Императорской Медикохирургической Академіи и многихъ другихъ Медицинскихъ учебныхъ заведеній, которыми Россія обязана Благословенному АЛЕКСАНДРУ. М.

(***) Мѣсто, мѣсяць, число и годъ опять собственноручные. ИМПЕРАТРИЦА, живучи тогда въ Павловскѣ, любимомъ Ею мѣстѣ, по кончинѣ Царственнаго Своего Супруга, положила начало всѣмъ Своимъ благошворнымъ планамъ и — шамъ же совершила ихъ. Ея памятникъ долженъ бытъ въ Павловскѣ. М.

С М Ъ С Ъ.

Французскій спектакль аматёровъ.

Вотъ одинъ изъ шѣхъ случаевъ, когда *польза* и *удовольствіе* порожествують союзъ свой наиблещящимъ образомъ!

Французское Общество благошворенія, въ Москвѣ, дало, 15 Декабря минувшаго года, въ пользу бѣдныхъ иноспранцовъ и къ удовольствію лучшей публики, Французскій спектакль аматёровъ на прекрасно убранномъ, прекрасно освѣщенномъ и ошмѣнно веселомъ шеатрѣ Князя Николая Борисовича Юсупова.

Сей благошворный спекшакль состоялъ изъ слѣдующихъ комедій - водевилей: 1. *Simple histoire*, en 1 acte; 2. *Le confident*, en 1 acte; 3. *Werther*, en 1 acte. Играли — въ первой: *Лорда Эмвурда* г-нъ Лашрель; *Фредерика* г-нъ Вершѣль; *Санфорда* г-нъ Газъ; *Миссъ Мильнеръ* г-жа Данжевиль; *слугу* г-нъ Тальбо. Во вшорой: *Девильбланша* г-нъ Лашрель; *Сен - Феликса* г-нъ Вершѣль; г-жу *Марсильи* г-жа Данжевиль; *Катерину* г-жа Флоріанъ. Въ шрешней: *Вертера* г-нъ Тальбо; *Шарлотту* г-жа Данжевиль; *Альберта* г-нъ Соссе; *Фрица* г-нъ Газъ; *Вольмара* г-нъ Вершѣль; *Лустика* г-нъ Лашрель.

Начнемъ съ г-жи Данжевиль.

Во всѣхъ шрехъ піесахъ она была душою спекшакля и — зришелей. Невозможно надивисься разнообразію игры ея, кошорая не прекращается и въ самомъ пѣніи, исполненномъ всѣхъ музыкальныхъ достоинствъ, всей мелодической очаровашельности, соединенной съ наипрѣям-

нѣйшимъ органомъ ! Сверхъ того , какое познание театра и — сердца человѣческаго ! Она не взглянешь , не улыбнешся , не возвысишь и не понизишь голоса безъ особеннаго намѣренія , всегда вѣрнаго въ дѣйствіи своемъ. — Послѣ Миссъ Мильнеръ , г-жи Марсилли , прелестныхъ до малѣйшей подробносці относительно къ попу , къ манерамъ , къ шуалешу (*), г-жа Данжевилъ имѣла снисхожденіе явиться Шарлотшою , бѣдною Шарлотшою , поднимаемою на смѣхъ Французскими водевилистами — и нашла пайну облагородшвовать самую каррикашу изящнымъ паланшомъ , кошорый заспавляя смѣяшся , не уничижаешъ себя. То же должно сказать и о г-нѣ Тальбо , игравшемъ Вертера — въ жестокой каррикашурѣ , смѣшно до крайности ; но опнюдь не безобразно , совсѣмъ не такъ , какъ играешъ сего *несчастнаго* любовника Московскій *Потье* , Сенш - Альбенъ , хошя и въ другой піесѣ , но все до излишества каррикашурно.

Г-нъ Газъ опмѣнно хорошо игралъ въ первой піесѣ Санфорда , учителя Миссъ Мильнеръ. Чувства привязанности къ своей ученицѣ и дружбы къ ея воспиташелю , Лорду Эмвурду , *Мальтійскому кавалеру* , при самыхъ крипическихкихъ обстоятельствахъ взаимной любви ихъ , г-нъ Газъ выражалъ и звукомъ голоса , и мимикой , и шѣлодвиженіями прекрасно.

Г-нъ Лапрель наиболѣе опличался во второй піесѣ , гдѣ роль его шребовала игры самой искусной. Въ сей же піесѣ г-жа Флоріанъ обратила на себя довольно лестное вниманіе публики.

(*) Въ роли кокетки Марсилли на г-жѣ Данжевилъ было очень много браллианшовъ.

Г-нъ Вершэль во всѣхъ роляхъ своихъ былъ очень милъ. — Г-нъ Соссе игралъ довольно хорошо, но говорилъ слишкомъ шихо.

За каждымъ послѣднимъ куплетомъ, пропѣтымъ г-жею Данжевилъ, раздавалось *фора* — и шоржесшвующая героиня спектакля повшоряла ихъ.

Вошъ куплетъ, копорымъ заключился вшорой водевилъ и копорый долженшвовалъ бы предшесшвовашъ первому :

La voix du malheureux Vous appelle !
Des critiques bravant les coups ,
Ne consultant que notre zèle ,
Nous nous présentons devant Vous.
Mais puisqu' aussi la bienfaisance
D'un mot a su Vous rassembler ,
Nous sommes sûrs que l'indulgence
Sera Votre seul conseiller.

Герой прекраснаго водевиля : Le confident, г-нъ Лапрель, былъ и Авшоромъ сего прекраснаго куплета.

Г-жа Данжевилъ была вызвана громомъ рукоплесканій, копорыя всякой разъ всшрѣчали ее и сопровождали.

ИЗВѢСТІЯ.

Son Altesse Royale, Monsiegnur le Prince d'Orange, a résolu d'accorder une prime de 25,000 florins des Pays - Bas à celui ou ceux, qui livreraient les bijoux volés en son palais, tels qu'ils se trouvent spécifiés et décrits dans les listes et dessins que le Gouvernement en a publiés, ou qui fourniraient des renseignements assez positifs, pour mettre la justice à même de découvrir et recouvrer ce trésor en entier. Cette prime sera

doublée, si en même temps on fait connaître et désigne au juge avec toute la certitude requise celui, ou ceux qui ont commis le vol.

Son Altesse Royale a résolu également d'accorder des récompenses considérables à celui, ou ceux, qui livreraient une partie, ou seulement l'un ou l'autre des objets volés, ou qui fourniraient à ce sujet des renseignements, dont le resultat serait de découvrir un ou plusieurs de ces objets.

Ces récompenses seront proportionnées à la valeur des objets, dont on aura procuré le recouvrement, ou la découverte.

(Signé) Baron de Heckeren.

Его Королевскому Высочеству, Принцу Оранскому, угодно назначить 25,000 Голландских флориновъ въ награждение тому, или шѣмъ, кои предсавяшъ похищенные изъ дворца Его драгоцѣнныя вещи, въ шомъ видѣ, какъ оныя означены и описаны въ обнародованныхъ Правительствомъ описяхъ и рисункахъ, равномерно и шѣмъ, кои досавяшъ свѣдѣнiя, могущiя дать Правительству способъ къ омысканiю и обратному полученiю оныхъ вещей въ цѣлости. Сiе награждение будетъ удвоено, если въ по же время съ надлежащею досповѣрностiю показанъ будетъ Правительству учинившiй или учинившiе сiю покражу.

Его Королевское Высочество равномерно соизволилъ опредѣлишь значительныя награды тому, или шѣмъ, кои предсавяшъ часть или только одну какую-либо изъ похищенныхъ вещей, или досавяшъ по предмешу сему свѣдѣнiя, по коимъ омыскана будетъ одна или нѣсколько изъ сихъ вещей.

Сии награды будутъ соразмѣрны съ цѣною опысканныхъ или обратно полученныхъ вещей. Двора Его Величества, Короля Нидерландскаго, Каммергеръ и Чрезвычайный Посланникъ и Полномочный Министръ при ЕГО ВЕЛИЧЕСТВѢ, ИМПЕРАТОРѢ ВСЕРОССИЙСКОМЪ, (подп.) *Б. де Геккеренъ*.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Нынѣшняя каршинка представляетъ одно изъ платьевъ новой Королевы Испанской. Оно изъ весьма легкой газовой шкани, расписанной золотомъ. Рукава и ошдѣлка блондовые.

— Между различными названіями нынѣшнихъ рукавовъ находятся слѣдующія: à l'éléphant, à la dona Maria, au roi de Siam.

— Посреди широкаго банша изъ бархата или изъ атласной ленты напередѣ бархатныхъ шляпокъ накладывается бѣлая широкая блонда, собранная опахаломъ. Срединка прижата атласнымъ аграфомъ, а бока представляютъ мѣльничныя крылья. Чтобы придать твердость блондамъ, на это употребляемъ, онѣ подшиваются самою тонкою проволокою, идущею зигзагомъ.

— Есть березы или маленькія бархатныя шляпки, съ кронками изъ шенилевой сѣточки (gézille en chenille), или изъ атласныхъ свипковъ à jour. Поля въ бокахъ очень широки, а поднизомъ убраны газовыми баншами, или цѣптами въ видѣ эгреша. Мы видѣли такую шляпку изъ голубаго неразрѣзнаго бархата съ бѣлыми газовыми лентами, вырѣзанными такъ тонко, что онѣ казались пуками перьевъ.

Изъясненіе картинокъ при семь No.

Голова убрана блондами. Платье изъ золотой шкани, съ блондовою накладкою.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, по оппечашаніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Декабря 20 го дня, 1829 г.

Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергѣй Глинка.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Е Р А Т У Р А.

П Р О З А.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ РУСКИХЪ
ЖЕНЩИНЪ - АВТОРОВЪ.

(Продолженіе.)

III.

ВЪКЪ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

I.

Императрица Екатерина II.

Четвершою и первою, въ другомъ отноше-
ніи, изъ Рускихъ Писательницъ мы полагаемъ
Екатерину Великую. Вскорѣ послѣ Своего брака
съ Петромъ III, Наслѣдникомъ Елисаветы,
юная и прекрасная Екатерина, въ кругу Писа-
телей тогдашняго времени: Ломоносова, Сума-
рокова, Ржевскаго и другихъ, а болѣе подкрѣп-
ляемая въ любви своей къ наукамъ Шуваловымъ,

основашелемъ Московскаго Университета , начала писать поруски.

Въ 1757 году Великая, узнавши о миспическихъ скопищахъ , гошовыхъ съ помощію нѣкопорыхъ *сильныхъ* иноспранцевъ бышь и при Дворѣ Россійскомъ , пошчасъ предприняла писать прошивъ сихъ вкрадчивыхъ злоумыслителей, и къ исходу 1758 года окончила, на Французскомъ языкѣ , небольшую книжку : *Тайна противу нелѣпаго общества (Anti-absurde), открытая непричастнымъ оному.* Въ 1759 году сія книжка была переведена и напечатана (въ С. П. Бургѣ).

Смѣлая выходка Женщины прошивъ Самсоновской силы миспиковъ , по уму своему , какъ думали тогда , непобѣдимыхъ , познакомила *прекрасную* Философку со всѣми великими Ея современниками : вся Европа , вдругъ , обратила на Нее взоры свои !

На другой годъ , по вступленіи на Престолъ Всероссійскій , мы уже видимъ Екашерину въ самой близкой перепискѣ съ разными учеными мужами и предпочтительно съ Вольшеромъ , писашелемъ и философомъ , имѣвшимъ , какъ извѣстно , особенное вліяніе на современниковъ . Въ его умъ и духъ тогда сіяла одна немерцаемая въ блескѣ *звѣзда Сѣверная.*

Переписка Екашерины съ разными Особами составила, по кончинѣ Императрицы , нѣсколько томовъ . — Вошь названія книгъ , заключающихъ въ себѣ сію переписку :

1. Переписка съ Вольшеромъ , изданная на Французскомъ языкѣ и переведенная на Рускій языкъ вдругъ чешырма переводчиками . Вошь заглавія сихъ книгъ :

А. *Философическая и политическая переписка Императрицы Екашерины II съ Вольтеромъ*, 1763 — 1778. 2 Часши. Переводъ съ Французскаго. С. П. Бургъ, 1802. Въ Императорской Типографіи.

В. *Переписка Россійской Императрицы Екaтерины II съ Вольтеромъ*, 1763 — 1778. Перевель съ Французскаго *Михаиль Антоновскій*. Двъ часши. С. П. Бургъ, 1803. Въ Типографіи Академіи Наукъ.

С. *Переписка Россійской Императрицы Екaтерины II и Вольтера*, продолжавшаяся съ 1763 по 1778 годъ. Перевель съ Французскаго *Иванъ Фабіанъ*. 2 Часши. Москва, 1803. Въ Типографіи *Гарія и компаниі*.

Д. *Переписка Екaтерины Великія съ Вольтеромъ*. Перевель съ Французскаго *Александръ Подлесбъцкій*. 2 Часши. М. 1803. Въ типографіи А. Ръшешникова.

Всѣ сіи изданія, не смолря на весьма посредственный переводъ нѣкопорыхъ и даже на неисправность печашанія въ старинной типографіи Ръшешникова, разошлись въ самомъ скоромъ времени.

Съ *П. Д. Еропкинымъ*, съ *Графомъ П. А. Румянцевымъ - Задунайскимъ* и съ Докпоромъ *Циммерманомъ* Екашерина вела шакже поспоанную переписку, кошорая по кончинѣ Императрицы была издана въ *четырехъ* книгахъ. Вошъ ихъ оглавленіе :

1я. *Переписка Императрицы Екaтерины II съ Графомъ Румянцевымъ - Задунайскимъ*. М. 1805. Въ типогр. *Крлжева и Мея*. 2е Изданіе. Печашан. у *Ръшетникова*. 1808.

2я. *Переписка Императрицы Екатерины II съ разными Особами.* С. П. Бургъ, 1807. Въ шипогр. Дрежслера.

3я. *Философическая и политическая переписка Императрицы Екатерины II съ Докторомъ Циммерманомъ*, 1785 — 1792 года. Перевель съ Французскаго *Иванъ Степановъ*. С. П. Бургъ, 1803. Въ Императорской Типографіи.

4я. *Высочайшія собственноручныя письма и повелѣнія Блаженной и вѣчной славы достойной памяти Государыни Императрицы Екатерины Великія къ покойному Генералу Петру Дмитріевичу Еропкину и всеподданнѣйшія его донесенія*; собралъ *Яковъ Ростъ*. М. 1808. Въ Университетской Типографіи.

Всѣ сіи письма весьма любопытны и важны для будущаго Историка Екашерина; но кромѣ сихъ есть еще и другія важнѣйшія, еще доселѣ неизданныя.

Театральными сочиненіями Екашерина начала занимашься съ 1770 года; написала комедію *О время!* (въ прехъ дѣйствіяхъ), копорая и напечатана въ С. П. Бургъ 1772 года. Сія комедія имѣла хорошій успѣхъ какъ на сценѣ театровъ, шакъ и въ чшеніи. Нашъ славный прагикъ, И. А. Дмишревскій, всегда съ воспоргомъ рассказывалъ о необыкновенномъ успѣхѣ комедіи *О время!* и увѣрялъ, чпо прежде, нежели она была напечатана, нѣсколько времени весь Петербургъ занимался переписываніемъ сей піесы.

Въ шѣхъ же семидесяшыхъ годахъ Государыня, пушешествуя въ южные края Своей Имперіи по Волгѣ, занималась переводомъ на Россійскій языкъ Мармоншелева *Велисарія*, копорый въ 1773 году имѣлъ уже два изданія въ С. Пешербургѣ; а 1785 года напечатанъ въ Мо-

сковской Университетской Типографіи 3 мь изданіемъ. Ни одна библіотека не оставалась безъ *Велисарія* и не было грамотнаго челоуѣка, который бы не читалъ его, какъ книгу необходимую.

Въ 1785 Екашерина, поддерживая Дворянство, писала планы для *Заемнаго Банка*; въ то же время, читая любимаго Ею Шекспира, подражала ему, и въ 1786 году напечатала *Историческое представленіе* (безъ сохраненія обыкновенныхъ театральныхъ правилъ) *изъ жизни Рюрика*. Оно было напечатано въ Типографіи Академіи Наукъ. Вслѣдъ за симъ представленіемъ (того же 1786 года) сочинено и напечатано Императрицею (въ Типографіи Академіи Наукъ) другое подражаніе Шекспиру, въ *пяти дѣйствіяхъ*, подъ названіемъ: *Вотъ каково имѣть корзинку и бѣлье!* И попомъ (того же) въ *пяти дѣйствіяхъ* комедія: *Имянины госпожи Ворчалкиной*. Въ сей комедіи предпочтительно осмѣиваются *прожентеры*, щеголи и вообще пустые люди. Но нѣкоторые приписываютъ сочиненіе сей комедіи извѣстному тогдашнему комику Веревкину, впрочемъ писавшему только подъ дикташурою Великой Екашерини. Того же, 1786 года, сочинена и напечатана Императрицею (въ Типографіи Академіи Наукъ) еще комедія въ 5 дѣйствіяхъ: *Шаманъ Сибирскій* — насмѣшка надъ *Шаманствомъ* суевѣровъ и Масоновъ. Въ противоположность сей политической насмѣшки (того же) сочинена и напечатана въ 5 дѣйствіяхъ опера *Февей*, составленная изъ Рускихъ сказокъ и пѣсень.

1787 Года Екашериною сочиняется, представляется съ большимъ блескомъ на театрѣ

и печатается другая волшебная въ 5 дѣйствіяхъ опера: *Храбрый и смѣлый витязь Ахри-дѣиць*.

Съ 1787 по 1791 годъ Екашерина, кромѣ прочихъ сичиненій, занималась составленіемъ *Сравнительнаго Словаря всѣхъ языковъ и нарѣчій*, который въ томъ же году и былъ изданъ Академикомъ Палласомъ. Тогда же писала Государыня: *Родословникъ Князей Великихъ и удѣльныхъ рода Рюрикова*, изданный уже по Ея кончинѣ въ 1801 году. *Записки касательно Россійской Исторіи* начаты почти въ то же время; но кончены въ 1793, а продолжались печатаніемъ до 1801 года. Въ продолженіе сего же времени были сочиняемы Екашериною, вмѣстѣ съ другими близкими къ Ней Особами, театральныя піесы для Эрмишажа, большею частію на Французскомъ языкѣ; изъ оныхъ *двѣ* частіи переведены и напечатаны въ 1802 году *П. А. Пельскимъ*; а другія *двѣ*, въ томъ же 1802 году, *другимъ* (неизвѣстнымъ) переводчикомъ.

1788 Года особенно сочинена и напечатана Государынею въ 5 дѣйствіяхъ комедія: *Семья, разстроенная осторожками и подозрѣніями*. Въ слѣдующемъ 1789 году Императрица сочинила и напечатала саширическое представленіе въ 5 дѣйствіяхъ: *Горе Богатырь Косометовичъ*; потомъ, тогда же, перепечатала ее вмѣстѣ со сказкою о *Горѣ богатырь Косометовичѣ* и потомъ, по нѣкоторымъ толкамъ, Сама же оную, какъ говоряшь, запретила. Въ то же время Ею сочиненное въ 5 жь дѣйствіяхъ театральное представленіе: *Начальное управленіе Олега*, было напечатано прешьимъ изданіемъ, въ 1793 году, и второе изданіе Императрицыной

же оперы въ 5 дѣйствіяхъ: *Новгородскій Богатырь Боеславиць* — pendant *Горю богатырю*.

Кромѣ сего, Екашеринѣ приписываютъ составленіе нѣкоторыхъ лишекъ для Словаря *Россійской Академіи*, сочиненіе Комедіи *Обольщенный*, сатиры на искашелей *Философическаго камня* и забавной комической оперы: *Федуль съ пятнадцатю дѣтьми* — шріумѣъ нашей пѣвицы Сандуновой.

Почти на всѣ журналы, издаваемые въ царствованіе Екашерины, Она имѣла особенное вліяніе; но предпочтительнѣе Сама участвовала въ Собѣсѣдникѣ, котораго главнымъ издашелемъ былъ И. О. Богдановиць, авторъ *Душеньки*.

Сопрудниками въ театральныхъ сочиненіяхъ Императрицы были Графъ Сегюръ, А. В. Храповицкій, Княгиня Дашкова, Графъ Шуваловъ, дѣвица Офренъ и многіе другіе любители Словесности, составлявшіе особенное общество Екашерины.

(Продолженіе въ слѣд. Но.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

В е т е р ъ .

Ужъ мрачной тѣнію покрылися равнины;
 Послѣдній лучъ угасъ, скрываеть за горой;
 Въ безмолвной тишинѣ цвѣтущія долины
 Поля окроплены алмазною росой;
 Дрожащія лучи на землю проливаєшь
 Багряная луна, сверкая изъ - за горъ;
 Природы дремлющей ничто не оглашаеть —
 Ни шрели ласпочекъ, ни пшичекъ спройный хорь.

Лобзая берега, покрытые травю,
 Лишь вдалекъ журчитъ кристальный ручейкъ
 И волны шевелишь игривый въперокъ ;
 Луна сребристая катится надъ водою.
 Въ обитель мирную съ веселіемъ спѣшишь
 Поселянинъ, свой плугъ тяжелый оставляя,
 И средь семьи своей усталость забывая ;
 Спокойствіе души въ глазахъ его блеститъ.

Марья Кайзеръ.

ОРЕЛЬ И ЛАСТОЧКИ.

Б а с н я.

Взгляните : Ласточки, собравшіяся въ кучу,
 Преслѣдуютъ Орла, парящаго за тучу.
 Смотрите, какъ спѣшишь онъ улетѣть отъ нихъ,
 Какъ будто бы боясь ничтожныхъ шварей сихъ.

*

Такъ добродѣтельный, терпя людей гоненье,
 Бѣжитъ отъ клеветы въ свое уединенье.

Сіановъ.

Вологда.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Подлинныя письма ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ТЕОДОРОВНЫ къ Графу Н. П. Толстому.

(Продолженіе.)

3.

Графъ Николай Петровичъ! Я спѣшу извиниться предъ вами, что повторительно жаловалась о недоспашкѣ кормилицъ (*), когда, на-

(*) Все сіе письмо исполнено примѣрной кротости, необыкновенной сознательности души великой! Не говорю

прошивъ того, должна благодарить васъ за стараніе ваше, коимъ имѣеся по послѣднимъ донесеніямъ нарочитое излишество оныхъ. Но то произошло отъ несмотрѣнія и отъ привычки всегда видѣть въ вѣдомостяхъ Московскаго Дома замѣченный недостатокъ въ кормилицяхъ, а не въ дѣтяхъ, пошому не разсмотря подробнѣе, почла Я, что и въ послѣднихъ тоже существуетъ (*). Къ тому еще содѣйствовало и то, что въ вѣдомостяхъ С.-Петербургскаго Дома отмѣчается превосходство числа кормилицъ прошивъ дѣшей сими словами: *по числу дѣтей кормилицъ лишнихъ*; а сія разнота въ изреченіи скорѣе вниманіе на себя обращаетъ. И такъ признаюсь вамъ чистосердечно въ Моей ошибкѣ, объявляя вамъ совершенное и особенное Мое удовольствіе и искреннюю благодарность за добрыя ваши мѣры къ исполненію Моего желанія.

Весьма пріятно Мнѣ видѣть излишество кормилицъ; ибо гораздо лучше издержать на нихъ побольше, нежели видѣть бѣдныхъ дѣтей спраждающихъ отъ недостатка оныхъ. Прошу васъ сохранить споль вождельное положеніе, и пребываю впрочемъ вамъ благосклонною.

МАРІЯ.

Графу Толстому.

уже о материнской нѣжнѣйшей попечительности, которою здѣсь дышетъ каждое слово. — Вотъ языкъ ИМПЕРАТРИЦЫ! Вотъ слова Матери Великихъ! М.

(*) Какой сильный, какой чувствительный, но какой благородной Царской упрекъ и сознаніе! Такъ точно замѣчала и сознавалась Великая Екатерина. М.

Извините Мою ошибку: Мы всё стали виноваты! Поклонъ Мой всёмъ Нашимъ ().*

Въ С.-Петербургѣ.

Декабря 20 дня 1801.

4.

Графъ Николай Петровичъ! Изъ послѣднихъ вѣдомостей по ввѣренной вамъ Экспедиціи о воспитаніи дѣтей по деревнямъ усмотрѣла Я съ сожалѣніемъ, что еще нарочитое число оныхъ больны бывають оспою. По поводу сего прошу васъ увѣдомить Меня объ успѣхахъ прививанія оспы симъ воспитанникамъ, и рекомендовать Доктору Берковиспу и употребляемымъ къ сему лѣкарямъ, чтобы продолжали вести по сей часи подробный и почный журналъ. Полагаясь впрочемъ на ваше усердіе и стараніе въ семъ дѣлѣ, пребываю вамъ благосклонно.

МАРІЯ.

Я не понимаю, что случилось съ лѣкаремъ, посланнымъ для привоза дѣтей и — боюсь, не потерялся ли онъ съ деньгами (**).

Въ С.-Петербургѣ.

Февраля 11 го дня 1802 года.

5.

Графъ Николай Петровичъ! Я охотно отдаю всякую справедливость вашему старанію и попеченію о ввѣренной вамъ Экспедиціи, видя явные успѣхи оныхъ въ уменьшающемся числѣ

(*) Приписка, означенная курсивомъ, есть собственноручная ИМПЕРАТРИЦЫ. М.

(**) Вся сія приписка собственноручная. М.

больныхъ и умирающихъ пипомцевъ по деревнямъ, и усмопрѣла съ особливимъ удовольствіемъ изъ послѣдней вѣдомости по вашей Экспедиціи великую разность въ числѣ больныхъ и умершихъ въ Февраль мѣсяцъ прошлаго и въ томъ же мѣсяцѣ текущаго года. Но не могу пропустить безъ замѣчанія, что въ томъ числѣ были еще нѣкоторыя спраждуція и умершія ошъ натуральной оспы. Вразсужденіи чего не могу довольно часто повпоряшь о всевозможномъ стараніи и наблюденіи, дабы *прививали сколько возможно въ деревняхъ коровью оспу*, и симъ *способомъ* навсегда (*) уже предупредить всякую опасность и потерю ошъ натуральной оспы. Полагаясь въ томъ на ваше усердіе и ревность, пребываю впрочемъ вамъ благосклонною.

МАРІЯ.

Я не могу довольно высказать вамъ, Графъ Николай Петровичъ! все удовольствіе Мое, видя великое излишество въ кормилицахъ, и васъ благодарю за то искренно (**).

Въ С.-Петербургѣ.

Марша 10 го дня 1802 года.

(Будетъ продолженіе.)

(*) Слова, напечатанныя курсивомъ, вписаны собственною рукою ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА вмѣсто имѣвшагося въ письмѣ: „дабы ошнюдь не ошправлялись въ деревню ни какіе младенцы, коимъ коровья оспа не привива и шѣмъ навсегда,“ и проч. *М.*

(**) Озабочиваясь душою о безкровныхъ и безпріютныхъ дѣтяхъ, въ сіе же самое время ГОСУДАРЫНЯ заготовляла благодѣтельные планы на учрежденіе Института Ордена Святой Екатерины въ Москвѣ, который и былъ ошкрытъ въ слѣдующемъ 1803 году. „Сколько Мнѣ новыхъ хлопотъ!“ писала ИМПЕРАТРИЦА къ другому Почетному Опекуну (Н. И. Баранову): „но для дѣшей и лшущъ намъ Богъ поможетъ!“ Несравненное сердоболіе! *М.*

С М Ъ С Ь.

Французскій театръ.

Бенефисъ г-жи Констансъ , 20 Декабря.

Во Франціи и для Французовъ нѣтъ ничего шакого, что бы не могло служишь содержаніемъ для пѣснй, для водевиля, для комедіи. И не мудрено. Напримѣръ, въ Парижѣ, единшвенномъ, неизслѣдимомъ Парижѣ, каждая часть города имѣеть свои обычаи, свой образъ жизни, свой тонъ, свои манеры, свою степень просвѣщенія и невѣжества — и вошь явилась комедія: *Les trois-quartiers*, въ копорой видимъ рѣзкое различіе между жителями шрехъ часшей Парижа: *Saint-Denis, Saint-Germain et Chaussée d'Antin*.

Сею комедією, доказывающею, какъ авторы ея, Скрибъ и Мазеръ, хорошо знаютъ *свѣтъ*, начался спектакль, увѣнчавшій бенефицианску новыми лаврами во второй піесѣ; въ первой г-жа Констансъ не играла.

Сенш-Альбенъ и г-жа Фіоль были *душею* комедіи. Первый игралъ пріѣхавшаго изъ провинціи негоціанта, вдругъ разбогатѣвшаго смершю дяди, и смѣшилъ до крайности своею неловкостію, своими ужимками, своими комплименшами, даже своимъ *жабо*, высунушымъ помѣщански. Другая играла сестру банкира, на копорой женился Виконшъ, Полковникъ, и о копорой говоритъ Маркиза, вручающая ее жениху: *elle n'est pas noble, mais elle est jolie*. Мы скажемъ съ меньшею скромностію и съ бѣльшею испиною: невѣсша была *прелестна* и собою, и шуалешомъ своимъ. — Г-жа Виржини, въ роли

Маркизиной племянницы, также привлекала къ себѣ взоры въ обоихъ отношеніяхъ.

За комедіею слѣдоваль подъ именемъ *vaudeville - folie* — фарсъ: *Riquet à la houppe*, въ 1 актѣ, соч. Бразье. Здѣсь опять Сент-Альбенъ отличался своею ролею Принца, безобразнаго, искривленнаго, горбашаго, но веселаго, живаго, остроумнаго, съ чернымъ хохломъ на плешивой головѣ. Г-жа Констансъ играла глупенькую (*niaise*), забавляющуюся дѣтскими игрушками молодую дѣвушку, на которой хохлъ-было женился смѣшной владѣлецъ (*seigneur ridicule*), еще не видавши ее; но какъ же удивились онъ, мать и отецъ ея, *Губернаторъ Зеленаго острова*, когда увидѣли внезапную перемену, произведенную въ ней волшебствомъ Феи, выѣхавшей на сцену въ колесницѣ, везомой дракономъ, — Феи, крестной матери Принца, который спановишся прекраснымъ и получаешь руку и сердце умной и чувствительной красавицы. Г-жа Констансъ въ обоихъ періодахъ, столь противоположныхъ другъ другу, была равно плѣнительна. — Г-жа Александрина представляла Фею такъ почто, какъ мы воображаемъ Фей. — Бенефицианку вызвали и воздали паланшу ея рукоплесканія.

Третьею и послѣднею піесою былъ водевиль Скриба: *Le coiffeur et le perruquier*. — Сей водевиль поддерживаешь мнѣніе наше о Франціи и Французахъ, сказанное нами въ началѣ сшаши.

Ничего незначущее содержаніе, ничего незначущіе характеры, ничего незначущая интрига — производяшь значительное дѣйствіе на зрители *искусствомъ и цѣлостію* сочиненія, ошмѣнно забавнаго *языкомъ и игрою*.

Всѣ три піесы были даны въ *первый* разъ.

ИЗВѢСТІЯ.

Испытаніе въ искусствахъ , бывшее 21 Декабря въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ.

За десятидневнымъ непрерывнымъ испытаніемъ воспитанниковъ сего знаменишаго Пансіона въ языкахъ и наукахъ слѣдовало , по обыкновенію , испытаніе въ искусствахъ , всегда привлекающихъ безчисленную публику. Его Превосходительство , Г-нъ Попечитель М. Университета ; Его Высокопревосходительство И. И. Димпріевъ ; многіе Сенапторы , и другія почтенныя особы находились при семъ испытаніи. Оно началось *декламаціею*. Произнесены : 1. Павломъ Никифоровымъ , величественная Пѣснь Рускому Царю , соч. *В. А. Жуковского* , образовавшаго великія дарованія свои въ семъ древнемъ свящилищѣ Музъ. 2. Сергеемъ Спроевымъ , *La harpe de Glorvina* , par Resseguier. Сей воспитанникъ - юноша заслужилъ своими опшчными успѣхами мѣсто роднаго брата , вышедшаго въ прошломъ году изъ Пансіона. 3. Алексѣемъ Малыгинымъ , прекрасныя стихи *А. А. Писарева* на побѣды въ Персіи. 4. Павломъ Карпенкомъ , также прекрасныя стихи на переходъ чрезъ Балканскія горы. 5. Валеріаномъ Ташариновымъ , Баснь *И. А. Крылова* : Колось.

Потомъ слѣдовала *Музыка*.

Алексѣй Терпигоревъ игралъ на фортепьяно Калькбреннерова рондо. Михайло Лерманшовъ на скрипкѣ аллегро изъ Маурерова концерта. Александръ Нарышевъ на фортепьяно рондо Герца. Мих. Сабуровъ на фортепьяно кон-

цершь Гуммеля. Графъ Николай Толстой на скрипкѣ аллегро изъ Спорова концерта. Аполлонъ Шафонскій на фортепьяно вариации Черни. Аванасій Мещериновъ на фортепьяно концершь Черни.

Объ сіи часши Свободныхъ Искусствъ доказывали опличное дарованіе и необыкновенные успѣхи воспитанниковъ, между которыми были *сущія дѣти*.

За музыкою послѣдовало *Фехтованіе*.

Наши будущіе герои дрались мастерски на шпагахъ и сабляхъ. Вошь имена воспитанниковъ: Сергей Сабуровъ, Алексій Малыгинъ, Конспантинъ Булгаковъ, Алексій Давыдовъ, Василій Шепелевъ, Мих. Павловъ, Алексій Давыдовъ.

Наконецъ — *Танцы*.

А. Изъ класса г-на Флагге. — В. Изъ класса г-на Йогеля, Pot-rougi, изъ разныхъ національныхъ шанцовъ. Мы часшо имѣли случай говорить о *піитическихъ вымыслахъ* нашего *практическаго Новера* при составленіи характеристическихъ шанцовъ. Зришели, а особливо зришельницы, не могли налюбоваться искусству его учениковъ, пригошовляемыхъ къ вѣнку Терпсихоры первымъ изъ сихъ двухъ художниковъ.

Труды воспитанниковъ: каршины, фортификаціонные чершежи, прописи, разложенные на длинномъ столѣ, были первымъ предметомъ, занявшимъ посѣшителей, и равномерно блиставшимъ печашью опличныхъ дарованій и необыкновенныхъ успѣховъ: сіи двѣ чершы, можно сказать, характеризуюшь Университетскій Благородный Пансіонъ!

Напоследокъ экзаменный вечеръ превратился въ обыкновенный балъ и кончился въ 12 часовъ.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Плащи (manteaux) нынѣшнюю зиму такъ разнообразящъ, такую придающъ имъ изящность, такой видъ пышности, что они нынѣ представляющъ печашь вкуса тѣхъ, когорья носилъ ихъ.

— Муффы со дня на день становилса необходимѣ. Даже на вечера ѣздящъ съ муфшами, когорья оставляющъ съ плащами и попомъ служашъ спасительною защитою при выѣздѣ. Горнастай употреблелса въ костюмахъ самыхъ нарядныхъ, для самыхъ блестящихъ вечеровъ. Въ слѣдующихъ нумерахъ мы представимъ модель сего наряда, взяшую съ дамы, копорой слава въ щегольствѣ *высокаго стиля* не имѣетъ равной.

— Въ особенности замѣчена простоволосою уборка съ широкою косою, представляющею полу-корону на вершинѣ головы: сія уборка называется *романтигескою*.

Изъясненіе картинки при семь No.

Она представляетъ визитный костюмъ, весьма щасливо избранный. Корсажъ и низъ платья изъ неразрѣзнаго бархата такого же цвѣта, какъ и апласъ платья. Надъ коймою въ низу онаго пышный витокъ (torsade), а верхъ бархатнаго корсажа, образующій жокеи (jockeys) на рукавахъ, обшитъ вокругъ бахрамою (à graines d'épinards). Шляпка плюшевая, замѣчательная ошливомъ своего цвѣта и чрезвычайною простотою формы.

Дѣтскій костюмъ весьма новъ; онъ почерпнулъ въ источникъ всего того, что дѣлается наилучшаго въ семь родѣ фантазіи. Реденгомъ изъ тонкаго мериноса, подбитый бархатомъ. Паншалоны суконные.

О Ш И Б К А .

Въ предыдущемъ No, стран. 6, строка 8, напечатано: дѣтей; должно: пшенцовъ.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,
съ тѣмъ чтобы, по ошпечашаніи, представлелны были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Декабря 30го дня, 1829 г.

Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергій Глинка.

1830.

Парижскія

Моды. №2.

Данскій Журналъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П р о з а.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ РУСКИХЪ
ЖЕНЩИНЪ - АВТОРОВЪ.

(Продолженіе.)

2.

Княгиня Катерина Романовна Дашкова.

Н. И. Новиковъ приписываетъ Княгинѣ Ка-
шеринѣ Романовнѣ одно только участіе въ из-
даваемомъ 1763 года въ Москвѣ журналѣ подъ
названіемъ: *Невинное упражненіе*, и нѣкоото-
рыхъ стихотвореній (*). Но мы знаемъ, что
она участвовала и во всѣхъ другихъ современ-
ныхъ Екашеринѣ Великой журналахъ. Какъ Пре-
зидентшъ Академіи, Княгиня Дашкова занималась

(*) Опытъ Историческаго Словаря о Россійскихъ писате-
ляхъ; стран. 55. 1772 Года:

составленіемъ Академическаго Словаря и писала многое подъ диктурую Государыни — большею, однакожь, частію на Французскомъ языкѣ. — Всѣ молодые писатели погдашняго времени были особенно покровительствованы Княжною Дашковою и почти всегда чрезъ нее шолько бывали рекомендованы Екашеринѣ.

3.

Анна Ивановна Вельтиева - Волинцева.

Дѣвица, дочь аршиллеріи Подполковника. Новиковъ хваля ее, говоритъ, что она *вразсужденіи* своихъ молодыхъ лѣтъ и исправности перевода достойна похвалы; что она сочинила довольно стиховъ, заслуживающихъ похвалу (*). Сіи стихи печатались во многихъ современныхъ журналахъ; но изъ ея переводовъ извѣстнѣйшіе суть: 1. *Тысяча и одинъ день; Перуанскія сказки*, въ 2 часяхъ, переведенныя съ Французскаго и напечатанныя въ М. Университетской типографіи 1766 — 1767 года; въ 12 ю долю листа. 2. *Исторія Бранденбургская*, съ шремя разсужденіями о нравахъ, обычаяхъ и успѣхахъ челоѣческаго разума, о суевѣріи и законѣ, о причинахъ установаенія, или уничтоженія законовъ, соч. Фридриха II, Короля Прусскаго, переводъ съ Французскаго; 4 части. М. Въ Университетской Типографіи 1770. — „Вошь у меня перевели и Фридриха!“ сказала однажды Екатерина Дидерошу: „и кто же, думаете вы? — молодая, пригожая дѣвушка!“

(*) Опытъ Историческаго Словаря о Россійскихъ Писателяхъ, стран. 29 л.

У Васъ и при Васъ, Ваше Величество! — отвѣ-
чалъ философъ — всѣ чудеса свѣща; но въ Пари-
жѣ мало и муштинъ чипашелей Фридриха (*)! —

4.

Марья Воиновна Зубова.

Вопъ свидѣтельство Новикова: „Супруга
Спашскаго Совѣтника, урожденная *Римская -*
Ворсанова, сочинила не мало разныхъ весьма
изрядныхъ стихошвореній, а особливо пѣсенъ,
изъ коихъ нѣкопорыя напечатаны во II части
Собранія пѣсенъ, 1770 года, въ Санктпешер-
бургѣ; также перевела нѣсколько книгъ съ Фран-
цузскаго на Россійскій языкъ; но онѣ еще не-
напечатаны. Впрочемъ сочиненія ея и перево-
ды за чистоту слога достойны похвалы (**).“

Намъ сказывали, что Марья Воиновна, въ
свое время, была самая пріятнѣйшая пѣвица въ
началѣ царствованія Екашерини и что пѣсенка:
Я въ пустыню удаляюсь — нѣкогда люби-
мая нашими пѣвцами и пѣвицами — только по-
правлена другими, а сочинена Зубовою.

(Будетъ продолженіе.)

(*) Словесный рассказъ покойнаго Канцлера Графа Осшер-
мана.

(**) Опытъ Историческаго Словаря о Россійскихъ Писате-
ляхъ, стран. 68.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Привѣтъ осиротѣвшей.

Помнишь ли, когда гремѣла
Надъ свяшою Русью брань ?
Видѣль ли, когда горѣла
Златоглавая Москва ?

И когда ея рамена
Обвиваль споглавый змѣй
И звучали цѣпи плѣна
У гробовъ ея Владыкъ ?

Подъ мечемъ тогда, огнями
Много воиновъ легло ;
Между братьями, друзьями
Многихъ должно вспомнать.

Тамъ у быстрыя Волочи
Паль Всеславъ, мой верный другъ.
Я послѣднѣя при ночи
Вмѣстѣ въ полѣ съ нимъ провель.

На холмахъ и за холмами
Были шрупы бранныхъ жерщвъ ;
Передъ нами и за нами
Рдѣли пламенемъ костры.

Роковые дни и ночи
Не смыкали мы очей ;
И сомкнушся ли шамъ очи,
Гдѣ побѣда, или смерть ?

Вопъ и новая пуманомъ
Покрываетъ поле битвъ ;
Слышенъ гуль глухой за станомъ ;
Передъ станомъ пишина.

„Братъ!“ сказала онъ мнѣ какъ другу :
 „Если въ бившѣ я паду ,
 Не оставь мою супругу :
 Будь ей ангеломъ небесь.

„Ты скажи ей , какъ мы бились
 Въ рашномъ полѣ со врагомъ ;
 Ты скажи , что къ ней стремились
 Чувства друга въ смершнй часъ ;

„Что средь пламеннаго бою
 Мысль объ ней ограда мнѣ ;
 Что невидимо душою
 Я съ ней вѣчно буду жить !

„Не печаль ее напрасно :
 Горемъ сердца не шуши !
 Ты скажи ей , что нещасшна
 Не одна теперь она.

„Ты ей твердыми руками
 Возврати мое кольцо ,
 И примодви , что слезами
 Горя ей не поущишь ;

„Что оставшиися вдовою ,
 Много встрѣшитъ въ свѣтѣ бѣдъ ;
 Что въ чужбинѣ сиророю
 Тяжело ей вѣкъ прожить.

„Пусть , кто станешъ миль , инаго
 Другомъ сердцу изберешъ.
 Жениховъ ей будешъ много :
 Кто ей сердца не отдасть ? “

Такъ сказала , и горешъ злая
 Прервала его слова ;
 Но ко мнѣ свой взоръ склоняя ,
 Онъ имъ все договориль.

Скоро загорѣлъ стыдливый
 На востокъ первый лучъ ,
 Скоро огласились нивы
 Новымъ звукомъ бранныхъ тучь.

Долго ада исполины
 Изрыгали смерть на насъ ,
 Долго Рускія дружины
 Сокрушали крѣпость ихъ.

Но мгновенно пролетаетъ
 Съ свистомъ яростнымъ свинецъ :
 Добрый вишнякъ упадаетъ
 Мерщвъ за Вѣру и Царя.

Я съ руки его снимаю
 Обручальное кольцо. —
 Вотъ свиданья часъ ! — Не знаю ,
 Какъ опдамъ и что скажу !

Сердцемъ крошкая подруга
 Жадой смертной вѣспи ждетъ ;
 Ждетъ увидѣть мила друга
 Взоръ пылающій ея. . . .

Невиновное , но щетно
 Я пришворство призывалъ :
 Съ грустью мрачной непримѣнно
 Измѣнилъ я самъ себя.

Я промолвилъ роковое
 Слово , страшное объ немъ ,
 И кольцо ей золотое
 Подаль препенной рукой.

Но кольцо къ ногамъ упало ;
 Не внимаешь слухъ рѣчамъ ;
 Грудь бѣлѣе снѣга стала ;
 Нѣтъ дыханья на устахъ.

Лишь блудящій взоръ несчастной
 Предо мной еще горѣлъ ;
 Но и сей зари прекрасной
 Лучъ послѣдній потемнѣлъ.

Тщетию, тщетно утѣшенъ
 Вымышляя для сироты;
 Вѣчно вѣрной нѣтъ спасенъ!
 Ей не нуженъ новый другъ.

Ахъ! легко сказать, что много
 Есть на свѣтѣ жениховъ;
 Хорошо сказать: инаго
 Сердцемъ друга полюби.

Духовскій.

С М Ъ С Ъ.

*Живыя картины, представленныя у Князя
 Дмитрія Владиміровича Голицына.*

Надлежишь имѣшь кисть и паланшъ како-
 го - либо изъ наименованныхъ ниже великихъ
 художниковъ, чшобы описатьъ всю очаровашель-
 носшь сихъ картинъ, дѣйствующихъ на зри-
 теля съ двойкою силою: *истины и обмана!* Плъ-
 няясь неподвижною красошою, блестящею въ
 картинѣ, думаешь тогда же, что сія красапа
 есть дѣло природы, не искусство — и чувшву-
 ешь такія впечатлѣнія, какихъ не лзя чув-
 швовашъ ни въ какой картинной галлерей.

По крайней мѣрѣ мы опишемъ вѣрными чер-
 тами сей достопамятный праздникъ, бывшій
 29 Декабря и долженствующій сохраниться
 Московскими льпописями изящныхъ увеселеній.

Зрѣлищамъ картинъ предшествовалъ Про-
 логъ, въ которомъ шри дѣйствующія лица, А.

Я. Булгаковъ (*), Князь М. Н. Голицынъ и Н. В. Всеволожскій, послѣ нѣкоторыхъ забавныхъ сценъ и оспрыхъ каламбуровъ, наименовали особъ, представлявшихъ каршины, рассказали ихъ содержаніе и наконецъ сами представили изъ себя картину, пошчасъ же сокрышую опустившимся занавѣсомъ.

Представленіе первое.

Первая картина (Гаспара Нешчера).

Прекрасный юноша сидитъ ночью у окна съ фонаремъ въ рукѣ.

Это былъ въ самомъ дѣлѣ прекрасный юноша С. С. Ланской.

Вторая картина (Жерара Дова).

Молодая дѣвушка срываетъ виноградную кисть изъ готическаго окна.

Взоры не могли налюбоваться прекрасною рукою и прекрасною физиономіею дѣвицы *Дмитріевой*, представлявшей сію картину.

Большая Картина посрединѣ (Спаньйолеццо).

Подъ периспилемъ сидитъ начальница пансіона (1) и учитъ мальчика (2) чашать. Двѣ молодыя дѣвицы (3, 4), сидя позади, разсматриваютъ рисунокъ, которъ въ рукахъ у первой. Въ правой сторонѣ двѣ дѣвочки на шабурешъ; у одной (5) на колѣнахъ шитье по канвѣ; другая (6) разматываетъ клубокъ. За ними дѣвушка (7) указываетъ на ихъ рукодѣлье. Позади главной фигуры видны двѣ стоящія молодыя дѣвушки; одна (8) чашаетъ, другая (9) слушаетъ, окинувши рукой ея шею.

(*) Авторъ Пролога — на Французскомъ языкѣ.

(1) *Г-жа Крузъ*. (2) *А. О. Арсеньевъ*. (3) *Дѣвицы: В. Д. Полторацкая*. (4) *Княжна Н. С. Долгорукая*. (5) *В. А. Ребинина*. (6) *М. С. Ланская*. (7) *С. Б. Зеленская*. (8) *Н. П. Озерова*. (9) *С. Н. Горскина*.

Всѣ сіи лица составляли собствнными прелестными наипрекраснѣйшую въ свѣсѣ группу.

Представленіе въ второе.

Первая картина (Тиціана).

Идеаль прелестнѣйшей женщины. Она сидишь за шуалетомъ; лѣвою рукою держишь свои длинные волосы, падающіе на обнаженное плечо. Плѣнительный станъ красавицы повторяется въ зеркаль, съ боку спящемъ.

Чтобы вообразишь совершенство сей картины, довольно наименовать *Н. Б. Лазареву*: она была — неизъяснимою очаровательностію сего высокаго идеала.

Вторая картина (Рубенса).

Сей художникъ сидишь за столикомъ, имѣя подлѣ себя сына своего. Ребенокъ беретъ руку отца, чтобы поцѣловать ее.

Г-нъ Массини и прелестное, какъ ангель, дитя, *Князь Б. Д. Голицынъ*, представляли сію, въ особенності иншересную картину.

Большая картина посрединѣ.

Молодая женщина (1) на балконѣ слушаетъ серенаду, даваемую при лунномъ свѣсѣ ея обожашелемъ (2), спрятавшимся подѣ балкономъ. Въ лѣвой сторонѣ группа музыкантовъ, изъ которыхъ двое играють на гитарѣ (3, 4), одинъ на волшорнѣ (5) и одинъ на флейсѣ (6). На противоположной сторонѣ знашный баринъ (7), вешеть наняшаго убійцу (8), вооруженнаго кин-

жаломъ , чтобы принесть на жертву ревности своей щасливаго соперника. Ошдаленные звуки арфы и другихъ инструментовъ одушевляютъ сію каршинную серенаду.

(1) С. Д. Лаптева. (2) Князь М. Н. Голицынъ. (3) В. П. Зубковъ. (4) С. П. Галаховъ. (5) Г. Розенгеймъ. (6) А. В. Веневитиновъ. (7) Н. Ф. Павловъ. (8) П. Н. Араповъ.

Героиня сей каршины извиняла злое намѣреніе жестокаго ревнивца — своими шорже-слывующими прелесшиями.

Представленіе шрешіе.

Первая картина.

Хрисшина , Королева Шведская , на 16-лѣшнемъ возрастѣ — предшавлена дѣвицею *Дмитріевою*.

Вторая картина (Тербюрга).

Молодая прекрасная дѣвушка въ бѣломъ апласномъ плашѣ , свѣрхъ кошораго голубое бархашное , выложенное лебязжимъ пухомъ , играетъ на гитарѣ , сидя предъ люпшромъ съ ношами.

Что можешъ сказашь зритель о сей каршинѣ , предшавленной дѣвицею *Алябьевою* ? Онъ хошѣлъ бы вѣчно смошрѣшь на сіи поднящые къ небу взоры , исполненные прелесши и вдохновенія!

Большая картина посрединѣ (Герена).

Эней рассказываетъ свои приключенія Дидонѣ. Каррагенская Царица (1) , въ бѣлой одеждѣ и въ золошой коронѣ , величешвенно покоишся на ложѣ , обнявъ лѣвою рукою сына своего , Асканія (2) , украшеннаго апшрибушами Амура. Сестра (3) Дидоны , облокощясь на изголовье ложа , внимашельно слушаешъ Троян-

скаго Принца (4), кошорый въ грозномъ вооруженіи своемъ сидишь у ногъ ея на шабурешъ, покрышомъ шигровою кожею.

(1) *Марья Антоновна Ушакова.* (2) *А. С. Ланской.* (3) *Дѣвица Гончарева.* (4) *Князь А. Долгорукій.*

Мы видѣли въ Царицѣ — истинную Царицу; а въ сеспрѣ ея — небесную Пери.

Представленіе четшвершое.

Первая картина.

Хосрой - Мирза и Мирза - Массудъ, въ своихъ живописныхъ кошюмахъ и въ положеніи, самомъ живописномъ.

Юный *С. С. Ланской* и *Кн. М. Н. Голицынъ* живо напомнили намъ любезныхъ Тегеранскихъ гостей.

Большая картина.

Пригошовленіе къ сельскому празднику.

Впереди каршины группа прехъ молодыхъ крешьянокъ; одна (1) изъ нихъ сидишь на спулѣ и держишь въ лѣвой рукѣ розовую гирлянду; правую же берешъ цвѣшокъ, въ корзинкѣ подаваемый другою молодою крешьянкою (2), сидящею подлѣ на скамьѣ. Трешья крешьянка (3) стоишь за спулемъ подруги, кошорой указывашь пальцемъ на цвѣшокъ, ею выбранный. Передъ ними столикъ, усыпанный цвѣшми. Подкравшійся мальчикъ (4) уносишь розу.

Въ небольшомъ опдаленіи молодой крешьянинъ (5) сшоя на деревѣ, принимаешь цвѣшокъ, подаваемый крешьянкою (6), кошорая упираешь на одно колѣно, держишь въ рукѣ корзину съ цвѣшми. На лѣвой споронѣ два

крещьянина (7, 8) разговаривающъ между собою; подлѣ нихъ старый, украшенный медалями, безногій солдатъ (9), опирается на косшыль. Молодой пасхухъ (10) указываетъ храброму воину на господскій домъ, давая знать, что для Хозяйки села готовишся праздникъ. — Напередѣ картины сидишь балалаечникъ (11), насшроивающій балалайку.

(1) *К. А. Булгакова.* (2) *О. А. Булгакова.* (3) *В. С. Ланская.* (4) *А. С. Ланская.* (5) *Кн. П. А. Мещерскій.* (6) *Н. С. Ланская.* (7) *Кн. М. Н. Голицынъ.* (8) *П. Н. Араповъ.* (9) *А. Я. Булгаковъ.* (10) *К. А. Булгаковъ.* (11) *Н. В. Всеволожскій.*

Представленіе пятое.

Первая картина.

Сбищенникъ передъ споломъ своимъ. Очень мило представленъ *С. С. Ланскимъ.*

Вторая картина.

Молошница въ сарафанѣ съ коромысломъ на плечѣ. Представлена юною *Н. А. Ефимовичевою.* Это была настоящая *Алина*, столь для всѣхъ памятная!

Большая картина посрединѣ.

Праздникъ въ селѣ Рожешвенѣ (*).

Слышны пѣсни и рожки. Въ срединѣ картины пляшущъ двѣ крещьянки (1, 2) и крещь-

(*) Принадлежащемъ достопочтеннѣйшимъ хозяевамъ. Декорация, представляющая Рожешвено, написана г-мъ Барановымъ такъ живо, какъ не льзя болѣе.

янинъ (3); влѣвъ на скамьѣ сидишь паспухъ, играющій на рожкѣ (4). Другой крещьянинъ (5) облокошясь на плечо паспуха, поешъ; возлѣ нихъ сельской юноша (6) играетъ на балалайкѣ (всѣ веселы). Поодаль сидишь за споломъ пресшарь-льый инвалидъ (7), держа въ рукѣ спаканъ. Съ правой спороны крещьянка (8) наливаетъ изъ кружки въ спаканъ инвалида, а съ лѣвой другая крещьянка (9), облокошясь къ нему на плечо, указываетъ на пляску. Подлѣ сего же шпола крещьянинъ (10) пропягиваетъ руку, въ кошорой шакже держишь спаканъ.

Стоящій подлѣ дерева на скамьѣ мальчикъ (11) указываетъ на цвѣшочную букву Т. (означающую имя достпопочтеннѣйшей хозяйки); съ другаго дерева два мальчика (12, 13) смошряшь на пляску.

(1) *К. А. Булгакова.* (2) *О. А. Булгакова.*
 (3) *Кн. П. А. Мещерскій.* (4) *Н. В. Всеволожскій.* (5) *П. Н. Араповъ.* (6) *К. А. Булгаковъ.*
 (7) *А. Я. Булгаковъ.* (8) *Н. С. Ланская.* (9) *В. С. Ланская.* (10) *Кн. М. Н. Голицынъ.* (11) *А. С. Ланской.* (12) *С. Ф. Макеровскій.* (13) *Д. Ф. Макеровскій.*

Нужно ли говоришь о прелесняхъ *крещьянокъ*? Мы ихъ назвали!

Послѣ перваго предшавленія каршинъ, раздался въ гостинной звукъ ройяля, а попомъ сильный, обширный, ученый и удивительный голосъ дѣвицы Баршеневой, наслѣдовавшей необыкновенные музыкальные шаланшы отъ матери. Юная каншашриса пѣла дуэшь изъ Семирамиды съ *Ө. Я. Скаряпинымъ*, имѣющимъ прекрасный шеноро-басъ.

Во второмъ антрактѣ славная игроу на фортепьяно, дѣвица Озерова, плѣняла своимъ концершомъ.

Въ прешьемъ антрактѣ пѣли дѣвицы Окулова и Баршенева съ Г-мъ Скаряпинымъ, пріо изъ той же оперы — божественно!

Въ четвертомъ антрактѣ дѣвица Окулова и А. Н. Версовскій пѣли дуэтъ изъ оперы *Иосифъ*. Жаркія рукоплесканія гремѣли всякой разъ за небесною гармонією. — Г. Морини прекрасно дирижировалъ пѣніемъ. — Послѣ того нашъ превосходный арфистъ - амащерь, Н. П. Девитше, игралъ на своемъ инструменшѣ съ знаменимымъ віолончелишомъ Марку, и рукоплесканія шакже были данью ихъ шаланшамъ.

По окончаніи всѣхъ представленій начались танцы, въ кошорыхъ явились и *картины*, но уже въ одушевленныхъ прелесняхъ и въ собшвенныхъ костюмахъ, исключая милыхъ *крестьянокъ*, оспававшихся въ своемъ прекрасномъ нарядѣ. — Въ часъ по полуночи сѣли за ужинъ, самый веселый; ибо живость разговора о каршинахъ и съ *картинами* не испощалась. Вышедши изъ - за стола, Терпсихоры и Весприсы понеслись въ вальсахъ, кошорые заключились кошильономъ, продолжавшимся до 3 часовъ.

Ничто не могло бытъ разнообразіе и слѣдовательно пріятнѣе сего праздника, имѣваго еще магическую прелестъ свободы и непринужденности, составляющихъ всегдашній характеръ въ обществѣ достопочтеннѣйшихъ хозяевъ.

6го Января повшорились всѣ представленія живыхъ картинъ, которыя долго будутъ жить въ памяти зрителей, и повшорились съ новымъ совершенствомъ : по крайней мѣрѣ *такъ казалось* — по общимъ законамъ изящныхъ предметовъ, чѣмъ болѣе разсмаприваемыхъ, тѣмъ болѣе находимыхъ *совершенными*.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Между прекраснѣйшими туалетами, замѣченными на балѣ Россійскаго Посланника, отличилось платье изъ бѣлаго газа съ золотомъ (*brochée en or*); поясъ былъ изъ газовыхъ лентъ, обшитый двумя золотыми выпушками (*liserés*), съ легкою въ обоихъ концахъ золотою бахрамою; посреди корсажа находился букетъ, котораго одна изъ вѣтокъ, упавъ внизъ, представляла расположеніемъ своихъ цвѣтомъ бахраму. На головѣ большой цвѣтокъ *кактусъ*, котораго пестики (*etamines*) и внутренніе лепестки (*patales*) были изъ серебра, а наружные изъ золота; вѣтка ивовыхъ (*sauie*) листьевъ, также изъ золота, раздѣлявшаяся на двѣ части. Наклоненные цвѣты, съ выходящими изъ нихъ длинными пестиками, составляли головной уборъ наиплѣнительнѣйшаго вида.

— Другое платье изъ Персидскаго крепа, съ шалевыми узорами, было замѣчательно разнообразіемъ своихъ цвѣтовъ и лентъ, также разноцвѣтныхъ, нашихъ гирляндю надъ рубцомъ (*ourlet*), совершенно въ новомъ вкусѣ. Головной уборъ состояли ленты всѣхъ цвѣтовъ, вѣрзанныя на подобіе лавровъ и сближенныхъ такимъ образомъ, что походили на гирляндю.

— Платье изъ Японскаго газа, выложенное надъ рубцомъ (*ourlet*) выпулкою гирляндю изъ маленькихъ плоскихъ

и блестящихъ перышковъ, подходящихъ цвѣсомъ къ цвѣ-
шамъ газа; рукава формы берешовъ; корсажъ драпированъ
à la Roxelane; гирлянда изъ Бразильскихъ перьевъ соста-
вляла головной уборъ.

— Нѣкоторыя головныя уборы состояли изъ бѣлыхъ
перьевъ, связанныхъ снопомъ на вершинѣ головы; повязка
(bandeau) изъ камеевъ или брилліаншовая, проходя по че-
лу, соединялась подъ перьями.

— Было нѣсколько берешовъ изъ золотого или сере-
брянаго газа съ райскою пшцею, или съ перьями.

— Серебряныя вещи будутъ рѣшишельно въ модѣ ны-
нѣшнюю зиму.

— Ушреніе, и даже для вечеровъ, реденгошы почти
всѣ съ отворотомъ (à revers), съ круглымъ опложнымъ
воропникомъ, съ плоскою спиною и, вообще, съ рукавами
à l'amadis.

— Многія щеголихи заказали себѣ винчуры изъ Испан-
скаго бархата зеленого или гранатоваго цвѣта.

Изъясненіе картинки при семь Но.

Она представляетъ самый пышный нарядъ, какой
полько можно видѣшь нынѣшнею зимою въ гостинныхъ выс-
шаго класса. Платье изъ матеріи Короля Сіамскаго, са-
мой модной. Горнастаевая опдѣлка и форма рукавовъ да-
ли сему костюму названіе *Маринѣ Фальеро*. — Головной
уборъ — Нарцисса.

Печатать дозволяется;

съ шѣмъ чшобы, по оппечашаніи, предшавлены были въ Ценсур-
ный Комишешъ шри экземпляр. Москва, Января 8го дня, 1830 г.

Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергѣй Глипка.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П Р О З А .

МОГИЛА НА БЕРЕГУ ВОЛГИ.

Истинное происшествіе.

(Посвящается Ольгѣ Леоновнѣ Турчаниновой,
урожденной Княжнѣ Грузинской.)

О дружба нѣжная, прелестнѣйшее чувство!
Могу-ль несчастливъ бышь, когда живу съ тобой?
Какое тайное имѣешь ты искусство
Въ печаляхъ жизни сей насъ утѣшать собой!

Тому, кто не видывалъ живописныхъ и роскошныхъ береговъ величественнаго *Рейна*; кто не ужасался при видѣ его паденія; кому судьба не дозволила обогатить свое воображеніе созерцаніемъ разнообразныхъ и удивительныхъ произведеній природы, споль изобильно по земному шару раскинутыхъ: тому просишительно восхищашься и нашею родимою Волгой. Карам-

зинъ и Дмипріевъ увѣковѣчили ея славу превосходными стихами; просыя дѣши *святценнѣйшей рѣки въ мѣрѣ* безпрестанно прославляютъ ее въ мелодическихъ своихъ пѣсняхъ. Всѣ о ней говорящъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ; и опдаленный жительство оу ея береговъ, но кошорому удалось посмошрѣшь на *матушку Волгу*, возвращаясь во своясы, съ восхищеніемъ рассказываетъ о красотахъ ея. Крапковременное пребываніе мое на берегахъ, орошаемыхъ ею, никогда не изгладится изъ моей памяти. Дружба, привлекая меня въ прелестныя Зименки (*), украшало всѣ минушы моего шамъ пребыванія. Эшо было въ Іюнь мѣсяць 1819 года. Извѣстно, что съ приближеніемъ ярмарки вся Нижегородская губернія принимаетъ какой-то шоржественный видъ; на всѣхъ лицахъ замѣшна какая-то пріятная заботливосшь, располагающая душу къ удовольствію, и эшо весьма естественно: ярмарка служишь призмою, чрезъ кошорую нѣсколько сошь тысячъ человекъ видяшь одинъ предметъ, самый важный и самый привлекательный въ людскихъ расчешахъ: иншересь, соединенный съ весельемъ. Всѣ говорящъ объ одномъ; всякій гошовишся побывашь на ярмаркѣ, и *красныя дѣвицы* съ неперитьніемъ ожидаютъ ее, чшобы продашь свои шкани (въ кошорыхъ онѣ весьма искусны) и купишь себѣ наряды. Не должно однако же думашъ, что одно эшо ихъ влечешъ шуда: конечно, украсишь себя желаешъ и скромная поселянка не менѣе

(*) Деревня, въ 25 ши верстахъ оу Нижняго Новогорода, принадлежащая К. Н. А. Д. Она расположена на самомъ берегу Волги и живописнымъ мѣстоположеніемъ своимъ мало имѣешъ себѣ подобныхъ. *Сог.*

роскошной городской щеголихи. Но знаменитая ярмарка богата и другими приманками, кошорья также имѣють магическую власть кружишь головы просподушнымъ красавицамъ природы: эшо забавный паяцъ на балконѣ лубочнаго театра; невиданные звѣри и люди, представленныя на вывѣскахъ; господа и блестящіе экипажи ихъ. Молодые же парни съ своей стороны не менѣе красныхъ дѣвицъ помышляють объ ожидаемой всѣми ярмаркѣ: надобно купишь подарокъ для своей любезной, какой она сама выбереть — по своему вкусу; расхаживашь съ нею въ шолпѣ безчисленнаго народа, пошчивашь ее и подругъ ея лакомшвами. Все эшо общаешь сполько пріятностей, чшо даже самая мысль объ оныхъ доставляешь заблаговременно удовольствіе.

Вошъ ошъ чего съ самага начала лѣша замѣшна необыкновенная живоспъ во всѣхъ шамошнихъ жишелаяхъ; каждый день похожъ на праздникъ, а праздникъ на шоржество. За часъ или за два до солнечнаго захожденія всѣ соберушся на берегъ Волги; спарики сядяшя въ кружокъ и шолкують о бываломъ, и вѣрояшно опдають преимущество прошедшему передъ настоящимъ; спарухи также не оспаюшя дома: бредушь полюбовашься на машушку Волгу; молодыя дѣвушки водяшъ хороводы и каждая изъ нихъ имѣеть своего *кавалера*, кошораго она держишь за руку. У нихъ ешть и другія игры, весьма забавныя и нѣсколько похожія на шакъ называемыя нами *des petits jeux*, и всѣ онѣ происходятъ подѣ пѣснями; въ праздники же Волга покрываешя лодками, наполненными рѣвою, безпечною молодежью; но шущъ уже дѣвушки не смѣшиваюшя съ молодцами, а кашаюш-

ся порознь. Надобно видѣшь, съ какимъ искусвомъ шеснадцати - лѣтняя красавица, стоя на кормѣ, управляешь лодкою! Это не мѣшаетъ ей управлять иногда и пѣнїемъ; ибо она не рѣдко бываешь и *запѣвалою* (*).

Ничто не можешь сравниться съ прекраснымъ зрѣлищемъ, когда видишь множество барокъ, плывущихъ на всѣхъ парусахъ, и между ними мѣлькающія лодки, перегоняющія одна другую! Куда ни пойдешь, вездѣ слышны пѣсни. Все живо; все представляешь картину истиннаго щасія и душевнаго спокойствія! и при всемъ этомъ какая природа! какой воздухъ! какіе ландшафты! Нѣкоторыя мѣста нагорной стороны Волги напоминають о піишической Гельвеціи, а называемая *луговою* подаешь идею о Швабскихъ равнинахъ.

Нѣсколько суровый, но величественный видъ первыхъ представляешь высокія скалы, пересѣченные опъ мѣста до мѣста глубокими оврагами; ихъ зелень являетъ прекрасную прошивоположенность съ обнаженными вершинами горъ, на которыхъ видны богатыя и красивыя села и деревни. Вторая же (то есть луговая сторона) своею необозримою равниною не менѣе привлекаетъ восхищенный взоръ любитель изыщной природы: шуть безчисленныя стада, пасущіяся на цвѣтущихъ лугахъ, паспрѣютъ между черемуховыми деревьями и душистыми кустар-

(*) Ошличительная черта въ національномъ хоровомъ нашемъ пѣнїи; она производитъ прекрасный эффектъ. При началѣ каждаго куплета слышится только одинъ голосъ; къ нему поспешенно приспають другіе; и это производишь родъ крешендо, весьма прїятный для слуха. *Сог.*

никами. Множество каменныхъ церквей, принадлежащихъ къ огромнѣйшимъ селамъ, на семь безпредѣльномъ для взоровъ пространствѣ довершаетъ красочу пльничельной каршины. Нѣтъ сомнѣнiя, что столь превосходная природа имѣетъ влiянiе и на характеръ жителей, копорые здѣсь вообще, кажешся, чувствительнѣе, нежели эшаго соспоянiя люди обыкновенно бывающъ: между прочими доказательствами сей истины я посспарающъ разскажъ слѣдующее приключенiе, случившееся со мной въ одной изъ вечернихъ моихъ прогулокъ.

Эшо было въ день какого-шо праздника, Я шель по излучистой пропинкѣ, пробитой между шиповниковыми кустарниками, копорая нечувствительнo привела меня на довольно возвышенное мѣсто, образующее родъ шеррасы, ошкуда Волга предспавилась глазамъ моимъ во всемъ своемъ блескѣ и величii. Насладившись симъ прелестнымъ зрѣлищемъ, я пошель далѣе; но вдругъ былъ пораженъ спономъ, или лучше скажъ воплемъ женщины; мнѣ не лзя было видѣть ее изъ-за кустарниковъ; но по мѣрѣ моего приближенiя къ шому мѣспу, ошкуда происходилъ спонъ горесши, кустарники спановились рѣже и рѣже, и я наконецъ вышелъ на довольно ошкрытый и весьма ошлогiй косогоръ, примыкающiй съ одной спороны къ огромной и обнаженной скалѣ, а съ другой къ самому берегу Волги. Наково же было мое удивленiе, когда я увидѣлъ въ нѣсколькихъ саженьяхъ ошъ себя могилу, оспвенную деревяннымъ крестомъ, и передъ нимъ распроспершую спаруху! Столь необыкновенное явленiе меня изумило: зрѣлище было совершенно прошиво-

положно всему пому, что я до эпои минушы видѣль. Между пѣмъ пѣсни веселыхъ бурлаковъ неслися съ барокъ и оглашали воздухъ. Оповсюду раздавались клики радости; хороводы прекрасно одѣшыхъ поселянокъ, водимые по самому берегу Волги, звучали опъ времени до времени. Природа являлась во всей лѣшней своей пышности. Воздухъ былъ напишанъ ароматами цвѣшущихъ шиповниковъ и Божьяго дерева; тысячи поющихъ пшичекъ перепархивали съ вѣшки на вѣшку, и щепешаньемъ своимъ, казалось, соединялись съ людьми для прославленія могущества и щедрости Всевышняго. И въ эпо - то время, когда все располагало душу къ наисладостнѣйшимъ ощущеніямъ, посреди сердечныхъ воспорговъ и шоржествующей природы, несчастная спрадалица, чуждая всякой радостной мысли, какъ бы опдѣленная опъ живыхъ, бесѣдовала съ мершвыми и своею горешію! . . . Волшебный мѣръ исчезъ въ глазахъ моихъ; радостныя восклицанія, споль пріянныя для меня за нѣсколько минушь прежде, оскорбляли мою чувспвишельность и спали для меня несшерпимыми; мнѣ казалось, что они еще болѣе увеличивали спраданія собесѣдующей съ могилою. Я не смѣль подойти къ несчастной; ея печаль была для меня священна! Спаруха молилась: кто дерзнешъ прервашъ молишву несчастнаго, повергающаго горешъ свою предъ Непоспижимымъ? Какъ заговоришь земнымъ языкомъ, когда шощъ, кто долженъ слушашъ, мысленно перешель въ обишель Ангеловъ, единственное и вѣрное убѣжище злополучныхъ, ушрашившихъ всѣ земныя блага? Спарушка, окончивъ свою молишву, всшала и съ большимъ пруж-

домъ собралась идти домой; но какъ скоро меня увидѣла, по съ неизъяснимымъ простодушіемъ сказала мнѣ: „Добрый человекъ! не осуди моей горести; эшо могила моей дочери, доброй моей Марьи. Вотъ уже при года, какъ ее не спало, а мнѣ кажется, какъ будто сей часъ мою родную опустили въ сырую землю. Я всякій день брожу сюда, и когда досыта заплачусь, по мнѣ спанешъ крошечку полегче.“ Я почувствовалъ неперпѣливое желаніе узнать, почему *добрая* Марья была схоронена въ споль необыкновенномъ мѣстѣ; на просьбу мою объяснишь эшу шайну спарушка ошвѣчала: „Я бы охотно рассказала тебѣ свою горестъ, да солнышко уже *низко*, а до хижины моей далеко. Силы мои слабѣющъ, а Богъ по душу не персылаешъ.“ Я посмошрѣлъ на часы; было восемь, и возобновилъ просьбу свою, говоря что провожу ее до самага жилища; она согласилась и мы сѣли подъ стѣнь осокоря, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Марьиной могилы. Легко вообразишь, какъ для меня было любопышно слышашъ испорію несчастной Марьи на самомъ шомъ мѣстѣ, гдѣ вѣрояшно она лишилась жизни, и гдѣ прахъ ея споль живо шрогаль мое воображеніе; въ эшу самую минушу слабые лучи солнца ударили на скромный монументъ, воздвигнушый не шщеславіемъ, а истинною любовію и нѣжнѣйшими воспоминаніями, и помнѣ освѣщали самое живописное мѣсто, какое шолько можно себѣ предспавишь. Все, меня окружавшее, казалось мнѣ баснословнымъ. Ешть минушы въ жизни, когда человекъ болѣе обыкновеннаго расположенъ принимашь сильныя и дошоль ему неизвѣсныя впечатлѣнія; въ эшо время самыя

маловажныя обстоятельства представляются шаиншвенными, необыкновенными. Томное воркованіе горлицъ, прилепѣвшихъ прямо на могилу, казалось мнѣ символомъ благоговѣнія къ праху подруги ихъ въ невинности; меланхолическіе перекапы поющихъ соловьевъ, сливавшіеся съ умирающими звуками раздававшихся пѣсень, наполняли душу мою уныніемъ. Мнѣ казалось, что я нахожусь при признѣ, совершаемой природою въ честь красоты и добродѣтели, покоющихся на лонѣ Божества. . . Наконецъ горестная спарушка, по нѣкоторомъ молчаніи, ошерла слезы, еще капившіяся по изнеможенному лицу ея, и начала свой рассказъ слѣдующимъ образомъ:

«Я изъ деревни Нечаево, копорая на вершинѣ вопъ эпой горы; покойный мужъ мой торговалъ хлѣбомъ, имѣлъ свою барку и мы жили съ нимъ не хуже людей; одно шолько насъ крушило: у насъ не спояли дѣши; всего было довольно, да милыхъ сердцу не было. Но Богъ не безъ милосши; Онъ услышалъ наши молишвы: я родила дѣвочку; но и шо не на радость: однимъ годомъ барка, на кошорой былъ мой хозяинъ, попонула, и онъ погибъ со всѣмъ нашимъ имуществомъ; я и дочь моя осшались круглыми сиропами. Ближнихъ родныхъ у насъ не было; пособишь въ нашемъ горѣ было некому, и ежели бы не нашлись добрые люди, копорые надъ нами сжалились, шо я бы, важешся, лишилась ума. Я долго была больна; но какъ ни шужи, а живымъ въ могилу не ляжешь. Мало помалу я образумилась, и стала помышляшь, какъ мнѣ свою сиропу вскормишь, вспоишь. Много я съ нею, баринъ, при-

няла нужды въ то время, когда она была невеличка и не могла помогать мнѣ въ работахъ. Бѣдность наша была извѣстна не только въ нашемъ селѣ, но и во многихъ сосѣднихъ деревняхъ, куда я хаживала съ дочерью просить подаянія. Всѣ ее любили, потому что она была зашѣлива и пригожа, какъ игрушечка; всѣ наши сельскія дѣвушки, даже и самыя богатыя, не гнушались называть ее своею милою подругою. Бывало въ осеніе и зимніе вечера къ кому собираются на посидѣлки? Къ Машиной спарушкѣ. Въ лѣтнее время гдѣ, бывало, водятъ хороводы? Прошивъ спарушкиной хижины. Правда, что никто не пѣвалъ лучше моей Марьи; ее называли сельскимъ соловьемъ, да и пригоже не было во всемъ околѣ; а до меня она была такъ добра, моя родная, что всѣ машери завидовали мнѣ. Когда же ей минуло шестнадцать лѣтъ, тогда-то я нажила щасливые дни: она меня во всемъ покоила. «Родимая ты моя!» говаривала она мнѣ: «не принимайся не за какую прудную работу, я все исправлю; сиди ты у меня какъ барыня: свои рученьки довольно приработали со времени нашей бѣдности; Богъ мнѣ далъ доброе здоровье; полно горевать: Онъ насъ и впередъ не оставитъ.» Тутъ спарушка залилась слезами, и указавъ на могилу милой Марьи, сказала дражащимъ и ошъ лѣтъ, и ошъ горести голосомъ: «А теперь вотъ гдѣ она! Не сбылися сладкія рѣчи ея! сырая земля сокрыла навсегда добрую мою Марью ошъ очей моихъ!

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Таковъ - то нынѣ свѣтъ.

„Ахъ! что есть вѣрнаго на свѣтѣ!“

Кн. Шаховскій.

Какъ *маски* сшали нынѣ въ модѣ! . . .

Вѣкъ не узнаешь, кшо *каковъ* ;
И правда вывелась въ народѣ, —
Хошь не шеряй напрасно словъ.

*

Всякъ ролю мастерски играешь, —
Со сцены будшо бы сей часъ ;
Себя такъ хитро прикрываетъ ,
Что въ немъ обманешься какъ разъ.

*

Одинъ, проспившись съ суешами,
Въ уединеніи живешь,
И шамъ бесѣдуешь съ гробами:
Подумаешь себѣ но нѣшь!

*

Онъ молча съши разспавляешь,
Для уловленія другихъ ;
И адъ на помощь призываетъ,
Чтобъ гибельный запушашъ ихъ.

*

Другой — *ученаго* играешь ;
На все философомъ глядишь ;
Какъ Пиеія, судьбы рѣшаешь,
И шакъ прекрасно говоришь!

*

Но мысли не его ; чужія ;
Онъ заучилъ ужъ ихъ давно ;
Въ немъ чувства, краски *выписныя* ;
Вездѣ и всѣмъ швердишь одно!

*

И публика большой полною
 Гоняется за чудакомъ :
 Она привыкла быть рабою ,
 И умшповать чужимъ умомъ ! . . .

Александра Васильева.

Э П И Т А Ф И Я

Аннл Петровна Буниной ().*

Какъ ппичка райская , до срочнаго часа
 Здѣсь пѣла Бунина , душей не унывая ;
 И въ свѣшлую прейти обшшель уповая ,
 Въ спрадалъческомъ вѣнцѣ узрѣла Небеса .

Графъ Хвостовъ.

Л ю б о в ь .

Въ нашъ вѣкъ любовь пустое чувство :
 Легко ея оковы несть ;
 Въ ней слито съ нѣжностью — искусство !
 И съ привлекательностью — десь .
 Блажень , кшо спраспно не влюблялся ,
 Кшо цѣлый мѣръ любилъ шуша ,
 И пакъ любовью забавлялся ,
 Какъ куклой рѣзвое дшша !

С. С. . . кій.

(*) Она скончалась 4го Ноября 1829 года , послѣ продолжительной жестокой болѣзни . Надѣемся сообщить биографію сей славной Стихотворицы нашей . *Изд.*

С М Ъ С Ъ.

*Маскарадъ у Князя Дмитрія Владиміровича
Голицына, 2 Января.*

Ежели когда - либо красота, вкусъ и богатство являлись нераздѣльными, подобно тройственному союзу пѣнишельныхъ богинь подъ любезнымъ именемъ Грацій; то конечно не имѣли ни болѣе прелестей, ни болѣе блеска, ни болѣе очаровательности, какъ въ семъ достопамятномъ маскарадѣ. Взоры перялись совершенно между безчисленными дамскими костюмами, до чрезвычайности разнообразными, живописными, ослѣпительными. Прекрасныя лица и пальцы, заимавшюя новую привлекательность отъ характера, или фанпазіи своихъ костюмовъ, были изящнѣйшими образцами для кисти вдохновенной; а для воображенія самаго холоднаго представляли вѣчно-цвѣшущихъ обитательницъ надзвѣднаго Олимпа. Присоедините къ этому великолѣпный домъ, освѣщенный такъ, что онъ казался баснословными чертогами Саламандры.

Сей необыкновенный маскарадъ имѣлъ еще шу особенность, что ему предшествовалъ спектакль. . . . какихъ бываетъ немного. Играны: 1. Сцена между Фигаро и Скапиномъ, въ которой дается знать зрителямъ, что Фигаро, недавно прибывшій изъ Севилы, будетъ служить многимъ господамъ въ одно и то же время. 2. Сцены изъ Воздушныхъ замковъ — 7я, 8я и 9я шрестьяго акта. 3. Сцена свиданія Дюка Эльмара и Горшенсіи послѣ бала, предшествоваемая монологомъ сей послѣдней; изъ Школы шариковъ. 4. Сцена Буассека и Лаб-

ранша, изъ *Ci-devant jeune homme*. 5. Сцена, взятая изъ Севильскаго цырюльника, въ копорую введена Ишальянская арія: *Una voce roso fu*, и дуэтъ по поводу письма (*).

Въ заключеніе сихъ сценъ пѣшы куплеты, соопвѣтственные ролямъ дѣйствующихъ лицъ.

К. А. Похвиснева, въ роли *Гортенсіи*, своею прекрасною фигурою и физиономіею, — игрою, исполненною рѣдкихъ достоинствъ, — дикціею, наипрекраснѣйшею во всѣхъ отношеніяхъ; наконецъ шуалешомъ, самымъ прелестнымъ, плѣняла взоры и чувсва зришелей. Г-нъ Зубковъ, игравшій съ нею *Дюка Эльмара*, благороднымъ видомъ своимъ и шонкимъ искусствомъ заслужилъ всеобщія похвалы. Г-нъ Всеволожскій, игравшій *Фигаро*, *Виктора* и *Лабранша*, былъ во всѣхъ роляхъ своихъ равно неподражаемъ. Какая мимика! какая ловкость! какія плѣдженія! какое познаніе шеашральной магіи! Г-да Массини, въ роли *Скапина*, и Алларъ, въ роли *Дорланжа*, играли очень, очень хорошо. Талантъ Сент-Альбена извѣстенъ. Наконецъ дѣвица Окулова, игравшая *Розину*, пѣла арію и дуэтъ съ такимъ совершенствомъ, въ копоромъ шрудно дашь ошчешъ и копорого мелодическая очаровательность испышивается только сердцемъ и душею. Г-нъ Всеволожскій, Прошей сцены, пѣвшій съ дѣвицею Окуловою, восхищаль и голосомъ своимъ, ошмѣнно пріятнымъ. Кажешся, Эвшерпа и Талія нарекли Г-на Всеволожскаго, при рожденіи его, своимъ пишомцемъ и любимцемъ.

(*) бго Января, при повшореніи сего спектакля, предшествовавшего живымъ карпинамъ, было присоединено къ нему нѣсколько сценъ изъ *Petit enfant prodigue*, въ копорыхъ Сент-Альбенъ представляль *Мими*, а Филльберъ, Кордье и Бризаръ — прехъ его опцовъ.

Г-нъ Морини дирижироваль на форшепьяно, а г-нъ Амашовъ на скрипкѣ: лучшихъ дирижеровъ имѣшь не возможно.

Обращаемся къ маскараду, который открыли Польскимъ достопочтеннѣйшіе хозяева, и въ кошоромъ привлекли на себя особенное вниманіе многія нарядныя или замысловатыя маски. Вскорѣ попомъ раздались пѣсни и музыка шедшихъ въ большую залу прекрасно костюмированныхъ *Цыганъ*, которые ошановясь передъ Княгинею Тапьяною Васильевною, хозяйкою дома, ударили въ ложки и пушпились въ пляску, живую, пламенную, восхитительную. — Наконецъ образовались большіе круги вальса, кадрили, мазурокъ, кошильоновъ. Тушь представилась картина, занимательнѣйшая для взоровъ и, можешь бышь, опаснѣйшая для сердца — соединеніемъ красавиць Рускихъ, Польскихъ, Венгерскихъ, Турецкихъ, Молдавскихъ, Швейцарскихъ, Тирольскихъ и проч. и проч.

Не взирая на многочисленное общество, просширавшееся до осьми сопь особъ, гости спокойно прохладались напишками, фруктами, мороженымъ, въ изобиліи разносимыми. Самый ужинъ не прекращаль шанцовъ: онъ былъ въ боковой залѣ, кругомъ обшавленной роскошными сполами, куда входили и ошкуда выходили вовсе непримѣшнымъ для прочихъ образомъ.

Никогда веселось не была искреннѣе; ибо нѣшь ничего искреннѣе шой любви, кошорою исполнены сердца къ знаменитымъ хозяевамъ — дѣяшельнѣйшему и справедливѣйшему Начальнику и неусыпнѣйшей благошворительницѣ чедовѣчеству.

Маскарадъ кончился около 4 часовъ ушра, оставивъ пріятнѣйшія воспоминанія о себѣ — надолго.

ИЗВѢСТІЯ.

1.

Г-жа Баррьеръ - Менье.

Зная любовь къ изящному нашего лучшаго свѣща и опличные паланшы г-жи Баррьеръ - Менье, первоклассной Арпистки Московскаго Французскаго шеатра, мы съ удовольствіемъ исполняемъ ея порученіе — рекомендовашь ея для преподаванія уроковъ декламациі — сего прекраснаго искусства, образующаго произношеніе, научающаго поническому чпенію, выразишельной мимикѣ, пріяшнымъ шфлдвиженіямъ.

Г-жа Баррьеръ - Менье шакже принимаетъ на себя обшавляшь піесы на благородныхъ шеатрахъ.

Жишельшво имѣешь въ домѣ Генерала Апраксина.

2.

Руская библіотека для чтенія.

Древняя Руская споллица — должно сказашь истину, кошорая въ свою очередь должна бышь девизомъ журналиста — древняя Руская споллица, говоримъ, во многомъ опшшаетъ опъ юнаго брата своего, С. - Пешербурга. Только одинъ языкъ, хранимый доспославною маперью Царства Рускаго, блишаетъ на жершвенникахъ ея, подобно огню Веспальскому. Но въ Москвѣ не было до сихъ поръ, напрімѣръ, шакой библіошеки для чтенія, какова А. Ф. Смирдина въ С. - Пешербургѣ.

Благодаря соревнованію, наконецъ и мы имѣемъ подобную: дѣяшельнѣйшій, просвѣщеннѣйшій и благороднѣйшій изъ М. книгопродавцевъ, *А. С. Ширяевъ*, ошкрыль библіошеку для чте-

нія самую богашую количествомъ и разнообразіемъ сочиненій во всѣхъ родахъ. Съ единственнымъ досель Капалогомъ г-на Смирдина въ рукахъ, вы получаете пребуемые книги, или читаете ихъ въ обширной, теплой и покойной комнатѣ, гдѣ находише также и *все* журналы.

Честь и слава г-ну Ширяеву, которому вообще словесность наша не мало обязана своимъ коммерческимъ движеніемъ.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Головная уборка при бархатномъ или атласномъ черномъ плащѣ почти всегда украшается полосою золотую цѣпочкою, идущею по челу и соединяемою подъ бубликами (*coques des cheveux*).

— Со времени большихъ морозовъ появилось множество шубъ съ широкими и висячими рукавами, подбитыми мѣхомъ.

— Надъ рубцомъ (*ourlet*) матерчатыхъ плащевъ нашиваются въ два ряда атласныя лапки (*pattes*), обшиваемыя бусами, или узенькою расученною бахромочкою (*effilé*).

— Шляпки - капшны изъ нѣжно - голубаго бархата убираются блондою и только одною лентою, идущею крестъ на - крестъ вокругъ шулы.

Изъясненіе картинки при семь No.

Вечерній туалеть. Головной уборъ изъ бархата, вышитого золотомъ, съ райскою пшцею. Плащъ изъ матеріи *дюшесъ*, на бѣломъ атласномъ. Фасонъ его нынѣ въ превеликой модѣ. Такія же плащя дѣлаются изъ атласа, поплина, крепа, и нѣкоторыя надъ рубцомъ (*ourlet*), единственнѣмъ украшеніемъ ихъ, обшиваются однѣми только атласными выпушками (*liserés*), или узенькою каймою. — Плащъ выложенъ бархатными нашивками (*applications*).

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, по оппечатаііи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Января 14го дня, 1850 г.

Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергѣй Глинка.

1830.

Парижская Мода.

N. 4.

Данский Журнал.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П Р О З А .

МОГИЛА НА БЕРЕГУ ВОЛГИ.

Истинное происшествіе.

(Окончаніе.)

„Однимъ годомъ, сосѣдка моя спала меня просить, чѣтобы я съ ней оппустила Марью на ярмарку. „Для чего же нѣтъ?“ сказала я: „пускай Марьюшка посмотришь на добрыхъ людей, и себя покажешь.“ Онѣ повхали, и пробыли въ Нижнемъ два дня; тамъ сосѣдкѣ моей случилось встрѣпиться съ своимъ племянникомъ, сыномъ богатаго экономическаго крестьянина, живущимъ за Волгою. Молодой человекъ увидѣлъ Марью; она ему приглянулась, и онъ послѣ ярмарки вскорѣ пріѣхалъ въ нашу деревню повидаться съ своею роднею; шутъ ему моя сиротка еще болѣе полюбилась, и онъ спалъ

къ ней сватахъ. Андрей (шакъ звали его) былъ молодець красивой, умной и хорошаго поведе- нія. Добрые люди присудили мнѣ не упускать шакаго жениха, какаго бы, по нашей бѣдности, намъ и во снѣ не видывашъ, и я была на то согласна; да Марьюшка моя не шакъ думала. Заливаясь горючими слезами, она говорила мнѣ: »Мапушка! не выдавай меня на чужую спорону; ты безъ меня совсѣмъ осирошѣешь; не оставлю тебя на чужія руки. Будешъ ли мнѣ богатство въ радость, когда моя родная останется безъ помощи?« Я сначала думала, что ей женихъ не по сердцу; но она призналась мнѣ, что онъ былъ бы ей очень любъ, ежели бы жилъ въ нашей деревнѣ и не разлучалъ ее со мною.» Тушъ спаруха, пляжко вздохнувши, сказала: »Вопшъ, добрый человекъ, какъ она меня жалѣла и любила! . . . Нечего было дѣлать! моя Марья и опшъ тды опспала, и ноченьки не спишь; пришлось опказать жениху. Но когда я спала объ эшомъ говоришь ему, по онъ изъ лица выступилъ. »Ежели я швоей дочери не прошивенъ,« сказалъ онъ мнѣ »по никакой помѣхи къ нашей свадьбѣ не будешъ; родная мать моя давно лежишь въ сырой земль: будь ты мнѣ вмѣсто мапери; живи съ нами; отецъ мой шарикъ добрый: онъ тебѣ будешъ радъ. Поди, и подумай вмѣстѣ съ Марьюшкой: она вѣрно шеперь не опкажешся бышь моей женою.« Такъ и случилось, баринь. Когда я спала ей говоришь, что Андрей беретъ и меня къ себѣ, по Марья покраснѣлась какъ маковъ цвѣтъ; слезы пошекли по бѣлому лицу ея, и она поклонившись мнѣ въ ноги, сказала: »Будь швоя воля, родная! а мнѣ лучшаго жениха не найши; съ тобой и съ нимъ я гошова иди на край свѣта.«

„Андрей поѣхалъ посовѣтоваться съ своимъ оцемъ, и чрезъ два дни привезъ его къ намъ. Марья спарикѣ понравилась; и мы благословили дѣшей своихъ. По прошествіи прехъ дней наши дорогіе гости поѣхали домой гошовишься къ начашому дѣлу; а я спала смышляшь о Марьюшкѣ, какъ мнѣ ее снарядишь; да добрые люди не дали мнѣ хлопоташъ: зная бѣдностъ мою, они говорили: „Будь спокойна, Алексѣвна; мы не оставимъ швою Марью. Когда мужъ швой былъ живъ и вы были богаты, шо никого не оставляли въ нуждѣ; вы помогали всѣмъ: пришло время и намъ шебѣ шѣмъ же заплашишь.“ И подлинно! не проходило ни одного дня, чтобы Марью мою чѣмъ - нибудь не подарили: иные сорофанами и шшофомъ для душегрѣекъ, другіе холстомъ, а красныя девушки вышитыми полошенцами и ожерельями. Всякій вечеръ онѣ собирались къ намъ и подѣ свадьбишныя пѣсни шили приданое. Андрей часто пріѣзжалъ къ невѣстѣ, и всякой разъ привозилъ гостинцы ей и дѣвицамъ. Ужъ было мнѣ чѣмъ полюбоваться! шакаго щасія для Марьи мнѣ и въ голову не прихаживало. Но я не знала, чему радуюсь! . . . Правду говоритъ пословица: *Не зови своей пташку не пойманную — улетишь*; такъ - шо и мое щасіе улешло.

„До свадьбы оставалась одна шолько недѣля; у насъ было все гошово. Мою невѣсту такъ всѣмъ снарядили, что и у богатыхъ лучшаго приданого мало бываетъ. Марьяна крестная мать жила за Волгою; надо было пригласишь ее на свадьбу: безъ ея благословенія крестницы не лзя идиши къ вѣнцу; и она сама собралась къ ней. Подговоривъ съ собой подругу свою,

онѣ опсправились въ пущь; я проводила ихъ до самой пристани, и тогда только пошла домой, когда увидѣла, что онѣ благополучно персправились на ту сторону Волги. Въ это время у меня сердце шакъ замерло, что я чуть не упала: оно какъ будто угадывало, что бышь со мной чему-нибудь недоброму. На другой день пошпру вдругъ поднялся сильный вѣсперь, а пошомъ и буря забушевала. Хотя я и не ожидала Марьи шакъ скоро домой, но мнѣ спало по ней шакъ пошно, что я не могла высперпѣшь и пошла на пристань. Вдругъ вижу множество народа, бѣжавшаго къ берегу Волги; буря начала ушихать, и я услышала спрашный крикъ изъ лодокъ, наполненныхъ рыбаками; они опушили сѣпи въ воду и, казалось, чего-то искали; пущь у меня и ноги подкосилились. „Въ шакое время рыбу ловишь не лзя,“ думала я „вѣрно кто нибудь да упонулъ; ужь не Марья ли моя?“ Морозъ подраль меня по кожѣ и я насилу дошацилась до шого мѣспа, гдѣ шоплился народъ, и первый человекъ, кошораго я вспрѣшила, сказалъ мнѣ, что дочь моя упонула и что подруга ея, хотя и жива, но еще не опомнилась опъ спраха. — Тущь ужь я не знаю, что со мною сдѣалось; свѣшь пошемнѣлъ въ глазахъ моихъ, и я упала какъ убишая громомъ; но когда опомнилась, то увидѣла передъ собою на шравѣ Марью! Она была холодна какъ льдиночка Ахъ! не согрѣли ее горячія слезы мои, не пробудиль ее мой шпаяжкій спонь! Чего не дѣлали, чтобы оживишь мою милую; но ничшо не помогло: душа ея опшлѣшла къ Богу, а я оспалась горевать до шого времени, пока сырая земля не примешъ меня. Человекъ, кажешся, крѣпче камня: видишь ба-

ринъ , я жива ! Вопъ уже при года , какъ мы-
каю горе , и все еще не умираю .

»На ту пору судей въ городъ не случилось ;
они уѣхали на какое - то слѣдствіе , а безъ ихъ
вѣдома священникъ не спалъ хоронить мою
Марью . Судьи пріѣхали въ пятый день послѣ
шого , какъ она ушонула , и разсудили , что по
отдаленію опъ кладбища ее туда нести трудно ;
послали за священникомъ , и при себѣ при-
казали схоронить покойницу здѣсь . Меня оп-
несли замертво въ мою хижину , и я на другой
шолько день опомнилась . Андрей не отходилъ
опъ меня ; онъ , мой соколикъ , исхудалъ какъ
былиночка . Цѣлой мѣсяць прожилъ со мною , и
мы всякій день прихаживали сюда поплакать
надъ Марьиной могилой . Сколько Андрею не-
вѣспъ ни свашаюшъ , онъ ни одной себѣ по мыс-
ли не выберетъ , а до меня и сынъ бы родной
не могъ бытъ добрее .

»Подруга Марьяна была опчаянно больна ;
но когда ей спало легче , то она разсказала ,
что при возвращеніи ихъ опъ Марьиной кре-
стной матери погода была пихая ; но какъ
скоро онъ опплыли на средину Волги , то буря
поднялась съ такою силою , что онъ ни какъ
не могли управить лодкою ; ее опрокинуло вол-
нами . Марья ушонула , а она успѣла ухватить-
ся за челнокъ , и подоспѣвшіе къ ней на помощь
бурлаки спасли ее опъ смерти .« Окончивши
сіи слова , старушка прибавила слѣдующее : »Я
шебѣ , добрый человекъ , все горе свое рассказа-
ла ; теперь мнѣ пора идти домой .« При окон-
чаніи прогашельнаго повѣспованія я увидѣлъ
вдали нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ , по прибли-
женіи кошорыхъ горестная моя собесѣдница
сказала : »Эшо вѣрно идутъ за мною добрыя

подруги моей Марьи; онъ не оставляющъ меня въ кругломъ моемъ сиротствѣ; безъ нихъ, Богъ знаетъ, что бы со мною спалось.“ Скромныя красавицы подошли къ намъ съ нѣкоторою застѣнчивостію, вѣроятно отъ того, что увидѣли незнакомаго человѣка; каждая изъ нихъ спала изъясляющъ Алексѣевнѣ свое безпокойство о долговременномъ ея отсутствіи. Сказавъ имъ о причинѣ своего замедленія, она собралась идши домой, и чувствительныя дочери природы, поклонившись праху Марьи и поцѣловавъ съ благоговѣніемъ могильный крестъ, взяли несчастную спарушку подъ руки и повели домой. Тушь взорамъ моимъ представилась каршина, достойная Грезовой кисти: красота и цвѣтущая молодость, дающія podporу удрученной горестію и лѣтами дряхлости, составляли споль плѣнительную группу, что я не могъ довольно насладиться этимъ зрѣлищемъ. Общавшись доброй Алексѣевнѣ проводивъ ее до самаго ея жилища, я весьма охотно послѣдовалъ за нею и за милыми подругами несчастной Марьи. Мало помалу мы достигли до вершины горы и по кратковременномъ отдыхѣ въ скоромъ времени дошли до спарушкиной хижины. Здѣсь сцена перемѣнилась: средняя улица красивой и обширной деревни была наполнена народомъ; пожилые люди сидѣли у ворошъ прекрасныхъ избъ своихъ, а молодые занимались играми. Но какъ скоро насъ увидѣли, то всѣ окружили спарушку; всякій пенялъ ей, что она себя не бережеть; по участію, которое въ ней принимали, казалось, что она находилась посреди многочисленнаго семейства своего. Просившись съ нею и съ милыми ея спутницами, я пошелъ домой съ душою, наполненною всѣмъ тѣмъ, что въ

продолженіе моей прогулки я видѣлъ и слышалъ, давъ себѣ слово до моего отъѣзда въ Москву посѣдить еще разъ и добрую шарушку, и преждевременную могилу чувствительной и интересной Марьи.

Н. Е. Дадьянъ.

*Изъ Персидскихъ походныхъ записокъ
Русскаго воина.*

7го Января 1828 г. Крѣпость Эривань.

Рускія Святки.

Задолго до наступленія Святокъ начались уже разговоры объ нихъ; чѣмъ ближе подходило 25е Декабря, тѣмъ болѣе сборовъ. Рускому воину не нужно много пригошовленій: онъ всегда и на все гошовъ; но надобно же сдѣлать удовольствованіе привычкѣ, вкоренившейся съ малолѣтства — гошовишься къ праздникамъ. Вошь онъ гошовился: какъ зеркало засвѣплѣлось его ружье, заблискала аммуниція, какъ будполакомъ наведена; пуговики вычищены и молодець хошь на Царскій смотрь.

»Вставайше!» кричали поднявшіеся тѣмъ, кошорые еще не совсѣмъ проснулись: »уже озвонили къ зашрени; пора въ церковь.«

Кончилась служба; начались поздравленія. »Куда насъ Богъ занесъ?« говорилъ рекрушь: »думали-ль мы, брашцы, въ Персіи праздновашъ Святки? . . .« А по чему бы и не думаешь? — перервалъ шарый усачь, спирая иней съ назабранныхъ усовъ своихъ — солдашь и шогоне знаешь, гдѣ завпра будешь. Нынѣшній годъ здѣсь пошеребили мы Низилбашей; а на будущій, кого Богъ приведетъ, шопъ, можешь спашься, разго-

вѣеся и въ Царьградъ. Послужи - ка, брааъ, такъ походишь по бѣлу свѣшу. Не даромъ говоряшь, что солдааъ похоажъ на того спарика, о которомъ разсказыаюаъ, что не успѣешь мигнуаъ, а онъ — и Богъ вѣсшь гдѣ. — »Да у него былъ коверъ самолешъ,« прохода мимомъ, сказааъ роаный цирюльникъ. А у насъ сапоги семи-мильные — подхвапиль одинъ весельчааъ, ошдѣляясь оаъ круга.

»Кому во фроншь, спупай одѣвааъся,« кричали уншеръ - офицеры. Воаъ всѣ и готовы; собрались — и къ обѣднѣ; огромная церковь не вмѣщала молеельчиковъ. Послѣ молебна пошли на парадаъ; оаъаъ поаъха — для здѣшнихъ, особенно Армянъ, преданныхъ Россіи: они не налюбовались еще искусвомъ своихъ избавителей, а прѣзжіе Ханы и лихіе Курпинцы, не издавшіе нашихъ ученій, не могли довольно насмоаърѣаъся.

Добрая кружка водки, да сыаный обѣдъ и въ самое горькое время оживляюаъ солдааа, а шеперъ — и Богъ велѣаъ повеселиться.

Мечшалось ли когда - нибудъ вамъ, прелестныя обиташельницы гарема, что спѣны пемницы вашей, нѣмые свидѣтели вашихъ слезъ, вашего спенанія, помныхъ воркованій вашихъ, будупъ оглашааъся громкимъ шумомъ веселія Рускихъ воиновъ? Спраспныя слова жалобнаго пѣнія вашего прерывались рыданіями; шупливыя пѣсни беззабоаныхъ оканчиваюаъся хохомъ. Думаа о наслажденіахъ, вы медленно увядали.

Чиновники и почешные граадае собрались къ Генералу Красовскому: шамъ охоанники сосшавляли дуэшы, кварпешы на гипарааъ и скрыпкааъ, а въ промежушкааъ гремѣли полковая музыка и пѣсни.

Въ первый разъ видишь Эривань въ маленькомъ видѣ Рускіе балы. Были и танцы; но фигуръ копильйона Эривань еще не видала.

Въ Новый годъ, въ разныхъ мѣстахъ крѣпости, раздавался шумъ барабановъ, звуки роговъ, громъ музыки и *полилось по граду ликование!*

Боже Всещедрый! благодарю Тебя. Ты наполняешь меня споль сладостными чувствами, что и въ щасіи едва ли я наслаждался подобными. Я лишень собственныхъ радостей; нѣтъ щасія, мнѣ принадлежащаго; но душа моя открылась для щасія другихъ и несравненно сильнѣе спала участвовашъ въ радости меня окружающихъ и нигдѣ; въ другомъ мѣстѣ, не могъ бы я шакъ много имѣть ушѣшеній: здѣсь цѣлый народъ, оживленный восхищительнымъ для него событіемъ, ежедневно пьешъ опраду: я говорю объ Армянахъ. Угнетенные подъ желѣзнымъ игомъ Персіи, они не дерзали и мечшашъ о благополучіи; спѣсненные въ дѣйствіяхъ, они не смѣли опкрышо прибѣгашъ къ послѣднему пріюшу спрадалца — къ Вѣрѣ.

„Унынъ благовѣсшъ сѣшующаго храма нашего,“ говорилъ спарець, слушая шихій звонъ, призывающій къ молишвѣ „скоро ли наступишъ день, споль пламенно желаемый? Но, нѣтъ; грусть изсушила меня; силы мои испощены; скоро опойду я въ жилище праѣдовъ, въ спрану, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печали, ни воздыханія, но гдѣ жизнь безконечная. Нѣтъ, не увижу я восхода ожидаемой звѣзды освобожденія. Сынъ мой! шебѣ передаю послѣднее завѣщаніе опцовъ моихъ и свое: если ты будешь блаженнѣе меня — если прежде гроба увидишь побѣду Рускихъ надъ врагами нашими и порже-

спво Свяшой Хрисіянскої Вѣры надъ лже-ученіемъ Магомеша, — шо да будешь веселый голось колоколовъ воскресшей церкви нашей знакомъ вашего спасенія!» — И звукъ сей радосно попрысешъ прахъ умершихъ.

Армяне! мольбы ваши услышаны; желанія совершились; восшоргъ объемлешъ сердца ваши.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Посланіе къ Д. . . . Д. . . .

И гдѣ шо время, другъ мой милый,
 Какъ вмѣстѣ и съ тобой жила,
 Подъ покровительствомъ родимой
 Безпечно младость провела;
 Бывало, мы въ часы свободы
 Спѣшимъ на ближній холмъ съ тобой,
 Снимаемъ виды шамъ съ природы
 Еще неопышной рукой.
 Восходъ зари предупреждаемъ
 И вмѣстѣ съ пщичками поемъ,
 И въ пѣсняхъ Бога прославляемъ
 Въ невинной простотѣ; а днемъ
 Съ подругами въ свой садъ помчимся;
 Ихъ базпокойствомъ веселимся,
 Скрывался опъ нихъ въ кустахъ.
 Или, разсыпавшись въ лугахъ,
 Большими, легкими ролями
 Гоняемся за мошылками.
 Чего не доставало намъ?
 Забавы, рѣзвости, утѣхи,
 Веселья, радосши, и смѣхи —
 Мы все дѣлили пополамъ.
 Теперъ не шо. Все премѣнилось;
 Тоска въ груди мѣой лежишь,

Душа въ уныніе погрузилась ;
 Ничто меня не веселитъ .
 Подруги дѣтства измѣнили ;
 Онѣ меня не разлюбили ;
 Но грусть моя для нихъ скучна ! . . .
 Душа унынія полна .
 Не покидай хоть ты , другъ милый !
 Былое мнѣ напоминай
 И угасающія силы
 Своею дружбой оживляй !

Елисавета Крылова.

С М Ъ С Ъ .

1.

Музыкальный вечеръ въ пансіонѣ 2-жи Дюперонъ.

Преемница Г-жи Воше , содержавшей около
 20 лѣтъ отличнѣйшей изъ Московскихъ пансіо-
 новъ для дѣвиць , *Татьяна Антоновна Дюпе-
ронъ* , представила въ первый разъ публикѣ
 подъ своимъ руководствомъ воспитанницъ пан-
 сіона въ данномъ 12 Января концертъ . Его
 Превосходительство , Г-нъ Попечитель Универ-
 ситета , А. А. Писаревъ , Г-нъ Директоръ учи-
 лищъ , Баронъ В. И. Медемъ , Г-да Профессоры ,
 И. И. Давыдовъ и Д. Е. Василевскій , многія по-
 четныя особы , родители и родственники обу-
 чающихся дѣвиць были свидѣтелями успѣха ихъ
 въ музыкѣ и шанцахъ , послѣдовавшихъ за кон-
 цертомъ .

Онъ происходилъ такимъ образомъ :

Часть первая.

1. Увертюра Моцарта .
2. Варіаціи Черни для фортепьяно, игран-
ныя въ чепыре руки дѣвицею Сазыковою и са-

мою г-жею Дюперонъ, споль извѣсною паланшомъ своимъ на семь инструменшъ.

3. Вариации Риса съ аккомпанименшомъ на скрипкѣ, игранныя Княжною Шаликовою съ г-мъ Конюсъ, опличнымъ арписшомъ и композишоромъ.

4. Первый концертъ г-на Фильда, игранный двѣцею Гавреневою — очень хорошо.

5. Трешій концертъ г-на Фильда, игранный двѣ. Сазиковою — превосходно.

Часть вторая.

1. Симфонія.

2. Фаншазія, соч. г-на Конюсъ, имъ самимъ игранная на скрипкѣ, поющей въ рукахъ его.

3. Вариации Герца на прелесный романсъ изъ оперы *Иосифъ*, игранныя на форшеньяно г-жею Дюперонъ, произведшей въ слушашеляхъ восторгъ истинный.

4. Вариации Ромберга, игранныя на віолончель славнымъ г-мъ Марку.

5. Адажіо и рондо Риса, игранныя знаменнымъ и единственнымъ Фильдомъ.

Танцы были характеристическія, составленныя г-мъ Йогелемъ, обучающимъ въ пансіонѣ сему пріятному искусству, копорымъ *отличаются* всѣ ученицы г-на Йогеля — поэша въ изобрѣшеніи фигуръ для шанцовъ всякаго рода.

Посѣшители изъявляли живѣйшее удовольствіе въ продолженіе концерта и шанцовъ — къ неизъяснимому ушѣшенію Воспитательницы и родителей.

Рускій театръ.

Въ пользу г-на Баншышева, 30. Декабря 1829 года, въ большомъ театрѣ была представлена (по возобновленіи въ первый разъ): *Ю-*

сифъ Прекрасный, опера въ 3хъ дѣйствіяхъ, соч. *Дювала*; переводъ *Льва Брандта*; музыка *Мегюля*. — Главныя дѣйствующія лица въ сей блистательной оперѣ другъ предъ другомъ ревновали въ прогашельномъ и сладостномъ пѣніи, въ живой и сильной игрѣ. Очаровательная музыка знаменитаго Мегюля, стройныя хоры пѣвчихъ, марши воиновъ, великолѣпныя докораціи вполнѣ услаждали душу и сердце зрителей, коими былъ заняты весь огромный Московскій театръ, къ сожалѣнію, не довольно *звучный*. — Мы видѣли эту оперу на С.-Петербургскомъ театрѣ, въ бенефисъ славнаго арписта Самойлова, и смѣло можемъ сказать, что нашъ Іосифъ — *Булаховъ*, Іаковъ — *Лавровъ* первенствуютъ надъ Петербургскими пѣвцами - актерами, разумѣясь, Рускаго театра. Но игра Самойлова, занимавшаго роль Симеона, брата Іосифова, несравненно выше, изящнѣе игры Симеона — *Бантышева*. Впрочемъ, отдадимъ должную справедливость и нашему бенефицианту: онъ не уронилъ своей роли и старался ее выдержать, сколько могъ, хотя слишкомъ были неприятели частыя размахиванія рукъ, сильныя вскрикиванія, неумѣстныя и однообразныя жесты. Нещадно *набѣвленное* лице его ничего не выражало, кромѣ шоскливой блѣдности. Веніаминъ — г-жа *Лаврова*, на эшопъ разъ была, какъ говорится, не въ голосъ. Египетскій Вельможа Ушабанъ — *Максинъ*, кажется, не видывалъ вельможей: его правая рука висѣла или поднималась какъ деревяшка, а лѣвая — была какъ бы окаменѣлая. Если онъ играетъ превосходно только *Цифиркина* (въ Недорослѣ Фонъ - Визина), то не уже ли имѣешь право на роли Царедворцевъ? . . Но въ эшопъ

едва ли его можно винить: про шо долженъ въ-
дашь *першій*. — Въ началъ эго дѣйствія была
изображена ушрненія заря, съ восхожденіемъ
солнца. Сія машина мало, очень мало прино-
ситъ чести машинисту: подумаешь, что онъ
не видывалъ, какъ восходитъ солнце; ибо *его*
солнце нимало не склонялось ошъ воспока къ за-
паду; оно какъ было поставлено посреди задней
декораціи, шакъ и прѣстояло до конца. Эшо
солнце ничшо иное, какъ бумажный фонарь, ра-
боты *Вавилы Сидорова*. . . .

По окончаніи оперы, явился въ первый разъ
Баронъ Фонъ-Тренкъ, комедія-водевиль въ 2 хъ
дѣйствіяхъ, переведенная г-мъ *Ленскимъ*, извъ-
стнымъ Московскимъ водевиллистомъ, и ошчасши
замѣнившимъ оспроумнаго *А. И. Писарева*. —
Фридрихъ Баронъ Фонъ - Тренкъ, *Ленскій*, по-
саженъ въ крѣпость; чрезъ хитрыя свиданія
влюбился въ *Эмму*, дочь Магдебургскаго Губер-
нашора; наконецъ являешся къ нему на балъ,
и узанный ошводится въ мѣсто заключенія.
Но Коммендантъ крѣпости, *Щепкинъ*, ошав-
ляешъ его подъ спражею у себя въ домъ, а самъ
уходитъ спать. Въ эшо время Баронъ Фонъ-
Тренкъ шайно переодѣваешся въ плашье Коммен-
данта, являешся въ крѣпости, выпускаешъ всѣхъ
арешаншовъ и велитъ бишь шревогу. Полусон-
ный Коммендантъ, въ безпамятствѣ ошъ испу-
га, спыищъ одѣвашся; но вмѣсто своего мунди-
ра находитъ бальный фракъ Барона-арешанта.
Тутъ Коммендантъ, узнаешъ о его бѣгствѣ;
узнаешъ, что домъ его подъ спражею и всѣ дѣ-
ри завершы. Коммендантъ въ ошчаяніи; Баронъ
шребуешъ, чтобы онъ сдался ему на капишуляцію;
и Коммендантъ сдается съ условіемъ дозволишь
Барону женишься на Эммѣ. Бракъ совершился;

процѣпо нѣсколько замысловатыхъ куплетовъ, и занавѣсъ опустили. Вошъ комедія - водевилъ въ *двухъ* дѣйствіяхъ! Игра *Щепкина* и гарнизоннаго музыканта *Живокини* смѣшила публику. Изъ дѣйствующихъ въ оперѣ и водевилѣ никто не былъ вызванъ, кромѣ переводчика - *Ленскаго*: рѣдкое явленіе на Московскомъ шеатрѣ, особенно въ бенефисъ! . . .

Въ заключеніи спектакля данъ прелестнѣйшій изъ національныхъ нашихъ диверсисмановъ: *Семикъ или гулянье въ Марьиной рощѣ*. За Рускія пляски *Лобанову*, *Глушковой*, *Царицѣ* сихъ плясокъ, *Лобановой* и *Патанчиковой* не лзя не сказать спасибо; особенно же плѣнили зрителей *Гюлленъ* и *Ришаръ б.* казацкими плясками. Г-жа *Филлисъ* и *Булахоевъ* пѣли мажорски: *Не бѣлы снѣги въ полѣ заблѣлись*, и проч. — Хоръ Рускихъ пѣсельниковъ ужасно раздорилъ съ оркестромъ. — *Бантышевъ* общался (въ газетахъ и афишахъ) пѣшь въ первый разъ Рускія пѣсни: *Ахти, матушка! голова болитъ*, и *Соловей мой, соловей*; но въ эшопѣ *первый разъ* публика не слыхала ихъ, и *Бантышевъ* — не являлся! На сей случай, вмѣсто двухъ пѣсенъ, припомнимъ *Бантышеву* (*) двѣ Рускія пословицы:

„Не молвивши слова, крѣпись;
А промолвивши слово, держись.“

*

„Общала, да солгала,
Такъ и невѣренъ спала!“

И — нѣ В — въ.

1 Января 1830.

(*) Но если шеатръ *полонъ*; то для вѣкошорыхъ нашихъ артистовъ все другое кажется *пустымъ*. *Изд.*

П а р и ж с к і я м о д ы .

Бархатныя ожерелья, заспегиваемыя золотою пряжою или золотымъ кольцомъ, приняли названіе *Луизы*, вмѣсто *fiancée*. Нѣкоторыя называютъ ихъ *кокетками*. Сіе послѣднее названіе совершенно оправдываетъ свою этимологию; ибо не лзя не угадывать большаго кокетства въ сихъ маленькихъ *ошейничкахъ* (*carsons*), которые шакъ много украшаютъ открытую шею.

— Вещицы, соединяемыя одною цѣпочкою или кольцомъ по двѣ, какъ то *пуговицы*, *булавки*, *бабожки*, *камен*, называются теперь *Ритта - Христина*, или *Сіамцы*, въ память двухъ маленькихъ сросшихся сестръ и Сіамскихъ близнецовъ.

— Визитныя карточки лучшаго вкуса — большія, гладкія и глянцовыя.

— Муфты нынѣ въ такой модѣ, что даже и мужчины носятъ ихъ.

— Маленькіе чепчики съ бархатною кроикою, убранные бѣлою блондою и цвѣтами или лентами, въ большой модѣ.

— Если всѣ эмблемы и трофеи Амура вышли изъ моды шакъ, что смѣшно похвалитесь портретомъ, волосами, цвѣткомъ, ленточкою, полученными на память; то дружба завладѣла всѣмъ богатствомъ своего брата: нынѣ, молодая дѣвушка, выходя за - мужъ, проситъ у каждой изъ своихъ пріятельницъ по косичкѣ волосъ, чтобы составить изъ нихъ снопъ, который будучи связанъ брилліанпвою ниткою, ставится на каминѣ.

И з ъ я с н е н і е к а р т и н к и п р и с е л ь №.

Платье изъ неразрѣзнаго голубаго бархата, выложенное бахрамою изъ шенили; рукава à la *Dona Maria*. Они въ превеликой модѣ, и бываютъ на платьѣ атласномъ, поплиновомъ, креповомъ и газовомъ. Бѣлые эгрешныя соспавляютъ головной уборъ.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ нѣмъ чтобы, по ошпечашаніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Января 21го дня, 1850 Г.

Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергѣй Глинка.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П р о з а.

Христина, Королева Шведская.

Христина, дочь Короля Шведскаго Густава Адольфа, родилась въ 1626 году. Природа щедро одарила ее красою души и тѣла. Христина — честь своего вѣка и слава Шведскаго престола — управляла Государствомъ мудро и кротко; любила бесѣды ученыхъ мужей, либераторовъ, и всю жизнь свою посвящала наукамъ, не забывая и дѣль Государственныхъ. Густавъ Адольфъ никогда не разлучался съ малолѣтною Христиною, и бралъ ее съ собою повсюду. Царственная дочь обладала духомъ твердымъ, неуспрашимымъ; мужество свое она оказывала еще съ младенчества. Однажды отецъ ея, путешествуя по Германіи, заѣхалъ въ Кальмаръ. Губернаторъ спросилъ

у Короля: „Можно ли спрѣляшь изъ пушекъ? „Не испугаешь ли это вашей августѣйшей „дочери?“ Спрѣляйше! — отвѣчалъ Гусавъ — она дочь воина; должна ко всему привыкать! — И дѣйствительно, она не только не испугалась грохота пушечныхъ ударовъ, но съ удовольствіемъ хлопала въ ладоши, прыгая отъ радости. — По смерти мудраго и великодушнаго отца своего, со славою павшаго на Люценскомъ сраженіи, Хриспина осмалась 6 лѣтъ. Тогда всѣ дѣла Государшвенныя ввѣрены были Канцлеру Оксенширну. Между тѣмъ ученые образовали умъ и сердце юной Хриспины. Любимица наукъ, отъ кошорой ничего не могло укрыться, знала уже восемь языковъ, и на 10 году отъ рожденія читала въ подлинникъ безсмертныя шворенія Фукидида, Полибія и другихъ славнѣйшихъ Греческихъ писателей.

Едва Хриспинѣ наступила шестнадцатая весна, какъ уже явилась юная Королева во всемъ блескѣ на Шведскомъ престолѣ. Въ продолженіе своего царшвованія она болѣе всего старалась просвѣпить свой народъ. Тогда призваны были ко ея Двору знаменишые современники: Гроцій, Бошартъ, Карпезій и другіе; всѣ удивлялись остротѣ ума ея, проницательности и обширнымъ свѣдѣніямъ.

Но Сенатъ взиралъ на сіе съ негодованіемъ, пошому что Хриспина, дочь Великаго Гусава Адольфа, оставляла иногда дѣла Государшвенныя и предавалась мечшательной философіи и изученію мертвыхъ языковъ. Свободное отъ сихъ занятій время она посвящала на собраніе древнихъ медалей, картинъ, шпашуй и рѣдкостей Геркулана и Помпеи, погре-

бенныхъ подъ сводами лавы. Сіе верховное судилище не равнодушно смотрѣло на истощеніе Государственнѣй казны, распочаемой Христиною на блисшашельныя празднества и шеашральныя зрѣлища.

Изъ важнѣйшихъ дѣлъ, занимавшихъ Христину во дни ея царствованія, былъ Веспфальскій миръ, оконченный въ 1643 году. Тогда присуществовалъ на конгрессѣ Шведскій Полномочный, Канцлеръ Сальвій; онъ особенно старался привестъ къ концу сіе споль важное, по политическимъ отношеніямъ, дѣло. За успешное окончаніе онаго Христина украсила Сальвія званіемъ Сенатора. Сей санъ почиается въ Швеціи однимъ изъ главныхъ, и преимущественно онымъ были награждаемы природные дворяне. Христина пренебрегла происхожденіе, и почтила симъ достоинствомъ Канцлера Сальвія за отличныя его заслуги, оказанныя ей и Королевству; и когда Сенаторъ на сіе не соглашался, Королева отвѣчала: „Зачѣмъ спрашивашъ о шестнадцати поколѣніяхъ, когда идешъ дѣло о добрыхъ качествахъ и мудрыхъ совѣтшахъ! Сенаторъ шолько шѣмъ можешъ упрекамъ Сальвія, что онъ не происходитъ отъ знатнаго рода. Но Сальвій шѣмъ болѣе долженъ гордиться, что будучи простаго состоянія, приобрѣлъ себѣ споль важное достоинство!“

Любя спрасшно свободу, Христина никакъ не соглашалась всшупишь въ бракъ. Сенаторъ и народъ — желали, просили, пребовали, чшобъ она избрала себѣ достойнаго супруга. „Желаю лучше украсить Шведскій престоль добрымъ Государемъ,“ отвѣчала Королева „который бы со славою управлялъ народомъ. Не при-

„нуждайше меня къ супружеству я могу ро-
 „дись и Нерона, и Августа!“ Вѣрноподданные
 предлагали ей вступить въ брачный союзъ съ
 Графомъ Палашиномъ Цвейбрикскимъ, Карломъ
 Гусавомъ; Хриспина рѣшительно опвергнула
 всѣ предложенія, и согласилась лучше при-
 знать его наслѣдникомъ престола, нежели быть
 чьей-либо супругою. Вельможи и народъ успо-
 коились. Въ 1651 году она торжественно объ-
 явила, что желаетъ оставить пронъ. Одна-
 кожь просьбы Сената и слезы подданныхъ убѣ-
 дили Королеву опложить сіе намѣреніе, но съ
 тѣмъ, чшобъ болѣе никогда не напоминашь ей
 о супружествѣ.

Наконецъ ученая, глубокомысленная Хри-
 спина, соскучившись управлать народомъ,
 склоннымъ болѣе къ войнѣ, нежели къ просвѣ-
 щенію, оставила престолъ Шведскій, и въ при-
 сущствіи чиновъ Государственныхъ объявила о
 помъ въ Упсалѣ. Сложивъ съ себя корону, она
 повелѣла выбить медаль съ подписью: *Парнасѣ
 лучше трона!* и — просилась со Швеціею...
 Послѣ столь важнаго въ Исторіи Царей собы-
 тія Хриспина писала къ Великому Конде: „Ува-
 „женіе ваше цѣню я наравнѣ съ короною; если,
 „оставя ее, шеряю что-либо въ глазахъ вашихъ,
 „шо признаюсь, мнѣ дорого стоить давно желан-
 „ное мною спокойствіе: но не раскаяваюсь,
 „что купила его цѣною престола. Никогда под-
 „лымъ раскаяніемъ не очерню поступка, кото-
 „рый прежде почитала хорошимъ. Если вы
 „станете осуждать меня, я скажу въ извине-
 „ніе, что никогда не оставила бы престола,
 „которымъ случай подарилъ меня, когда бъ почи-
 „пала его нужнымъ для моего благополучія, и
 „спала бы искашь обладанія вселенною, если бъ

„надѣялась успѣшь въ помѣ, и умереть подобно
„великому Конде (*)!“

Хриспина, взявъ съ собою все драгоцѣнныя вещи и переодѣвшись въ мужское платье, отправилась въ предызбранный путь. Достигнувъ границъ Даніи, она сказала: „Теперь я
„свободна! въ Швеціи — куда уже не надѣюсь
„возвращиться!“ Когда Хриспина проѣхала Данію и Германію, то явилась въ Бриссель, и тамъ приняла вѣру Капшолическую. Однажды Хриспина, увидѣвъ рукопись, въ кошорой было сказано, что она не отъ искренняго сердца приняла другую вѣру, сія Эксъ - Королева написала: *Кто это знаетъ, тотъ не пишетъ; кто это пишетъ, тотъ не знаетъ!* (Chi lo scrive, non lo sà; chi lo sà, non lo scrive.)

Въ послѣдствіи Хриспина пріѣхала въ Римъ, кошорый ей показался не столь великолѣпнымъ, какъ о немъ разсказывали путешественники; и попому 1656 года отправилась во Францію, гдѣ знаменитый Государь, Людовикъ XIV, принялъ ее со всеми почестями, приличными Царскому сану. Дворъ Французскій отдавалъ шансамъ ея всю справедливосшь, — и въ Парижѣ не было женщины, кошорая могла бы равняться съ умомъ ея.

Наконецъ узнавъ, что Король Карль Густавъ умеръ, Хриспина возвратилась въ Швецію — принявъ бразды правленія; но ее принудили снова отречься. Не получивъ желаннаго успѣха, Королева опять прибыла въ Римъ. Здѣсь, въ 19 день Апрѣля 1689 года, угасла жизнь ея на 63 году отъ рожденія.

(*) Въкъ Лудов. XIV, соч. *Вольтера*, перев. В., Ч. 1, стр. 129.

Миконъ , видѣвшій Христину за годъ до ея кончины, такъ изобразилъ сію необыкновенную женщину: „Королева Христина небольшого роста; довольно полна; цвѣтъ лица и голосъ — мужественны; носъ большой; глаза сѣрые, открытые; брови русыя; подбородокъ раздвоенный; волосы на головѣ рѣдки, напудрены и — безъ чепчика; на устахъ всегдашняя улыбка; Христина въ обращеніи учлива и ласкова. Ея одежда: короткій мужской серпукъ изъ чернаго атласа, заспегнутый до колѣнъ; подъ нимъ юбка изъ шакого же атласа; вмѣсто галсуха, вокругъ шеи обернута черная лента.“

Христина была честолюбива, недовѣрчива, подозрительна и не всегда вѣрна въ словъ; — въ дѣлахъ неупомима; сонъ ея былъ кратокъ, споль умеренный; она великодушно переносила и холодъ и зной, и голодъ и жажду. — Бренное шѣло Христины покоится въ знаменитомъ Римѣ. На скромной ея гробницѣ начертано: *D. O. M. vixit Christina anno LXII.*

И. В.

Чудо - красавица.

Non plus ultra женской красоты находишь теперь въ Филадельфiи, въ Сѣвероамериканскихъ вольныхъ Державахъ. Сія шестнадцати-лѣтняя дѣвица, дочь Швейцарскаго поселенца, въ шѣлесномъ отношеніи соединяетъ всѣ прелести Венеры Медицейской. Отецъ, желая сдѣлать спекуляцію, показываетъ свою прекрасную дочь за деньги. Спеченіе любопытныхъ зритель изъ близкихъ и далекихъ мѣстъ споль значительно, что собираемая съ нихъ сумма составивъ въ нѣсколько лѣтъ многіе милліоны. Воз-

зрѣніе на сей осуществленный идеалъ поселешь пламенную любовь въ сердцахъ посьшипелей и ревность въ посьшипельницахъ. Одинъ шесшидесятилѣтній холостякъ, не болѣе разу видѣвшій сіе чудо красоты, влюбился до безумія, и видя невозможность обладать имъ, онъ на слѣдующее же утро зашпрѣлился. — Бышь можешь, почтенный родитель завѣдешь и въ Европу, гдѣ не менѣе, какъ и въ Америкѣ, красота находить своихъ чшишелей; бышь можешь, онъ посьшипитъ Россію, а наконецъ легко спанешся, что посьшипитъ и древнюю Рускую столицу: совъшумемъ нашимъ шесшидесятилѣтнимъ женихамъ заранѣе женишься и не подвергаешь себя опасности погибнуть ошь сего романшического феникса.

А. З.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Аббасъ - Мирзъ.

Какъ солнце въ полдень озаряешь
 Неизмѣримый океанъ, —
 Твое величье оживляетъ
 Послушный Россамъ Дей - Карганъ.

*

Склонились дроньики спальные,
 Булашный мечъ упалъ въ ножны;
 Умолкли громы боевые,
 И враны пасшвы лишены.

*

И Персы ждуть предѣла брани;
 Цвѣтшуть надеждой ихъ сердца;
 Простершы ихъ дрожащи длани
 Къ сіяню Царскаго лица.

*

Какъ быспрый ключъ воды прозрачной
Родить сокровища полей, —
Ты свѣшь извлекъ изъ ночи мрачной,
Возвысилъ духъ спраны своей.

*

Разсыпаль искры просвѣщенья,
Въ Таврись искусства преселилъ;
Составилъ грозны ополченья,
Востокъ геройствомъ изумилъ.

*

Внемлижь сыновъ своихъ моленья,
И миръ даруй имъ наконецъ:
Подвластныхъ, знай, благословенья —
Царей блистательный вѣнецъ.

*

Ты въ битвахъ былъ безстрашный воинъ!
Любовью къ подданнымъ горя,
Теперь будь болѣ: будь достоинъ
Союза Рускаго Царя.

Анненковъ ().*

Къ Н. Б. Л. . . й,

*которая сказала, что она любитъ голу-
бой цвѣтъ.*

И лзяли не любить небеснаго вамъ цвѣща?
Вы дочь любимая Небесъ,
Которую они для украшенья свѣща
Явили на землѣ — какъ цвѣшь своихъ чудесъ!

(*) Поэтъ служилъ въ Борисоглѣбскомъ уланскомъ полку
Штабсъ-Ротмистромъ, и убишь подъ Бейбурпомъ 23 го
Сентября 1829 года. *Изд.*

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Подлинныя письма ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ТЕОДОРОВНЫ къ Графу Н. П. Толстому.

(Продолженіе.)

6.

Графъ Николай Петровичъ! Я всегда съ великимъ удовольствіемъ видѣла въ ежедневныхъ вѣдомостяхъ Московскаго Дома нарочитое число излишнихъ кормилицъ; но нынѣ наспуило пруднѣйшее вразсужденіи сего время. Вліяніе онаго примѣчается уже въ послѣднихъ вѣдомостяхъ. Удословѣрена будучи однако споль многими опытами въ усердіи и дѣятельности вашей, Я никакъ не сомнѣваюсь, что вы конечно уже занимаетесь наилучшими мѣрами къ предупреденію, или прекращенію недоспашка въ кормилицахъ, и швердо надѣюсь, что вашими спараніями Я скоро увижу по прежнему превосходство оныхъ противъ числа дѣшей. Въ полномъ упованіи на вашу ревность пребываю вамъ благосклонною (*).

МАРІЯ.

Въ Павловскѣ.

30 Іюня 1802 года.

(*) ГОСУДАРЫНЯ до того бывала занята попеченіемъ о здоровьи сиротъ (разсказывалъ А. П. Нечаевъ), что когда однажды, желая ошвлечь ЕЕ отъ излишнихъ, вредныхъ уже для собственнаго ЕЯ здоровья, усиленныхъ занятій,

Графъ Николай Петровичъ! Въ послѣдней вѣдомости о сословіи Московскаго Воспитательнаго Дома замѣшивъ, что шамъ лишникъ по числу дѣшей 21 кормилица въ такое время, когда бываетъ въ оныхъ недоспашокъ, и приписывая сіе вашимъ стараніямъ и трудамъ, съ удовольствіемъ изъясляю вамъ МОЮ признательность, и пребываю впрочемъ благосклонною.

МАРІЯ.

Въ Павловскѣ.

9 го Іюля 1802 года.

Графу Толстому.

Графъ Николай Петровичъ! Усмотрѣвъ изъ вѣдомости по Экспедиціи о воспитаніи дѣшей по деревнямъ, что многія помирають отъ поносовъ, нахожу нужнымъ спросить, употребляютъ ли у васъ весьма для сего полезное лѣкарство, праву *самбукъ*, копорая здѣсь съ успѣхомъ дѣйствуетъ (*)? О чемъ и прошу МЕНЯ увѣдомишь, дабы могла Я приказашь

доложили ЕЙ объ обѣденномъ столѣ, по Машѣ чадолюбивая отвѣчала: „Повремените, дозвольте мнѣ сперва накормить бѣдныхъ дѣшей, а послѣ и Я съ вами буду обѣдашь. Вы забыли пословицу“ (присовокупила ОНА, съ какою-то необыкновенною выразительностію) „*всѣмъ довольный, не понимаетъ голодныхъ!*“ М.

(*) *Василій Петровичъ Корзугановъ*, бывшій при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ Оберъ-Секретаремъ, сказывалъ, что ИМПЕРАТРИЦА, при отправленіи его изъ С. П. Бурга, между прочимъ поручила отдать А. М. Лунину большой реэстръ правъ противъ дѣшскихъ болѣзней и при томъ послала даже и образцы нѣкоторыхъ изъ сихъ же правъ, съ наставленіемъ, какъ и когда ихъ

прислашь вамъ оной шравы, съ насшавленіемъ, какимъ образомъ должно ее давашъ дѣшямъ. Во ожиданіи донесенія вашего, пребываю вамъ благосклонною.

МАРІЯ.

Въ Павловскѣ.

14го Августа 1802 года.

Графу Толстому.

9.

Графъ Николай Петровичъ! Поелику содержаніе великаго числа запасныхъ кормилицъ, досшавляемыхъ изъ деревень, ошягощаешъ казну Восшашательнаго Дома, здѣсь же, въ ошвращеніе сего, число оныхъ ограничено; шо желаю, штобы и вы послѣдовали сему правилу. По сдѣланному расчешу видѣла Я, што самое большое число приносимыхъ въ Московскій Домъ дѣшей въ шеченіе недѣли сосшавляешъ бо, меньшее 33, слѣдовашельно среднее ешъ 45 (*); посему можно полагаешъ достшачнымъ присылаешъ въ Домъ всякую недѣлю *сорокъ пять* деревенскихъ кормилицъ, а если понадобится вдругъ болѣе, шо заимсшвовашъ изъ имѣющихся въ гошовности запасныхъ домашнихъ, до прибышія изъ деревень пригошовленныхъ и снабженныхъ билеша-

употребляешъ. На самбукъ было подписано: *и Нашихъ дѣтей тѣмъ лѣгши.* М.

(*) Въ любопышной для Статистики запискѣ, которую я имѣлъ ошъ Корчуганова (хорошаго мнѣ знакомца), полагалось годовое поступленіе въ Московскій Восшашательный Домъ до 2,132 младенцевъ (изъ которыхъ до 1,500 всегда бывали женскаго пола); кормилицъ для нихъ загошовляли, или прискивали непременно до 3000. Сія излишность происходила ошъ запасныхъ. М.

ми надлежащаго числа: о чемъ сего же дня писала Я и къ Николаю Ивановичу Баранову. Рекомендую наблюденіе сего вашему усердію, пребываю вамъ благосклонною.

МАРІЯ.

Въ С. - Петербургѣ.

14го Января 1803 года ().*

(Продолженіе впредь.)

С М Ъ С Ъ

1.

Турецкіе Посланники.

При мысли о какомъ - либо народѣ пошчасъ представляющся воображенію извѣстныя характерисшическія чершы его фizioноміи, нравовъ, поступи, одежды: по симъ общимъ законамъ мѣспности мы гошовились видѣшь въ Турецкихъ Посланникахъ. . . . совсѣмъ не по, чшѣ увидѣли: Галиль - Паша и Неджибъ - Эфенди съ сѣрыми глазами, съ крошкими лицами, съ подсприженными бородами — не въ чалмѣ, а въ бархашныхъ шапочкахъ, не въ длинномъ плашьѣ, а въ куршкахъ и шароварахъ, и наконецъ шакъ учшивы, вѣжливы, уклончивы и ловки, какъ Европейцы; пріятная улыбка сопровождаетъ разговоръ сихъ Турковъ — всегда черезъ пере-

(*) Въ семь году, Московскій Екатерининскій Институтъ уже былъ открытъ. ИМПЕРАТРИЦА въ эшо время писала къ Фельдмаршалу Графу И. П. Салтыкову: „Графъ! способствуйте вашимъ содѣйшвіемъ Институту; онъ для дѣтей. У многихъ изъ нихъ есть родители; но Я одна обрекла Себя заступашъ мѣсто матери всѣхъ дѣшей на свѣшь!“ М.

водчика, хотя Галиль - Паша былъ въ Парижѣ и хорошо понимаешь Французскій языкъ, на которомъ даже и ошвѣчаешь въ немногихъ словахъ; но какъ онъ удивился, когда въ блестящемъ маскарадѣ Благороднаго Собранія молодая прекрасная дама заговорила съ нимъ пошурецки! Это была Екашерина Мануиловна Лазарева, которую Цареградецъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ во взорахъ пошчасъ же пригласилъ танцовать, и конечно ни съ кѣмъ не танцовалъ веселѣе.

На прекрасномъ балѣ Гражданскаго Губернатора Галиль - Паша обращалъ на все особенное вниманіе; и когда хозяинъ подвелъ къ нему маленькихъ дочерей своихъ: то онъ поцѣловалъ руки у нихъ, и потомъ танцовалъ съ ними; неоднократно привѣщивалъ хозяйку, хваля общество ея, убранство дома, изящество угощенія, и проч.

Неджибъ - Эфенди, бывшій Министромъ внутреннихъ дѣлъ при самыхъ крипическихъ дѣлахъ Поршы — съ начала до конца войны необыкновенной, угрожавшей всѣми опасностями Государству неблагоустроенному — Неджибъ - Эфенди имѣетъ и наружныя формы дипломата: терпѣливо выслушиваетъ всѣ вопросы, подробно ошвѣчаетъ на каждый и ждетъ продолженія рчи вашей съ видомъ любопытства.

Но чего не лзя ожидать отъ *времени*? Оно творитъ и разрушаетъ, соединяетъ и раздѣляетъ, сближаетъ и отдаляетъ: измѣненіе — первый законъ сего незримаго властителя надъ небомъ и землею. Такъ мудрено ли? . . . Но вошь еще одна общежительная черта Констаншинопольскихъ гостей нашихъ: изъ свисы Посольства Полковникъ гвардіи, Хависъ - Ага, съ

брапомъ своимъ и двумя поварищами, поѣвши съ супругу покойнаго Генерала ошъ инѣаншеріи Дожшурова, машь Юнкера Лейбъ - Гвардіи егерскаго полку. Сей молодой человекъ, получивши въ сраженіи нѣсколько тяжелыхъ ранъ, былъ взятъ въ плѣнъ, и шамъ обратился на себя благопріятнѣйшее вниманіе между прочимъ и выше-сказанныхъ Турецкихъ чиновниковъ.

2.

*Баль Купеческаго Собранія наканунѣ
Новаго года.*

Предъ торжественнымъ днемъ Новаго года, благодаря усердному желанію Спаршинъ Купеческаго Собранія, данъ превосходный баль; и хотя тогда балы были и въ Благородномъ, и Нѣмецкомъ Собраніяхъ; но въ Купеческомъ спеченіе публики превзошло всякое ожиданіе.

Пріѣздъ начался съ 9 ши часовъ вечера. Танцевальная зала, къ нещасію довольно малая для шакаго собранія, была иллюминирована превосходно; на хорахъ гремѣла прекрасная музыка Князя Куракина. Спѣшимъ ошдашь полную справедливость опличнымъ произведеніямъ нашихъ арпистовъ-амашеровъ: бальная музыка, здѣсь игранная и сочиненная господами Девишпомъ и И. П. Йогелемъ, принимается съ восхищеніемъ любителями шанцовъ и знашоками музыки. Въ другихъ комнатахъ, великолѣпно освѣщенныхъ, занимались игрою въ каршы, а въ боковой залѣ былъ пригошовленъ опличный ужинъ на 200 куверповъ, гдѣ взаимные шоспы о новомъ щасіи въ жизни были повшоряемы непрестанно. Наконецъ въ 12 часовъ, когда новорожденный сынъ Крона

слепѣлъ на землю, раздались поздравительныя шruby; шанцы мгновенно прекрашились, гулъ взаимныхъ поздравленій носился во всѣхъ комнатахъ и 1 й часъ Нового года былъ открытъ торжественнымъ Польскимъ; и всѣ шанцы опять возобновились.

Собраніе было оцѣсшпливлено посѣщеніемъ Ихъ Сіашельствъ, Князя Дмишрія Владиміровича Голицына и Князя Николая Борисовича Юсупова; Ихъ Превосходительствъ, Николая Никишича Веревкина, Дмишрія Ивановича Шульгина, и прочихъ почешныхъ Особъ.

Много было прекрасныхъ и богато убранныхъ дамъ; но шѣ, кошорыхъ мы осмѣлились наименовашь здѣсь, заслуживали, кажешся, всеобщее вниманіе: г-жи Ли. . . . ва, Доб. . . . ва, Рю. . . на, Бар. . . . вы, Юш. . . на, Чу. . . на, Гр. . . вы, Ер. . ф. . ва, кошорой

Очи блѣдно - голубыя

Подобны Финскимъ небесамъ.

Тих. . . . ва, Пол. . . ва и Кр. . чь. — Танцы продолжались непрерывно; очень жаль, что шѣснопа залы мѣшала нѣсколько шанцующимъ и что здѣсь не осшавляющъ еще *экосеза*, въ кошоромъ встрѣчаешся много незавидныхъ шанцовщиковъ, между шѣмъ какъ игривый вальсъ осшашся безъ употребленія. И въ шѣсносоединенныхъ кадрилихъ не лзя видѣшь всей ловкости и живоспи прелешсныхъ шанцовщицъ.

Число посѣшителей просширалось до 1300 особъ. Въ продолженіе вечера разносились прохладительныя напишки, конфекшы и проч. Въ часъ начался ужинъ. За первымъ шоломъ находилось болѣе 150 особъ. Шампанское лилось рѣкою; живая радость была начершана на лицахъ посѣшителей, кошорые съ своимя семей-

схвами и друзьями весело встрѣчали Новый годъ: что составляло наипрѣшнѣйшую каршину. Балъ кончился въ 3 часа.

Сергей Сельскій.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Бѣлое атласное платье, выложенное бахрамою изъ бѣлыхъ перышковъ, съ корсажемъ, выложеннымъ блондою, равно какъ и рукава, сдѣланные à la Dona Maria, есть отличнѣйшій костюмъ. Часть рукавовъ, ниспадающая до локтей и весьма закругленная, отдѣляется отъ верхней части золотою браслетою изъ аншика. Головной уборъ при этомъ шулетъ составляется изъ золотой повязки (bandeau), прикрѣпляемой посреди лба камеею, и бѣлыхъ перьевъ, наколанныхъ между буклями (coques des cheveux).

Г-жа М * * * на балъ Принца Т * * * имѣла на головѣ полу-вѣнецъ (demi - couronne) изъ бѣлыхъ перьевъ, образующихъ сѣяніе (angéole); онъ былъ наклонъ вокругъ буколъ (coques des cheveux) и оканчивался на одной сторонѣ длиннымъ свитымъ (en spirale) перомъ, упавшимъ на шею.

— Другой головной прекрасный уборъ составляла гирлянда лавровыхъ листьевъ изъ жемчуговъ, имѣвшая плѣнительный видъ на черныхъ волосахъ. Нѣсколько жемчужныхъ эгреттовъ перемѣшивалось съ буклями (coques des cheveux).

Изъясненіе картинки при селѣ No.

Платье креповое, выложенное бахрамою изъ перышковъ, закрѣпленною золотыми бусами вмѣсто узелковъ. Головная уборка — парикмахера Круаза.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, по оппечатаваніи, предсавлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Января 28го дня, 1850 г.

Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергѣй Глинка.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУСКИХЪ
ЖЕНЩИНЪ - АВТОРОВЪ.

(Продолженіе.)

5.

Наталія Ивановна Титова.

Супругъ ея былъ Полковникъ, Николай Сергеевичъ. Элегіи и пѣсни были предпочтительнымъ родомъ ея поэзіи, кофторая, какъ увѣряешъ Новиковъ (*), за чистоту, пріятность и нѣжность слога весьма похваляется; а въ доказательство того, можно чинашь всѣ выше-сказанныя Элегіи и Пѣсни въ журналахъ: *Всякая всячина, Трутень, Парнасскій Щепетильникъ,*

(*) Опытъ Исторіи. Словаря о Россійск. Писателяхъ.

Всечера, и въ другихъ нѣкопорыхъ. Особенно же напечатанныхъ сочиненій, или переводовъ г-жи Тишовой мы незнаемъ.

6.

Княжна Катерина Сергеевна Чурсова.

Въ Словарѣ Новикова Княжна Катерина Сергеевна названа также *хорошею* сочинительницею элегій, пѣсенъ и многихъ мѣлкихъ стихотвореній и, какъ водилось тогда, съ непремѣннымъ эпипешомъ *достойныхъ похвалы*. . . Но въ 1774 году она уже сочиняешь въ С.-Петербургѣ цѣлую Поэму въ пяти пѣсняхъ: *Поліонъ или Просвѣтившійся Нелюдимъ*. Въ Москвѣ и въ Петербургѣ пошчасъ зашумѣли о такомъ необыкновенномъ трудѣ женщины, обратившемъ на себя особенное вниманіе современныхъ ей Писателей и Екашеринны, а *Поповскій* и *Барсовъ*, ученѣйшіе Профессоры тогдашняго времени, не утѣрпѣли, какъ говоритъ преданіе, чшобъ неописашь другъ къ другу: *«Смотри пожалуй! . . .»*

Всѣ другія стихотворенія Княжны Катерины Сергеевны помѣщены почти во всѣхъ лучшихъ журналахъ, также въ *Дондахъ* Карамзина, и наконецъ въ *Бѣсѣдахъ* Рускаго слога, копорыхъ она была Членомъ.

7.

Марія Васильевна Храповицкая.

Зная въ совершенствѣ Французскій, Итальянскій и Нѣмецкій языки; но *незнавши* хорошо правилъ отечественнаго, она всегда прашивала своего брата, Александро Васильевича Храпо-

вицкаго, бытъ ея училемъ. Храповицкая за привязанность свою къ чужимъ языкамъ боялась штрафованія *Телемахидою*, особенною грозою для разборчивыхъ приверженцевъ къ чтенію иностранныхъ книгъ. Въ самомъ дѣлѣ, Александръ Васильевичъ, пользуясь свободнымъ временемъ, посвящалъ нѣкоторыя часы сестрѣ, и показавъ ей грамматическія правила въ Рускомъ словѣ, скоро обратилъ все ея вниманіе — какъ любитель и другъ Музъ — на Поэзію.

Графъ Кирилль Григорьевичъ Разумовскій, при первомъ удобномъ случаѣ донесъ Императрицѣ, что его землячка Храповицкая *занѣлась на виршахъ* и читаетъ Рускую грамушу лучше придворнаго дьячка. Для Екатерины и этого было достаточно, чтобы пригласить Храповицкую ко Двору, еще болѣе поощрить ее въ спраси писать стихи, заставить переводить и пошомъ печатать въ современныхъ журналахъ. И Храповицкая съ того времени главное участіе принимала вмѣстѣ съ братомъ въ Сумароковскомъ еженедѣльникѣ: *И то и сіо*, и сочиняла много стиховъ для брашнейной же Трагедіи (въ 5 актахъ) *Идамантъ*, похожей, можетъ бытъ, по выраженію нынѣшнихъ рѣзкихъ ценсоровъ, болѣе на *Козлобѣніе*, нежели на трагедію (*). Но тогда еще не было такихъ отважныхъ опредѣлителей: Рускіе литераторы прямыми глазами видѣли въ *Сумароковѣ* отца театра своего; а въ послѣдователяхъ Сумарокова видѣли — достойныхъ похвалы учениковъ его, и пошому Екатерина заставивъ однажды прочесть нѣсколько страницъ изъ *Идаманда*, не смотря на *шестистолные*

(*) Московск. Телеграфъ 1829 года, No 18й и слѣдующій.

спихи прагедіи, поцѣловала Сочинительницу и примолвила: *Хорошо; но если бы вы больше совѣтовались съ Александромъ Петровичемъ.*

8.

Елисавета Васильевна Хераскова.

Супруга знаменишаго въ свое время творца Владиміра, Россіяды и другихъ стихопвореній, Михаила Машвъевича Хераскова. Александръ Пешровичъ Сумароковъ любилъ Елисавету Васильевну, и въ поздравительномъ письмѣ своемъ къ ней, новобрачной, щекопалъ ея самолюбіе, говоря, что для женщины ничего нѣтъ выгоднѣе, какъ бытъ супругою челоуѣка ученаго; что вмѣстѣ со славою мужа никогда не умретъ и ея память; что въ самыхъ позднихъ вѣкахъ прочтуть еще: а супруга *такого - то была такая - то и проч.* (*); въ заключеніе же посвятилъ ей *Притчу* и *Оду*. Новиковъ, исчисляя всѣ многообразныя стихопворенія, помѣщенные въ разныхъ еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ Московскихъ и Пешербургскихъ изданіяхъ, называетъ слогъ сочиненій Херасковой чистымъ, текучимъ, *особенными красотами* пріятнымъ, а пошому и приписываетъ ей имя Руской *Де-ла-Сюзы* (**). Но Василій Михайловичъ Майковъ, ошважный творецъ *Елисея*, ежели вѣришь другимъ рассказамъ, всегда объявлялъ споръ прошивъ нашихъ погдашнихъ женщинъ-авшоровъ, женъ и дочерей

(*) Рассказъ Александра Яковлевича Княжина, роднаго внука Сумарокову. *М.*

(**) Опытъ Историческаго Словаря о Россійскихъ Писателяхъ. Спран. 235. *М.*

авпорскихъ ; онъ рѣшительно говаривалъ : „Хорошо , весьма не худо , да вошь бѣда : за женъ мужья , а за дочерей родители. Хераскова щегольская барынька , да еслибъ пишашъ ей , по у мужа не былобъ и щей хорошихъ : онъ пишешъ , она пишешъ , а кто же щи - то сваритъ (*) ?“ Обращая мысль шушливаго поэша въ шушку же , скажемъ однакожь , что Елисавета Васильевна и въ самомъ дѣлѣ была расчешливою хозяйкою и что ея расчешливость не всегда была по сердцу шворцу Россіяды. Для примѣра пому вошь анекдотъ и , какъ увѣряюшь , весьма справедливый : Михаилъ Машвъевичъ получивъ ошъ книгопродавцевъ хорошую плашу за Россіяду , Кадма и Гармонію и за другія многія изъ своихъ сочиненій , уже въ староспи написалъ *Бахаріану или Неизвѣстнаго*. Книгопродавцы долго прикидывали на руку его поэму , угадывали вѣсь , колебались взять ли ее , печашашъ , или нѣшъ , ибо наслышавшись уже объ успѣхахъ школы Карамзинской и о чиспошъ стиховъ Дмишрѣева и его подражашелей , они уже боялись излишней шягоспи въ книгахъ Хераскова , роббли и не рѣшались ихъ печашашъ. Пшшическое самолюбіе Михаила Машвъевича симъ весьма оскорбилось и Поэшъ не смотря на предрекаемые убышки , вздумалъ печашашъ Бахаріану на свой счетъ. Рѣшимость авпорская всегда опшважна ; она превосходитъ всякую героическую , а потому какъ было задумано , пакъ и сдѣлано ! Но Елисавета Васильевна ничего не знала о семъ рѣшительномъ предпріятіи своего супруга ; она ожидала только денегъ и условлен-

(*) Словесный рассказъ современниковъ , подтвержденный покойнымъ Генераль - Майоромъ В. Г. Мичуринымъ. М.

ныхъ экземпляровъ отъ книгопродавца и раздала знакомымъ билетъ на огромную Бахарянну, собрала и — вдругъ является книгопродавецъ къ заключенію и къ исполненію послѣднихъ условій съ Поэтомъ. Почтенная хлопотунья спѣшитъ получить прибыль; но вмѣсто того сама обязывается выдать въ шипографію все ею собранное и еще сверхъ того до 1000 рублей изъ собственныхъ своихъ денегъ. „Ахъ! Михаилъ Машвѣвичъ! Что ты надѣлалъ!“ вскрикиваетъ она, — Михаилъ Машвѣвичъ молчалъ. „Но дѣлать нечего — аминь!“ продолжаетъ Жераскова: „мое пророчество сбылось: возился, писалъ! . . . на вошь деньги; кинь и знай,

Что въ старости твое писанье

И дому, и женѣ одно, сударь, спрданье!

Это стихотворное замѣчаніе, вырвавшееся съ намѣреніемъ, или безъ намѣренія, скорѣе всего другаго разшевелило молчаливость Поэша и онъ не уперпѣлъ, чшобъ не молвить: „Какъ жаль, Лизанька, что ты не пріохоцилась бышь *пѣнтой* р“

Если это справедливо, то и Майковъ едва ли не правъ, объявивъ свое замѣчаніе, какъ мы видѣли, вразсужденіи женѣ и дочерей авторскихъ! . . .

(Продолженіе въ слѣдующемъ No.)

Выписка изъ Французскаго журнала.

»Персидскій Принцъ, Хозревъ - Мирза, на возвращномъ пуши изъ С.-Пешербурга, проѣзжая чрезъ Москву, спраспно влюбился въ прехъ Московскихъ красавицъ и просиль всѣхъ прехъ

въ супружество себя, съ пѣмъ чшобы увезши ихъ въ свое опечество. Съ большимъ трудомъ могли увѣришь Принца, что Христiянскіе обычаи не дозволяютъ исполнить его желанiя.»

Вошь какъ вѣрны иносранныя извѣсшiя о происшествiяхъ въ Россiи!

С Т И Х О Т В О Р Е Н I Я .

Старцу - Поэту юный питомецъ Музъ.

(Сочинитель, въ знакъ своего уваженiя, посвящаетъ сии славыя строки Его Сiятельству Графу Дмитрiю Ивановичу Хвостову.)

Пѣвецъ, давно извѣстный міру,
Нашъ Буадо и Лафоншень!
Прими въ покровъ младую лиру:
Сей огонь души щобой возжець.

И Фазиль - Ханъ, пѣвецъ Востока,
Къ тебѣ простеръ прiязни длань (*):
И я изъ чувствъ моихъ потока
Излилъ струю шаманшу въ дань.

Прошли лѣта пвои младыя,
Но въ жилахъ не угасла кровь;
Нѣтъ къ предестямъ любви земныя:
Къ отчизнѣ, къ славъ есть любовь.

Питомцамъ Музъ давъ наставленья,
Картины свѣша пишешь пы,
И славивъ Рускiя сраженья,
Ты міру въ дань несешь цвѣшны.

(*) Извѣстна дружеская связь между нашимъ знаменитымъ Поэтомъ и Бардомъ Персiи, прiѣзжавшимъ въ Россiю съ Хозревъ - Мирзюю. *Сог.*

То воспѣваешь ты веселье ,
 То намъ законы подаешь ,
 То пишешь свѣтское бездѣлье ;
 И миршъ , и незабудки рвешь .

Чело зима осеребряешь ,
 Но огонь въ душѣ твоей горюшь ;
 Нишь жизни Парка доплетаешь ,
 А лира все еще гремишь .

Нѣшь , не узнаешь ты кончины :
 У насъ въ сердцахъ ты оживешь ;
 Съ послѣдней пѣснью лебединой
 Къ безсмертью только перейдешь ,

Любимецъ бога пѣснопѣнья ,
 Чувствъ сердца Рускаго Пѣвецъ !
 Изъ рукъ любви и удивленья
 Ты примешь тамъ злашой вѣнецъ .

Ты чшилъ въ другихъ талантъ и геній ;
 Россія твоей талантъ почтешъ ,
 И дань любимцу вдохновеній (*),
 Тебѣ плодъ славы принесетъ ,

Ты поощрялъ своей наградой
 И Доброхотова рѣзецъ ;
 И Рускій Воинъ - Молодецъ
 Изшелъ изъ мраморной ограды (**).

(*) Не могу умолчать о достойномъ поступкѣ Пѣвца Кубры, показывающемъ уваженіе къ чужимъ талантамъ: когда было предположено соорудить памятникъ Ломоносову, отцу нашей Поэзіи, тогда Графъ Дмитрій Ивановичъ, сочинивъ на сей случай Оду, собралъ до 3000 рублей и принесъ ихъ въ дань великому человѣку. Такъ поступаютъ немногіе! *Саз.*

(**) Другое изъ благородныхъ дѣлъ Графа есть то, что онъ, желая доставить поощреніе таланту г-на Доброхо-

Себя опчизнѣ посвятивъ ,
 Стихи ты пишешь для забавы ;
 Для Россовъ слишкомъ мало живъ ,
 Ты слишкомъ много жилъ для славы.

Ф. Немгиновъ.

С М Ъ С Ъ

1.

Нѣмецкій театръ.

Сильвана, или нѣмая въ лѣсу. Героико-комическая опера въ 3 актахъ ; музыка Вебера.

Кто не знаетъ превосходнаго таланта сего композитора? кто не восхищался его Фрейшицемъ, котораго музыка содѣлалась, подобно Гомеровымъ и Тассовымъ стихамъ, народною? Вся Европа одѣвалась à la freichutz; нѣтъ ни одного фортепяно во всемъ извѣстномъ мѣрѣ, которое не украшалось бы партиціей, или по крайней мѣрѣ какою-нибудь піесю изъ сей превосходной оперы. Подобная всенародность пріобрѣтаешся только великими геніями и ручаешся за ихъ безсмертіе. *Сильвана* достойна своего славнаго брата въ этой очаровательной музыкѣ. Примѣтно, что Веберъ старался больше, нежели гдѣ-либо, соединить глубокомысленную свою гармонію съ мелодіею: первую

пова, заказавъ ему вырѣзать на камнѣ лице Суворова, которое такъ удачно изображено, что подало смѣлосшь родственнику Князя Италійскаго поднести оное Государю Императору. *Сог.*

онъ упошребляетъ въ мѣстахъ, гдѣ спраси, или прошивуположныя чувства дѣйствующихъ лицъ развивающія во всей своей энѳргіи; а второю очаровываетъ въ мѣстахъ болѣе нѣжныхъ, Финалъ прѣшняго акта *Сильваны* есть превосходнѣйшее произведеніе ума человѣческаго: здѣсь славный Веберъ показалъ, въ какихъ ситуаціяхъ *диссонансы* могутъ подлинно съ пріятностію оскорблять слухъ (*).

(*) Г-нъ Трелунной въ сташѣ своей о Россини и Россинистахъ, напечатанной въ Апенѣ, говоритъ, что „Россинисты“ (представляемые имъ не только грубыми невѣждами въ музыкѣ, но даже и пошлыми дураками), что „Россинисты, безъ исключенія, называютъ всѣхъ почитателей Нѣмецкой школы педаншами.“ Это сполько же несправедливо, какъ и то, что будто бы „Боговдохновеннаго Моисея Россини заставилъ дѣлать такъ точно, какъ поетъ *Амфибія - Арликинъ Танкредъ*.“ Россинисты, достойные понимать Россини, по крайней мѣрѣ, не менѣе г-на Трелуннаго и его музыкальных пріятелей, благоговѣютъ предъ великими гѣніями Нѣмецкой гармонической школы, о славу которыхъ г-нъ Трелунный напрасно заботится съ такою злобою: слава ихъ непоколебимо основана не на шомъ, что „въ С.-Петербургѣ нѣсколько аматеровъ разыгрываютъ ихъ сочиненія,“ а на ихъ безсмертныхъ твореніяхъ. Перголезіевъ *Stabat Mater*, Гайдецово *Сотвореніе Міра*, Моцартовъ *Requiem*, Херубинева *Медея*, Спонпинева *Весталка* и проч. и проч., давно и безъ г-на Трелуннаго растворили имъ дверь въ храмъ безсмертія. Но любители Итальянской, слѣдовательно и Россиніевой, музыки справедливо называютъ педаншами тѣхъ только, которые думаютъ идти по слѣдамъ Моцарта или Гайдена единственно попому, что они сихъ неподражаемыхъ гармонистовъ смѣло передражниваютъ въ своихъ уродливыхъ пѣсенкахъ или водевиляхъ, наполняя ихъ диссонансами и рѣзкими переходами шоновъ, приличныхъ только духовной гармоніи (*musique oratoire*), а не мѣлочной музыкѣ, шребующей мелодіи, а не съ шрудомъ выиска-

Г-нъ Миллеръ игралъ роль Графа Родольфа Фонъ - Гельфенштейна. Цѣніе сего искуснаго пѣвца - тенора рѣшиительно принадлежишь къ Итальянской школѣ; необыкновенная гибкость въ голосѣ дозволяетъ ему дѣлать самыя смѣлыя пассажи, которые онъ обрабатываетъ съ большимъ успѣхомъ. Сомнительно, чтобы какой-либо пѣвецъ могъ лучше преодолевать трудности. Выдѣлывать чисто бѣглыя ноты, при нѣкоторой свободѣ въ голосѣ, не мудрено; но *оттѣнять* рулады весьма трудно, и симъ - по искусствому, кажется, г-нъ Миллеръ обладаетъ въ высшей степенѣ; его рулады *не одноколерны*; онъ мастерски ихъ оживляетъ искусными sforцандами, или употребленіемъ пьяно и форте. Соблюденіе тактовыхъ оцѣнокъ въ самыхъ наипруднѣйшихъ пассажахъ есть достоинство, въ пѣвцѣ весьма рѣдкое. Удовольствіе, доставленное мнѣ прекраснымъ и превосходно пѣтымъ польскимъ въ шрецьемъ дѣйствии *Сильваны*, долго не изгладится изъ моей памяти; но скажу откровенно, что сіе удовольствіе было совсѣмъ отдѣльно отъ того восхищенія, въ которое привела меня очаровательная музыка *Сильваны*; одно только искусство г-на Миллера могло заставить нѣсколько забыть, что эпошъ польскій, сочиненный имъ въ Итальянскомъ вкусѣ, совершенно hors d'oeuvre въ Веберовой гармоніи. Характеръ Итальянской музыки въ отношеніи къ Нѣмецкой такъ противоположенъ, что смѣшивашь

ныхъ дикихъ аккордовъ, которые въ пѣсенкахъ и романахъ рѣшиительно не могутъ *пріятно оскорблять слухъ*, но могутъ — раздражать оный. Всякая вещь хороша на своемъ мѣстѣ. *Сог.*

сіи два рода одинъ съ другимъ не должно. Чувствуя достоинство обоихъ, я благоговѣю предъ гениемъ славнаго Вебера: что однакожь не мѣшаетъ мнѣ любить и почитать Россини: *tous les genres sont bons hors le genre ennuyeux*; и для меня столько же непріятно было бы слышать въ Фрейшицъ прелестный дуэтъ Розины и Фигаро въ Севильскомъ Цирюльникѣ, какъ въ Ченереншоль финалъ шрепьяго акта *Сильваны*; меня даже весьма непріятно удивила блестящая и прекрасно сдѣланная г-мъ Миллеромъ *фермада*, кажется, въ срединѣ вышеупомянушаго финала, гдѣ она совершенно не у мѣста: ибо когда рулады не украшаютъ пѣнія, то онѣ совершенно портятъ его. Спиль же Нѣмецкой музыки вообще не терпимъ *украшений* со стороны пѣвца; скажу болѣе: мнѣ кажется, что вкладывать *постороннюю* музыку въ оперу, подобную *Сильванѣ*, есть преступленіе противъ знаменишаго ея композитора.

Г-жа Гершель, игравшая роль Сильваны, принадлежитъ къ малому числу пѣхъ актрисъ, коихъ одно появленіе на сцену доставляетъ уже неизъяснимое удовольствіе зрителямъ. Прелестныя черты лица, выразительная фізіономія, прекрасный станъ, словомъ: она очаровательна! Я не думаю, чтобы можно было лучше сыграть довольно мудреную роль Сильваны. Всѣ шонкія опшѣнки нѣмой игры она изображаетъ превосходно. Сцена, въ которой Сильвана *напивается*, есть изъ самыхъ смѣлыхъ, какую только могъ авторъ ввести на сцену: въ ней актриса должна быть или опшѣраительною, или прелестною. Г-жа Гершель умѣла быть

сею послѣднею. Скажемъ шакже, что и сама мелодія въ эпозъ мѣстѣ разнѣживаешь и облагороживаешь чувствованія; но что можешь бышь восхищительнѣе для зрителей той минуты, когда милая дикарка - Гершель видишь себя въ первый разъ въ зеркаль? Сія прекрасно обдуманная сцена естъ изъ пріятнѣйшихъ на театрѣ. Танцовщица, одѣшая подобно Сильванѣ, за зеркаломъ (*) повтораешь всѣ движенія сей послѣдней, и шакъ удачно, что иллюзія не можешь простираешь далѣе: истинно воображаешь видѣшь прелестную Гершель. Какъ искусно она выражаетъ паншомимою свое удивленіе, прежде съ нѣкоторымъ страхомъ, а потомъ съ радостію; думая, что видишь подругу, во всемъ гармонирующую съ нею, подбѣгаетъ къ зеркалу, простираешь объятія къ своему изображенію, цѣлуешь самое себя, потомъ удаляешь, и опяшь подбѣгаетъ къ зеркалу, не сводя взоровъ съ предмета своего любопытства; и все это она изъясняетъ превосходно. Разумѣешь, что вся эта сцена происходитъ въ танцахъ. Надобно видѣшь, съ какимъ искусствомъ г-жа Гершель танцуетъ! Если бы юныя наши пипомицы Терпсихоры, видя г-жу Гершель, почувствовали, что не одни безпрестанные и единообразные прыжки составляютъ изящность въ танцахъ, но что болѣе всего соблюденіе правильнаго рисунка можешь произвести пріятныя для глазъ позиціи, которыя никакими прыжками, сколько бы они высоки ни были, искупить не могутъ!

(*) Которое представлено натянуымъ въ обширныхъ рамахъ флеромъ.

Вообще здѣшніе Нѣмецкіе актеры очень хороши и разыгрываютъ пьесы съ большимъ согласіемъ (*ensemble*) какъ въ отношеніи къ вокальной, такъ и къ дѣйствующей части сценическаго искусства. Желательно, чтобы наша Нѣмецкая труппа удержалась здѣсь *подолье*. Слышатъ хорошо пѣющую, а не обезображенную, Веберову или Моцартову музыку доставляетъ удовольствіе столько же пріятное какъ Моцартистамъ, такъ и Россинистамъ, то есть тѣмъ, которые еще не оглушены тронбоннымъ и барабаннымъ шумомъ или водяною мѣльницей о двѣнадцати поставахъ (*)!

К. Д. — нѣ.

2.

*Балъ г-на Йогеля въ Благородномъ
Собраніи 25 Января.*

Балы г-на Йогеля всегда бываютъ самыми веселыми балами Благороднаго Собранія, не взирая на то, что именуются *дѣтскими*: лучшее общество принимаетъ въ нихъ живѣйшее участіе, именно пошому что сей почтенный вешеранъ-панцмейстеръ даетъ уроки въ лучшихъ домахъ и пансіонахъ столицы. — Между тѣмъ, кто не находишь, болѣе или менѣе, удовольствія видѣшь каршинные танцы милыхъ малюшочекъ? Ими начинаются прекрасныя Французскія кадрили. Зрители шѣсняшся вокругъ юныхъ Терпсихоръ,

(*) О Россини и Россинистахъ. *Атеней*, No 20, на 1829 годъ.

любуюсь ихъ развивающимися прелестями, а особливо когда танцуютъ героини Йогелевыхъ баловъ, двѣ дочери Генеральши Ладыженской: это истинныя *Грации въ дѣтствѣ*. Какая выразительность въ каждомъ движеніи! какая почтенность въ каждомъ па! Старшая, не болѣе какъ осьми лѣтъ, танцовала *шалъ* съ такимъ искусствомъ, такъ живописно, что не лѣзя было не восхищаться. Къ двумъ сестрицамъ въ нынѣшній разъ присоединилась прешья, *четырехъ* лѣтъ: танцуетъ Французскую кадрили, она представлялась пѣвнѣею танцующею куклою и до крайности удивляла вовсе необыкновеннымъ успѣхомъ на такомъ возрастѣ; между пѣмъ всѣ при успѣваютъ и въ иношраннымъ языкахъ, и въ соопвѣтственныхъ лѣтамъ наукахъ: сколько успѣшенія для отца и матери! Мы съ неизъяснимымъ удовольствіемъ смотрѣли на улыбающееся прекрасное лицо сей послѣдней. Наконецъ явились въ Руской пляскѣ и въ Рускихъ костюмахъ дѣти Ивана Пепровича Поливанова, осьми - лѣтній сынъ и шести - лѣтняя дочь: какъ они были милы, прелестны!

Когда оштанцовали дѣти; шо другаго возраста ученицы и ученики г-на Йогеля спали танцовать новую, имъ сочиненную Французскую прелестную кадрили, для кошорой онъ же сочинилъ и музыку; пошомъ уже всѣ танцовали — мазурку, кошильонъ, и балъ продолжался до 2 часовъ. Посѣшителей было 750; а билетовъ роздано вдвое болѣе; но бывший тогда же вечеръ у Княгини Кропопкиной ошвелкъ многихъ ошъ сего бала.

П а р и ж с к і я м о д ы .

На балъ Англійскаго Посланника явились головные уборы совсѣмъ новаго рода. Напримѣръ: одинъ состоялъ изъ перьевъ розе, наколанныхъ между буклями (соques de cheveux) и перемѣшанныхъ съ букетами изъ полированного серебра, которые блескомъ своимъ уподоблялись алмазнымъ букетамъ. Другой головной уборъ составляли два жемчужныхъ снопа, выходящихъ изъ большой розы и приколанныхъ сбоку.

— Много было чрезвычайно высокихъ уборокъ съ одними цвѣтами.

— Одно бѣлое креповое платье было выложено наъ рубцомъ (ourlet) шрема узенькими золотыми выпушками (liserés), потомъ шрема букетами маленькихъ перышковъ вишневаго цвѣта, перемѣшанныхъ съ золотыми весьма тонкими листочками.

— Платья изъ Японскаго крепа чрезвычайно красивы. Много было легкихъ матерій, устьянныхъ золотыми и серебряными звѣздочками. Были бахрамы изъ перышковъ, золотыя, изъ жемчуга и гагата (jais).

— Кромѣ боа изъ марабу, носятъ еще боа изъ крученыхъ (frisées) перьевъ; они бывають оприсованы какъ радуга.

— На вечерахъ многія дамы являюся въ платьяхъ изъ газа — вмѣсто блондовыхъ.

Изъясненіе картинки при семь No.

Она представляеть полунарядный туалеть (demi-négligée), благопріятный для дамъ, не уважающихъ насморкомъ или мигренемъ, для того чтобы ѣхать въ спектакль. Платье вышито шелкомъ; рукава и верхъ корсажа выложены апласными свитками (rouleaux); маленькій чепчикъ съ бархатною кронкою выложенъ блондами, которые поддерживаюся цвѣтами, имѣющими листья и стебель серебряные. Узенькій эшарпъ, накинутый на шею, подернуть въ алмазное кольцо (coulant).

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, по оппечатаіи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Февраля 4го дня, 1830г.

Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергій Глинка.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

Вѣрность дружбы и нѣжность любви.

Кирь, Персидскій Государь, на одномъ сраженіи взялъ въ плѣнь *Панею*, жену *Абрадаша*, Царя Сузіанскаго. Наслышась о чрезвычайной красотѣ Царицы, *Кирь* не хотѣлъ ее видѣть. *Араспъ*, его любимецъ, изъявлялъ удивленіе, что сей Государь не довѣрялъ своей добродѣтели. «А я увѣренъ,» примолвилъ онъ, «что ни одна женщина не можешь довести до заблужденія мой разумъ.» *Араспъ!* — сказалъ ему *Кирь* — развѣ ты не знаешь, что слабость почти всегда бываетъ слѣдствіемъ самонадѣянности? Какъ бы то ни было, я согласенъ думать, что ты имѣешь неограниченную власть надъ самимъ собою: почему и ввѣряю тебѣ *Панею*. Справедливосшь требуешь, чтобы чело­вѣкъ испытанной добро-

дѣтели былъ избранъ защищикомъ невинности и красоты. —

Царь дѣйствительно поручилъ жену Абрада охраненію Араспа, котораго, вскорѣ плѣняя ее красотою, забылъ и обѣщаніе, и честь свою. Царица, замѣшивъ спрасъ его, почувствовала сильное негодованіе; но зная, что дружба соединяла Араспа съ Киромъ, почла обязанностію своею уважить сіи священные узы; опасеніе же, чшобы не поссорить двухъ друзей, побудило ее хранить молчаніе. Прошло нѣсколько времени. Араспъ, ослѣпленный спрасію, спалъ уже выходящъ за предѣлы умѣренности. Панеоя, опасаясь, чшобы онъ не рѣшился на какую-либо дерзость, принуждена была увѣдомить Кира о своемъ положеніи. Киръ немедленно удалилъ отъ нея Араспа, и изъявилъ ей всю искренность участія и почшенія къ ея роду, добродѣтели и несчастіямъ. Араспъ въ отчаяніи почиталъ уже себя погибшимъ и придумывалъ средства къ побѣгу, какъ вдругъ увѣдомили его, что Киръ желаетъ его видѣть. Виновный явился къ Государю въ крайнемъ смущеніи, доказывавшемъ, сколько онъ терзался угрызеніями совѣсти. Киръ, видя друга своего въ такомъ униженіи и страхѣ, сжалился надъ нимъ. Первое движеніе истинной добродѣтели состоить не въ томъ, чшобы гордиться порожествомъ своимъ предъ посрамленнымъ пороккомъ, но чшобы почувствовать все, чѣмъ только превосходство ея можеть усмыслить виновнаго, и со всею нѣжностію снисхожденія способствовать къ облегченію бремени, его тяготящаго.

Черезъ нѣсколько минулъ Киръ, съ кротостию взглянувъ на Араспа, сказалъ ему: «Не

«бойся укоризнъ моихъ , Араспъ ! я знаю швое сердце и увѣренъ , что оно съ большею строгосшю укоряешь тебя , нежели какъ поступилъ бы другъ швой : сердце швое , можешь бышь , увеличило швой просупокъ , а дружба шдлаешь его извинительнымъ . Одна шолько шразлука можешь шврачевать недугъ швой и шпредохранить тебя отъ опасносшей , коими шлюбовъ угрожаетъ . Поспѣши же , другъ мой , съ воинствомъ , шобѣ увѣреннымъ , выступишь шпротивъ враговъ моихъ ; поспѣши на поле , брашнѣ увѣнчаешь лаврами славы : она одна дошставитъ шобѣ ушѣшеніе , тебя доспойное.»

Сія рчь воспламенила въ уныломъ сердцѣ Араспа чистую искру добродѣтели . Преисполненный благодарности и побуждаемый желаніемъ во всемъ блескѣ доказать шоль благородное чувствованіе , онъ проливаетъ слезы и лобызаетъ руку снисходительнаго своего друга ; самыя краснорѣчивыя слова почиая недостаточными къ изьявленію глубокихъ чувствованій , наполнившихъ его душу , онъ разспаешся съ Киромъ и въ тотъ же день уѣзжаетъ сражаться шпротивъ непріятелей своего Государя . Усердіе Араспа не оспалось безъ возмездія : онъ успѣлъ оказать Киру величайшія услуги и свое заблужденіе загладилъ подвигами , блистательными и полезными .

Панеоя , съ своей стороны чувствительшо пронущая великодушіемъ Кира , вознамѣрилась убѣдить Абрадаша , своего супруга , шобы онъ присталъ къ сторонѣ Персидскаго Государя . Благородный поступокъ сего послѣдняго описала она съ такою подробносшю , что Абрадашъ , внѣ себя отъ восшорга и признашельности , немедленно отпрашился въ Персію . Прибывъ

къ границамъ сего Царства, увѣдомилъ о себѣ Кира, который приказалъ проводить его въ палатку Панеи. Супруги, увидѣвшись послѣ разлуки съ восторгомъ, какой только можешь быть произведенъ неожиданнымъ щастіемъ, переговорили обо всемъ, что только могутъ внушить радость и нѣжность; Панея бесѣдовала съ Абрадамомъ о великодушіи Кира, а особенно о чувствительности его къ ея нещастіямъ.

Абрадашъ явился къ Киру: „Государь!“ сказалъ онъ ему: „благодѣянія твои велики! Возблагодарить за нихъ не могу ничѣмъ инымъ, какъ только искреннею гощовностію быть онынѣ исполнителемъ твоей воли, твоимъ другомъ и союзникомъ. Сии почешныя и драгоцѣнныя шипла пощуща заслужить пролитіемъ моей крови до послѣдней капли, если нужда того потребуешь.“

Спусти нѣсколько времени, Киръ, вознамѣрившись идти войною противъ Ассиріянъ, поручилъ Абрадаму значительную часть своего войска. Наступилъ день, назначенный для сраженія. Въ ту самую минушу, когда Абрадашъ хотѣлъ надѣвать лапы, Панея принесла ему золотой шлемъ и запястья изъ того же мешалла, пурпуровую тунику и пукъ перьевъ, драгоцѣнными камнями убранныхъ. Абрадашъ дивился, взирая на шакіе доспѣхи: безъ его вѣдома были они сдѣланы по приказанію Панеи. „Любезная Панея!“ сказалъ онъ ей: „и лишаешь себя всего, что служило къ умноженію красоты твоей, единственно для того, чтобы украсить мое оружіе?“ Нѣтъ! — отвѣчала Панея — увѣренность въ твоихъ достоинствѣхъ, въ любви твоей: вотъ драгоцѣннѣйшее мое

украшеніе! оно остаеся со мною. О если бы другіе видѣли въ тебѣ тѣ же доблести, кошорыми ты украшенъ въ очахъ моихъ! Эшо составило бы для меня нарядъ блистательнѣйшій и богатѣйшій. — Произнося сіи слова, она облекала его въ доспѣхи; ланишы ея орошались слезами, сколько ни старалась она скрыть ихъ. Абрадашь, правильными и пріятными чертами лица своего привлекавшій на себя взоры другихъ, казался еще прекраснѣйшимъ. Видѣ Абрадаша содѣлался благороднѣе и величественнѣе, когда онъ явился въ новыхъ доспѣхахъ.

„Не забывай, другъ мой, чѣмъ обязаны мы великодушному Киру!“ примолвила Панея. Абрадашь, возложивъ руку на главу своей супруги и возведши къ небесамъ взоры, воскликнулъ: „Да будешь угодно судьбамъ, чшобы я въ сей день явился достойнымъ супругомъ Панеи, достойнымъ другомъ великодушнаго Кира!“ Сказавъ эшо, онъ сѣлъ на колесницу. Лишь только оруженосецъ зашворилъ ее, Панея, не имѣя уже возможности лобызать своего супруга, съ рыданіемъ цѣловала колесницу. Кони двинулись съ мѣсца. Панея нѣсколько времени слѣдовала за своимъ супругомъ, кошорый, увидѣвъ, что она провожаетъ его, произнесъ горестное *прости*; и какъ избытокъ чувствованій не позволилъ ему говорить болѣе, шо подалъ знакъ рукою, чшобы Панея возвратилась.

Панея останавливается; блѣдность разливается по лицу ея, ноги трясутся и едва могутъ ее сдерживать; всѣ силы оставляютъ ее. Женщины, ей служившія, взяли ее на руки и опнесли въ шашеръ. Тогда взоры всѣхъ устремились на Абрадаша, на кошораго мало смозрѣли, когда подлѣ него стояла Панея,

хотя сей военачальникъ заслуживалъ общее вниманіе.

Киръ выигралъ сраженіе; Абрадашъ увѣнчался славою и — заплатилъ за нее жизнию. Нещасная супруга велѣла привезти его шѣло, возложила оное на колесницу, въ кошорой обыкновенно ѣздила, и привезла на берегъ Пакшолы. Киръ, узнавши о шѣль бѣдственномъ происшествіи, былъ пораженъ горестію; приказалъ изгословить богатѣйшія украшенія, чтобы облечь въ оныя шѣло незабвеннаго своего друга, и поспѣшилъ увидѣть Панею. — Она сидѣла на землѣ и держала на колѣнахъ голову своего супруга, а между шѣмъ ея внуки копали могилу на ближнемъ возвышеніи. При видѣ такой картины Киръ не могъ опъ слезъ удержаться. Панею казалась окаменѣвшею; ея взоры устремились на печальный предметъ любви ея; ничто не могло отвлечь ее опъ бездыханнаго и охладѣвшаго супруга; слѣды глубочайшей скорби впечатлѣлись на лицѣ ея; но глаза не проливали слезъ, уста не произносили нималѣйшей жалобы; мрачное отчаяніе овладѣло ею; никакое утѣшеніе человѣческое не сильно было облегчить бремени, ея подавлявшаго. — Она еще дышала, но ея сердце, смертоносною стрѣлой горести пронзенное, опреклось уже опъ жизни, одними ужасами ей грозившей.

Киръ преклонилъ колѣна и, орошая слезами лице Абрадашова, сказалъ: «И ты насъ оставила, душа доблѣшвенная и вѣрная!» Пошомъ взялъ онъ за руку умершаго — и она осталась въ рукѣ его; Египтянинъ опрубилъ ее съкирою. При видѣ сего члена, опдѣлившагося опъ шѣла, Панею запрепешала; опъ ея воплей и самъ Киръ содрогнулся. Голова ея преклонилась на шѣло

Абрадашово; не слышно было ничего, кроме ея рыданій и стоновъ.

«Государь!» наконецъ произнесла она пренецивающимъ голосомъ: «вошь до чего довела его любовь ко мнѣ и приверженность къ тебѣ! . . . И я, безумная, упростила его прѣхать въ сію страну, для него гибельную! и я воспламенила его ревностію поражать враговъ своихъ! и какъ жестоко я за то наказана! Увы! не спало уже того, кто ни опъ кого не навлекъ на себя укоризны; а я, которой совѣщны изрыли ему могилу — я, несчастная, еще живу и чувствую! . . .»

Кирь молчалъ и обливался слезами. «Панея!» сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ: «швой супругъ рано, но за то со славою кончилъ свое поприще: онъ умеръ героемъ. Прими же предлагаемое мною для украшенія его шѣла; сверхъ того ему будетъ воздвигнушь памятникъ, достойный храбраго военачальника. А ты, добродѣтельная Панея, ты не останешься безъ опоры и покровительства: въ Кирь всегда найдешь нѣжнѣйшаго и вѣрнѣйшаго друга; рѣши же сама свою участь: скажи, въ какое мѣсто желаешь быть препровожденною?» Государь! — отвѣчала она — сегодня вечеромъ узнаешь мое намѣреніе. —

Кирь удалился. Панея велѣла выдти евнухамъ, сказавъ что на свободу хочетъ пишаться своею скорбію, — оставила при себѣ только свою кормилицу, которой приказала погребсти въ одной могилѣ Абрадаша и себя, какъ скоро смерть прекратитъ ея спраданія. — Кормилица употребила всѣ возможные убѣжденія къ отклоненію ее отъ гибельнаго намѣренія прекратитъ жизнь свою; но видя, что просьбы ея не только не дѣйствовали, но приводили

въ раздраженіе вдову безупѣшную, начала плакать. — Тогда Панея обнажила кинжалъ, которымъ запаслась заблаговременно, преклонила голову къ груди своего супруга, поразила себя въ сердце и умерла, произнося имя Абрадаша, для нея любезное.

Киръ, извѣсаясь о семъ трагическомъ происшествіи, внѣ себя отъ горести, поспѣшилъ къ Панеѣ, въ надеждѣ, если возможно, подашь ей помощь. Три внуха, узнавъ, до чего довело Царицу опчаяніе, шѣмъ же кинжаломъ прекрашили жизнь свою. — Киръ, оплакавъ умершихъ, оказалъ имъ послѣднюю почестъ, соощвѣшственную своему сану и ихъ достоинствамъ, и воздвигъ великолѣпный памятникъ надъ гробницею, въ кошорую были положены супруги, примѣрные по взаимной нѣжности.

Изъ Annales de la vertu — Варвара Побѣдоносцева ().*

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Сраженіе подъ Елисаветполемъ,

Взошла кровавая заря;
Ганжа стоишь за Рускимъ станомъ;
За тяжкимъ кроюся шуманомъ
Округъ лежація поля.
Въ густыхъ рядахъ съ далекихъ горъ
Текушь Персидскія дружины;
Покрыты ими всѣ равнины;
Окинуть ихъ не можешь взоръ.

*

Аббасъ отважно мчится въ бой,
Свирѣпый, пламенный, коварный;
Царевичъ съ нимъ неблагодарный
Несеть погибель въ край родной,

(*) Чувствительна благодарю любезную молодую Переводчицу за украшеніе лиспковъ моихъ каршиною добродѣтели, украшающей поль ея, *Изд.*

За ними тысячи вождей.
 Всѣ, суешной надежды полны,
 Десятъ впередъ какъ бурны волны,
 Носимы въпрокъ средь морей.

*

Едва замѣненъ Рускихъ станъ
 Передъ толпами ихъ густыми;
 Но Вождь ихъ, но Герой ихъ съ ними,
 Не имъ страшится Персіянъ!
 Горитъ отважность въ ихъ сердцахъ;
 Въ рядахъ глубокое молчанье,
 И слышно въпра колыханье
 Въ ихъ распущенныхъ знаменахъ,

*

„Пойдемъ, ударимъ на враговъ!
 „Удержимъ ихъ набѣгъ кровавый;
 „Падемъ за родину со славой;
 „Вѣнецъ нещадный намъ гошовъ!“
 Взвилися знойные пески;
 Знамена бурно возшумѣли;
 И вошь перуны загремѣли!
 И вошь ударились полки!

*

Свистящъ булатные мечи,
 Сверкающъ острые кинжалы,
 Горящъ ужасны самопалы,
 Какъ ярки молніи въ ночи,
 Волнами сѣрный дымъ бѣжитъ,
 Поля отъ грома пушекъ стонущъ;
 Въ потокахъ крови Россы тонущъ,
 Но всѣ недвижны какъ границъ!

*

Когда свирѣпый Царь морей
 Пески глубокіе взбиваешь
 И къ небу волны воздымаешь
 Округъ смущенныхъ кораблей;
 Трепещущъ звѣзды межъ валовъ,
 Скалы какъ прости зашатались:
 Такъ Россы съ Персами смѣшались,
 И гибнушь тысячи враговъ!

*

Но самъ Паскевичъ грянулъ въ бой!
 „Впередъ, поварищи! я съ вами!“
 За нимъ всѣ двинулись рядами,
 И всякой Руской сталъ герой.
 Дружины грозныя идушь. . . .
 Уже мяшуся Персы въ страхъ;
 Уже и конь, и всадникъ въ прахъ;
 Еще мгновенье. . . и бѣгушь!

*

Какъ передъ въшромъ легкой царь
 Несется быстро чрезъ долины,
 Бѣгушь несчестныя дружины;
 Бѣжишь надменный Аллаяръ.
 Смутясь упавши на коня,
 Аббасъ, съ расперзанной душою,
 Кинжаломъ машешь, и стрѣлою
 Лешишь чрезъ влажныя поля.

*

Какъ гонишь Персовъ низкій страхъ!
 Вездѣ ихъ робкія спаницы,
 Оставя Рускія границы,
 Бѣгушь, повергнувъ мечъ свой въ прахъ.
 Ликуешь радостный Тифлисъ,
 Героя бившы прославляя;
 И первые для НИКОЛАЯ
 Вѣнки лавровые свились.

*

Настала новая весна;
 Уже безстрашно ополченье
 Несетъ въ предѣлы Персовъ мщенье.
 Спрашись, коварная страна!
 И мы-ль враговъ не побѣдимъ?
 Нѣтъ! не напрасенъ жаръ геройской!
 Чего не можетъ сдѣлать войско,
 Когда Паскевичъ передъ нимъ?

Анненковъ.

 С М Ъ С Ъ.

1.

Французскій театръ.

Наконецъ Московскій Французскій театръ
 можешь похвалишься, что онъ имѣетъ въ г-жѣ
 Данжевилъ Акшрису, кошора могла бы укра-

шасть своимъ талантомъ одну изъ первыхъ Парижскихъ сценъ. Г-жа Данжевилъ дебютировала 26 Января въ роли Горшензіи изъ комедіи: *Урокъ старикамъ*, съ большимъ успѣхомъ. Отличнѣйшая игра сей Актрисы не измѣнялась ни на одну минуту; но въ послѣднихъ двухъ актахъ она была превосходна. Когда Горшензія - Данжевилъ, возвращаясь съ бала, находишь мужа своего дома, то въ ней еще видишь только нѣкоторое безпокойство, происходящее отъ того, что она не сдержала даннаго мужу слова — не ѣздишь на балъ, а хотѣла провести вечеръ съ нимъ и съ его другомъ; но мало помалу отсутствіе перваго начинается безпокойствъ ея болѣе и болѣе; наконецъ появленіе Герцога, къ которому, какъ ей извѣстно, мужъ ревнуетъ ея, появленіе Герцога довершаетъ ея затруднительное положеніе. Герцогъ вручаетъ Горшензіи бумагу, по которой Данвилъ опредѣляется на желанное мѣсто. Надобно было видѣть, съ какимъ искусствомъ г-жа Данжевилъ умѣла въ этой сценѣ соединить чувства радости, причиненной симъ неожиданнымъ извѣстіемъ, и страха, наносимаго присутствіемъ Герцога. Подобныя тонкости игры, понимаемыя одними знаками, составляютъ истинный талантъ. Далѣе, когда Герцогъ открываешь Горшензіи въ своей любви; г-жа Данжевилъ была истинно удивительна: раскаяніе, что она своею вътрреностію довела себя до такого униженія; страхъ, чтобы мужъ, по возвращеніи своемъ, не нашелъ ее съ Герцогомъ, и проч. — всѣ эти сильныя чувства выражаетъ г-жа Данжевилъ съ необыкновеннымъ правдоподобіемъ (*vérité*). Но все это уступаетъ той сценѣ, когда Данвилъ возвращается домой и невинная, но легкомысленная Горшензія находишь принужденною спрашивать

Герцога въ кабинетъ. Г-жа Данжевилъ поняла совершенно эту сцену и отгадала мысли автора; она не толкаетъ Герцога, чтобы удалишь его, какъ прочія актрисы, игравшія сію роль; но когда она говоритъ ему въ послѣдній разъ: „удалишься;“ шо находишься въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи; и это весьма естественно: взаимности между Герцогомъ и Горшензіей нѣтъ; слѣдовательно сія послѣдняя въ эту минуту не имѣла должна бытъ занята, но своимъ ужаснымъ положеніемъ. Отвращеніе къ человеку, ее уничивившему, ондалаетъ Горшензію отъ обольстителя, хотѣвшаго содѣлать ее несчастною. Въ противномъ случаѣ Горшензія казалась бы виновною женщиною, прятавшею любовника отъ взоровъ мужа. Г-жа Данжевилъ чувствуетъ, что это не есть положеніе, въ кошоромъ находишься, хотя и вътрена, но добродѣтельная Горшензія. Въ слѣдующихъ сценахъ г-жа Данжевилъ была столько же превосходна, какъ и въ вышесказанныхъ. Смѣло можно сказать, что Московскій театръ давно не имѣлъ подобной актрисы.

Г-жа Бельманъ, занимавшая роль Горшинзіной матери, играла довольно хорошо.

Г-нъ Менье игралъ роль Данвиля, мужа Горшензіи, съ приличною важностію, а часто и съ душею. Кажется, не лзя лучше сказать сего прекраснаго стиха: *Le ridicule cesse où commence le crime*, какъ онъ его произнесъ. Сцену, когда Данвиль узнаетъ, что жена его поѣхала на балъ, г-нъ Менье сыгралъ прекрасно: онъ въ совершенствѣ изобразилъ жестокою досаду сараго мужа, стыдившагося признаться даже и самому себѣ въ своей ревности къ женѣ, слишкомъ неровной съ нимъ лъпами. Жаль, что на этотъ разъ произношеніе (*diction*) г-на

Менше не всегда было довольно вяпнымъ. Въ шѣхъ сценахъ, гдѣ страсти сильно дѣйствуютъ, мнѣ кажешся, онъ слишкомъ быстро произносилъ слова; его *манера* вообще нѣсколько отзывается *мелодраматическою игрою*. Не взирая на сіе маленькое замѣчаніе, шаланшъ г-на Менше всегда весьма пріятенъ. Многія роли онъ разыгрываетъ прекрасно.

Г-нъ Филиберъ игралъ роль Бонара, Данвилева друга, съ надлежащимъ просподушіемъ и откровенностію (*franchise*); но иногда забывалъ, что Бонаръ не есть лицо каррикатурное, и ежели онъ смѣшитъ зрителей, — это единственно по противуположности между его гошическими обычаями и свѣтскою жизнію друга его. Г-нъ Филиберъ нѣсколько разъ оставлялъ сцену, почти прыгая съ ноги на ногу: въ эшѣ минушы онъ былъ весьма далекъ отъ характера своей роли.

Г-нъ Фіоль въ роли Герцога былъ довольно сносенъ.

Г-нъ Викшоръ игралъ Валентина, стараго слугу Данвилева, очень, очень недурно.

Вообще эша піеса шла прекрасно.

К. Д — нъ.

2.

Музыкальный вечеръ у Н. В. Ушакова.

Подобные вечера составляютъ конечно пріятнѣйшій день въ жизни человѣческой, споль рѣдко *гармонирующей* съ нашими желаніями, надеждами и ожиданіями! Наслаждаешься въ одно и то же время удовольствіемъ *взоровъ* и *слуха* — не есть ли живѣйшее наслажденіе души и сердца?

Наименовавъ Героинь сего музыкальнаго вечера, дѣвицъ Ушаковыхъ, мы совершенно убъ-

димъ въ испинѣ, нами сказанной; и уже не будемъ имѣшь нужды говорить о превосходномъ паланшѣ сихъ Пѣвиць-Грацій, которыми плѣняются самыя подруги ихъ.

Сей музыкальный вечеръ, опличный и выборомъ піесъ, равно какъ и участвовавшими въ ономъ, данъ 1 го Февраля въ прекрасномъ домѣ Г-жи Киреевской за Москвой - рѣкою и происходилъ въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

Часть первая.

I. Увертюра изъ оперы: *Бѣлая женщина*; соч. Боэльдье.

II. Дуэтно изъ Россиніевой оперы: *Семирамида* (Bello imago), пѣтое К. Н. Ушаковою и Г-мъ Скаряшинымъ.

III. Нокшюрнъ Боксы, игранный на арфѣ Н. П. Девитше и на віолончель г-мъ Марку.

IV. Рондо изъ *Семирамиды* (In si barbara sciagura), пѣтое Е. Н. Ушаковою.

V. Первый финалъ изъ *Танкреда* съ хоромъ, пѣмый дѣвицами Ушаковыми, дѣвицею Фельцманъ, Г-дами Скаряшинымъ, Кубишшою и Фе.

Часть вторая.

VI. Увертюра Бетговена.

VII. Арія изъ оперы: *Элиза и Клаудіо*, соч. Меркаданте (Giusto ciel), пѣшая К. Н. Ушаковою.

Послѣ сей прекрасной аріи всѣ вышли изъ залы въ гостиную, подлѣ коздорой за рѣшеткою въ другой комнатѣ раздалась восхищительная *Серенада*, соч. Пера. Ее пѣли дѣвицы Ушаковы, Г-да Скаряшинъ и Фе.

Концертомъ дирижироваль г-нъ Бравура; первую скрипку играль г-нъ Фельцманъ.

Музыкальный вечеръ кончился блестящимъ баломъ. Гостей было очень много.

ИЗВѢСТІЯ.

Храмъ Египетскихъ таинствъ.

Если сіи таинства и не *Египетскія*; то, по крайней мѣрѣ, они — таинства науки, чрезвычайно любопытной и совершенно непоспимой для непосвященныхъ въ оную; и съ этой точки зрѣнія дѣйствительно уподобляюща *таинственнымъ пеленамъ Изиды*.

Изида, имѣющая храмъ свой . . . въ домѣ г-на Мяшлева на Тверской, невидимая для взоръ, но видящая своихъ посѣщителей, шакъ привлекательна, что не хочется разстаться съ нею. Она отвѣчаетъ на ваши вопросы — поруски, понѣмецки, пофранцузски, попольски — изъ святилища своего, величиною въ обыкновенную клѣтку; а въ доказательство, что оно не имѣетъ никакого сообщенія съ храмомъ, — жрецъ (или механикъ) держитъ святилище въ рукъ, между тѣмъ какъ вы разговариваете съ богиней, которая, посредствомъ трубъ, находящихся съ четырехъ сторонъ, даетъ вамъ чувствовать свое дыханіе, задуваетъ поднесенную къ *вѣщательнымъ* трубамъ свѣчу, и плѣняетъ васъ опмѣнно пріятнымъ голосомъ юной женщины.

„Который *вамъ* годъ?“ спросилъ я попольски. Шестнадцатый — попольски же отвѣчала богиня. „Какое растъ *вашъ*?“ — Соотвѣтственный лѣтамъ. — „Такъ ли хорошо у васъ лицо, какъ голосъ?“ — Я очень дурна. —

Но когда она *поетъ*, то можно влюбиться въ незримую богиню: иными шонами она приводитъ въ восхищеніе! По крайней мѣрѣ *такъ* дѣйствовала на меня Тверская *Изида*. К. Ш.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Въ собраніи Королевской Музыкальной Академіи головной уборъ одной молодой дамы былъ замѣчательнъ чрезвычайно оригинальною: два небольшихъ пука перьевъ, наколанныхъ на самомъ верху головы и раздѣленныхъ буклями (*coques des cheveux*), напоминали убранство дикихъ. Нѣсколько жемчужныхъ ниспокъ, извиающихся на лбу, и чрезвычайной ширины серги вполне соотвѣтствовали мысли о семь головномъ уборѣ. Платье было изъ вишневаго бархата; боа — изъ блага марабу.

Двѣ Рускія дамы опличались великолѣпіемъ своихъ брилліантовъ, которыми были увѣнчаны чела ихъ и которые выходили букешами и эгрешами между буклями (*coques des cheveux*). Одна изъ сихъ дамъ имѣла на головѣ брилліантовый полумѣсяцъ; надъ нимъ возвышалась звѣздочка, поддерживаемая непримѣтною проволочкою и казавшаяся совсѣмъ на воздухѣ.

На нѣкоторыхъ дамахъ были шюрбаны à la moabite, или береты безъ украшеній.

Вообще много было беретовъ или шюрбановъ, бархатныхъ или атласныхъ, рисованныхъ золотомъ, серебромъ и красками наподобіе каменьевъ. Сія матерія опіѣнно красива.

— Поля маленькихъ шляпокъ, которыя можно почесть беретами, очень много приподнимаются на лбу; одно только перо прикалывается на боку сихъ шляпокъ, подобно какъ на шляпкахъ à la Henri IV.

— Простоволосыя уборы украшаются вообще одними только цвѣтами и жемчугомъ.

— Много бархатныхъ и атласныхъ платьевъ.

— Господствующій цвѣтъ — вишневый и голубой.

Изъясненіе картинки при семь No.

Шляпка креповая. Платье бархатное; рукава блондовые. Боа соболье.

О Ш И Б К А .

Въ предыдущемъ No на стран. 98, въ строкѣ 24, напечатано: слога; должно: слова.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, по оппечатаваніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, февраля 11го дня, 1830 г.

Ценсоръ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П р о з а .

Актриса Ашебрантъ и Князь Б. . . скій.

Изъ числа Рускихъ воиновъ, споявшихъ на каншониръ - кварширахъ въ городъ Гамбургъ 1814 года, Князь Б. . . скій былъ Адъютантомъ при Генералъ — *р. еѣ.* Всѣ наши герои, обрадованные тогда миромъ, роскошно ошдыхали ошъ понесенныхъ ими трудовъ на славной войнѣ и предавались всѣмъ удовольствіямъ шишины, уже ничѣмъ ненарушаемой.

Довольно обширный, вольный и шорговый Гамбургъ, кромъ множества природныхъ жишелей, заключаль въ себѣ тогда много иностранцевъ, большею частію купцевъ.

Краса Гамбурга — очаровашельныя мѣша для публичныхъ прогулокъ каждый вечеръ наполнялись народами всѣхъ странъ, всѣхъ націй,

а небольшой шамошній шеатръ своею прекрасною прупною короноваль, казалось мнѣ, всѣ другія удовольствія. Изъ шогдашнихъ акшрись дѣвица Ашебраншъ обратила на себя *особенно* всеобщее вниманіе. Эша арписшка, будучи умною и прекрасною, опличчалась пришомъ необыкновенною ловкостію, и съ сими совершеншвами обворожала всѣхъ своею игрою. Старики и пожилые хвалили дѣвицу Ашебраншъ; они были чшиселами ея дарованій; но молодые весельчаки, при одной встрѣчѣ съ арписшкою-красавицей, уже были ея поклонниками, и многіе изъ нихъ, если вѣршшь молвъ, заплашили ей дань *умомъ*! „Она мила! *ахъ!* *какъ она мила!*“ повторяли объ ней почти единогласно: „и какъ пошъ щаспливъ, кто *подаренъ* ея взоромъ!“ Такъ думаль и говориль, повшоримъ и мы, каждый изъ юныхъ обшпашелей, гостей и хозяевъ Гамбурга, и вошъ причина, ошъ чего не было шого общешва, въ которое не приглашали бы сію акшрису. . . . Впрочемъ были какіешо слухи на счешъ ея образа жизни, на счешъ *собственнаго ея поведенія*; но гдѣ нѣшъ завшши, гдѣ нѣшъ языка злаго? И шакъ, не смощря ни на чшо, Ашебраншъ вездѣ была *дорогою гостьею*; съ ней шолько вмѣшпъ прилепали удовольствія и радость! Слѣдовашельно, здѣсь должно заключишъ шѣмъ, чшо красавица *точно* была душою общешствъ и чшо всякой желаль хошя подышашъ шѣмъ воздухомъ, кошорымъ дышала прекрасная!

Рускіе вездѣ принимающся ласково; но пользуясь опличнымъ привѣшпшіемъ Гамбургцевъ, не рѣдко и сами на своихъ балахъ угощали радушныхъ хозяевъ.

Въ одномъ изъ шаковыхъ собраній Князь Б. . . скій увидѣлъ красавицу Ашебраншъ, покорился ей и положилъ за непремѣнное, во что бы шо ни спало, заслужить ея вниманіе. Другія собранія, танцовальныя клубы и дружескія бесѣды подавали къ тому способъ и успѣхъ. Но свойственная Рускимъ скромность и осомошрительность долго еще ничего не говорили въ пользу любви Б. . . скаго: онъ любилъ Ашебраншъ, но оспанавливался на мысли, что Ашебраншъ только — акшриса: „Въ опечесствѣ, шамъ за *горамы*, за *долами*“ — шакъ иногда думалъ онъ — „что скажущь о Князь Б. . . скомъ!“ Будущіе голоса его бабушекъ и шепушекъ всегда предрекали ему нѣчто ужасное! Впрочемъ, гдѣ побѣдители сердца, гдѣ власшители любви? а шакимъ образомъ и герой Руской, непобѣдимый въ полѣ, здѣсь какъ плѣнникъ красавицы, у ногъ ея опкрылъ спрасшь свою и узналъ, что онъ любимъ. „Не первый!“ шакъ замѣчали многіе. Но какой ценсоръ нуженъ спрасшно влюбленному? Кромъ милой Ашебраншъ, молодой воинъ забывалъ все, ничего не слушалъ, ничему не вѣрилъ. *Она и она* шолько была для него однимъ всесовершеннѣйшимъ предметомъ!

Князь Б. . . скій любилъ еще въ *первый разъ*, и вошь причина, опъ чего его любовь была шоль пламенна, шакъ поспоянна. Онъ въ *первый разъ* еще слышалъ люблю изъ устъ прекрасной и — его шасшіе не имѣло шо-гда іредѣловъ! — Впрочемъ молва *публичная* на счешъ влюбленныхъ не умолкала, зависть шипѣла и непредвидѣнный ударъ, посреди несравненныхъ минушь жизни, гошовъ былъ пора-зить шасшливца!

Нѣкто Руль, сынъ богатаго Гамбургскаго гостя и другъ истинный Князя Б. . . скаго, молодой человекъ очень добраго и веселаго свойства, въ свою очередь назначаетъ и даетъ балъ для Рускихъ. Но первую и лучшею *гостью* эшаго бала, какъ и вездѣ въ Гамбургѣ, была красавица Ашебрантъ. Веселье зашумѣло во всей силѣ и — Рускіе вальсы не имѣли въ быспрошѣ своей ничего подобнаго. . . Всюду опзывался громкій голосъ необыкновеннаго удовольствія, какъ вдругъ радостный Руль, хозяинъ праздника, самъ помрачаетъ всю веселость своего друга, Князя Б. . . скаго: опзываетъ его къ споронѣ и объясняетъ съ опкровенностію, что главною причиною всѣхъ его радостей — несравненная Ашебрантъ, что она давно уже подала ему надежду къ щастію и что онъ дѣйствія своего праздника обращаетъ въ свою *завидную* пользу. Князь, изумленный неожиданнымъ опкрытіемъ, едва не лишился чувствъ и не зналъ, что долженъ былъ опвѣчать Рулю. Но — Руль прерываетъ молчаніе изумленнаго. «Ты удивляешься, мой милый другъ!» говоритъ онъ Князю: «а я зналъ уже, что швоя любовь къ кокешкѣ не могла быть вѣчною. Ты давно понялъ, что акшриса Ашебрантъ должна быть только акшрисою. Сонъ швоихъ шоржешпованій миновалъ; шеперь я болѣе шебя имѣю правъ на красавицу; шеперь я люблю ее и увѣренъ, что ты ею пожертвуешь мнѣ какъ другу. Признаюсь, что я даже предугадывалъ швое согласіе и — вопшъ мое письмо къ прелестницѣ; не огорчайся, если я всѣми средшвами споспѣшествую моимъ побѣдамъ надъ кокешкою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эшаго письма успыжалъ ее швою невѣрностію. . . .» Здѣсь Князь Б. . . скій не

могъ долѣе сохранишь приняшаго имъ равнодушнаго положенія ; онъ , будучи ошъ природы горячъ и вспыльчивъ , какъ бѣшенный бросился на Руля , вырвалъ письмо и задыхаясь ошъ гнѣва , началъ чишать ; но пробѣжавъ нѣсколько строкъ весьма скоро , вскричалъ : „подлецъ ! ты уопребилъ во зло мою довѣренность , и мы разшанемся ужаснымъ образомъ : одинъ изъ насъ долженъ бышь мершвымъ . Завтра въ 7 часовъ ушра я ожидаю шебя !“ Съ симъ вмѣстѣ ударъ въ щеку поразилъ нескромнаго Руля . Все собраніе было удивлено сею неожиданносшію ; всѣ желали знашь причину дерзости Князевои и — Руть долженъ былъ объяснишься , что шупка на счешъ акшрисы разспроила его неразрывную дружбу съ Княземъ и что безразсудный другъ его обязался кончить начашую ссору дуэлемъ .

Молва о семъ приключеніи была различна . Одни осуждали Князя , другіе находили много неприличій въ шупкахъ Рулевыхъ , а нѣкошорые обвиняли красавицу . Но Руть и самъ признавая себя нѣсколько виновнымъ предъ другомъ , совѣшвался о шомъ съ пріятелями и — рѣшилсѣ ѣхашъ къ Князю для мирныхъ объясненій .

Исполненіе послѣдовало за намѣреніемъ ; однакожь раздраженный Б. . . скій не захошълъ ни видѣшь , ни слушашь своего соперника — дуэль ошталась рѣшишельною .

Наконецъ непримиримые соперники являющсѣ въ назначенномъ мѣстѣ . Руть ошашъ принялсѣ за оправданіе ; но упомянулъ имя Ашебраншъ , и неумолимый Б. . . скій , не слушаъ ничего по прежнему , съ опчаяніемъ прицѣлилъ пистошешъ . Пули засвисшали вдругъ обѣ и заблужденный спрасшью плавалъ въ своей крови . Здѣсь Руть по-

забываетъ все; онъ слышитъ только шонъ умирающаго друга, употребляетъ все способы на помощь ему. Б. . . скій приходишь въ себя и слабымъ голосомъ произносишь: „Оставь Ашебраншъ; не люби ее и успокой шѣмъ умирающаго!“ Небомъ клянусь! — воскликнулъ Руль — я не любилъ ее и не буду видѣть ее вѣчно! — Князь пожалъ его руку и — казалось — спокойно закрылъ глаза . . . онъ умеръ!

На другой, на прешій день и послѣ шого весьма не рѣдко, во все продолженіе времени пребыванія моего въ Гамбургъ я видѣлъ и видалъ Ашебраншъ на сценѣ театра. Съ жестокимъ равнодушіемъ она чинывала свои роли. Жизнь Князя, принесенная въ жертву кокеткѣ, для нея была ничто. Ни одно воспоминаніе о томъ не омрачало ея неизмѣнной радости. Ужасная женщина! — За шо Руль исчезъ для свѣта; я самъ два или три раза видѣлъ его на могилѣ друга, имъ убишаго — онъ спрдалъ.

Сибиряковъ (*).

Гамбургъ. 1814го года.

Дунстанскій замокъ.

(Изъ Шотландскихъ летописей.)

На вершинѣ дикихъ скалъ послѣдніе лучи солнца позлащали кашпановый лѣсъ и медленно скользили по высокимъ пнямъ сосенъ. Вечерній

(*) И. С. Сибиряковъ, актеръ Императорскаго С.-Петербургскаго Театра, былъ свидѣтелемъ описаннаго имъ происшествія: это самый шотъ природный Рускій стихотворецъ, о которомъ нѣкогда писалъ я и П. П. Свиньинъ, почтенный Издатель Отечественныхъ Записокъ. М.

сумракъ покрываль долины ; движеніе и голоса умолкли въ селеніяхъ.

Холодный и сырой въперъ волноваль поверхность водъ и гнуль верхи дубовъ.

Вскорѣ, по шу спорону озера, поднялся туманъ и , подобно креповому покрову , быспро расширяясь , окружилъ гору,

Внизу оной, на шѣсной площадкѣ, покрышой журавлиными ягодами (*), видите ли вы это древнее жилище, коего зубчашья башни, подобно баснословнымъ гиганщамъ, воздымають верхи свои ?

Еще недавно здѣсь все дышало и щасіемъ, и радостію, и рѣдко проходилъ день, шобы эхо не повпоряло звука оружія, ржанія лошадей и лая гончихъ собакъ.

Теперь же безмолвіе и шишина поселились въ эпомъ древнемъ замкѣ. Только одинъ Баронъ Дунстанъ, спарикъ жестокаго нрава, нечувшвишельнаго сердца и разспроеннаго здоровья, обишаетъ въ эпомъ уединеніи. Лео, сынъ его, жадный къ славъ, послѣдовалъ за Ришардомъ въ Палестину ; а Оливія, супруга спараго Барона, призываемая къ смершному одру умирающей мащери, отправилась къ ней съ многочисленною свишой.

Пробило десяшь часовъ ; въ кругу нѣсколькихъ вассаловъ Баронъ окончилъ свой ужинъ, и когда все было убрано, онъ медленно приближился къ огоньку, горѣвшему въ каминъ ; ибо было холодно и сильный въперъ пошрясалъ древнія оконницы.

(*) Вруере, егіса, журавлиныя ягоды.

Печально сидя въ большихъ креслахъ подъ балдахиномъ, оплечающимъ главу семейства, онъ мысленно переносился къ замѣчательнымъ лѣтамъ своей продолжительной жизни. . . и вспомнилъ, что завтра наступитъ семидесятый годъ его существованія и что, въ сію эпоху, нѣкогда окруженный своимъ семействомъ и множествомъ сосѣдняго дворянства, онъ завтра, въ первый разъ будешь лишень удовольствія видѣть, что въ замѣчательный пиршество здравный кубокъ пѣнисаго меда не спанешь переходить изъ рукъ въ руки.

Вдругъ съ верху башни раздался рогъ карлы и услышанныя совы криками ошвѣчали сему неожиданному звуку. „Что это такое, Пажъ?“ — Государь и господинъ! это посланіе ошъ вашего вѣрнаго конюшаго Роберта. — „Выдь!“

Лице Барона не выражало нималѣйшей перемѣны; казалось даже, что онъ читалъ посланіе равнодушно, и хотя оно, по видимому, поразило его болѣе, нежели бы то былъ ударъ сабли, но долговременный опытъ научилъ его управлять душевными движеніями.

Часы скоро лепли и пламя уже погасало въ каминѣ; спановилось шемно, но Баронъ, съ усшремленными на каминъ взорами, оспавался неподвижнымъ въ креслахъ, подобно лицамъ шѣхъ людей, коихъ поршрешы висѣли по стѣнамъ. Онъ думалъ о мщеніи за нанесенное ему безчестіе. . .

Вскорѣ раздаешся звукъ цѣпей; подъемный мостъ со скрипомъ опускаешся и полпа всадниковъ вѣзжаешъ на дворъ замка. Это Оливія, возвращившаяся съ своею многочисленною свитою.

Дунспанъ холодно ее встрѣчаетъ, ибо между имъ и ею — гибельное посланіе.

Оспавшись одинъ съ конюшимъ, онъ вскричалъ въ неперервнн своемъ: „Правда ли, Робертъ? . . .“ — Такъ, Баронъ; около пяти дней тому назадъ, какъ воинъ въ черномъ вооруженіи, безъ всякаго девиза, съ опущеннымъ налнчникомъ, присоединяется къ свнщъ знаменишой госпожи моей и съ эшой минушы онъ спалъ предметомъ самой явной ея благосклонности. Въ двадцати миляхъ опсюда, въ замкъ Графа Ольбриджа, гдѣ мы вечеромъ оспановились, даже часъ ночи онъ провелъ въ ея комнаш. — „Безумецъ! . . . но гдѣ онъ?“ — Здѣсь. — „Въ моемъ замкъ!“ — Въ башнѣ, надъ комнашами Баронессы. — „Даже здѣсь! Въ моемъ замкъ! Онъ болѣе не выдепъ изъ него!“

Упомленная продолжншельною и шрудною дорогою, Оливія пошла въ свои комнашы, и когда служанки ее раздѣвали, она говорила имъ о будущихъ празднествахъ по случаю возвращенія Лео и о прншномъ удивленіи, ожидающемъ ея супруга по его пробужденіи.

Внезапно, подъ ея окномъ послышался необыкновенный шумъ. Баронъ входитъ къ ней — адская улыбка на устахъ его. Съ судорожнымъ движеніемъ онъ схватываетъ ея за руку, влечетъ, и пришащивъ на балконъ, при блескъ принесенныхъ факеловъ, показываешъ пальцемъ на окровавленный шрупъ. . . чей? Лео, такъ, Лео, ея сына!

Съ Франц. Н. . . . рѣ В. . . . вѣ.

Застрахованіе женской красоты.

Совсѣмъ новаго рода страховое общество учредилось недавно въ Санша-Фе. Дѣло идетъ не о застрахованіи кораблей противъ бурь, — домовъ противъ пожара, — жизни чѣловѣческой противъ смерти — нѣтъ! Новое страховое общество обезпечиваетъ *женскую красоту противъ времени*. Каждая дама, желающая застраховать красоту свою, должна быть въ цѣлующихъ лѣтахъ; сама назначаетъ цѣну своимъ прелестямъ, и по сей оцѣнкѣ вноситъ определенную сумму. Не трудно угадать, что самолюбіе и суешность оцѣнщицъ чрезвычайно какъ увеличиваютъ капиталъ Общества. Оно беретъ въ застрахованіе красоту отъ 15 до 30 лѣтъ. Если въ продолженіе сего времени по какому-либо случаю она повредится, Общество выдаетъ надлежащее вознагражденіе. Вкладъ 200 фунш. ст. приносишь черезъ 15 лѣтъ 3,000 фунш. ст. и такимъ образомъ потеря шѣлесной красоты замѣняешь — мешаллическою.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Пѣсня Рускаго воина.

Славно Рускому солдату
Съ командиромъ молодцомъ;
Онъ докажетъ сопостату
Дружбу пикой и штыкомъ.

Въ гости, не спросивши броду,
Къ намъ заѣхалъ Кизиль - Башь.
Онъ бѣжалъ — не на свободу;
Нѣтъ, постой-ка, братъ Кардашь!

Къ Нахчивану мы шагнули ;
 Врагъ на выручку поспѣлъ.
 Только такъ его пугнули ,
 Чшо онъ къ чоршу полешѣлъ.

Онъ опять развоевался ;
 Мы пошли его унять !
 Лишь Паскевичъ показался ,
 Персъ по старому бѣжашъ !

Не успѣлъ онъ оглянуться ,
 Ужь пропалъ Сардаръ - Абадь !
 Онъ не зналъ , куда мешнуться :
 Эриванъ съ Таврисомъ взяшъ.

Нашей дружбы не забудешъ
 Безпокойный бусурманъ ;
 Чохъ - Яхши , онъ думалъ , будетъ !
 Жаль , что вышло Чохъ - Яманъ.

Всѣ довольны въ Рускомъ шанѣ.
 Нашъ опважный Командиръ
 Заключаетъ въ Дей - Карганъ
 Для Россіи славный миръ.

Славно Рускому солдату
 Съ Командиромъ молодцомъ ;
 Доказалъ онъ сопосташу
 Дружбу пикой и шшыкомъ.

Аннскковъ.

С М Ъ С Ъ

1.

Рускій театръ.

7го Февраля на Большомъ Театрѣ представлена, по *возобновленіи* въ *первый* разъ, Вольшера трагедія *Магометъ*, переведенная съ Французскаго Графомъ П. С. Пошемкинымъ. — Подлинно не все же водевили , да водевили ; и пошому

мы съ радостію пустились привѣспивовать стараго классическаго знакомца, которъй съ непамятныхъ временъ уже не посѣщаль нашей съ нѣкотораго времени ульпра-романшической сцены! — Магомеша играль г-нъ Орловъ, нашъ сценическій *Пожарскій* и такой же *Илья Муромецъ*. Были стихи, которые онъ произносиль сносно, всегда сильно, но довольно, какъ и всѣ другіе актеры, расшянушо и единообразно, по естѣ безъ перемѣнъ въ голось, по методѣ *топорной рубки* — а вмѣсто мимики — морщилсъ! Но Магомешъ пророкъ — политическій обманщикъ, долженъ дѣйствовать съ важностію; и если онъ былъ *злымъ челоѣкомъ*; по какъ свяшоша, какъ *плуть*, желающій привлечь къ себѣ всѣхъ и каждаго, все шаки никакъ не могъ — *морщиться*: наружность Магомеша сокрыша въ хипрой душѣ его. — Омаръ, другой свяшоша (Козловскій), Зопиръ, Шерифъ Мекки (Волковъ), *прочли* свои роли — и шолько. За по ужъ Фаноръ (*Усачевъ*), своимъ шаланпомъ превзошелъ и сихъ послѣднихъ! . . . Но обратимся къ Сеиду и Пальмирь. Роль послѣдней играла, еще юная на прагической сценѣ акшрися, г-жа Попанчикова, и довольно бы щасливо, еслибъ не измѣнилъ ей голось, и если бы опъ сего и всѣ стихи ея не преврапились въ *пѣсни*. Впрочемъ были пирады, которыя г-жа Попанчикова, при хорошей своей игрѣ, произносила какъ не лѣзя лучше. Напримѣръ въ первой сценѣ втораго дѣйствія стихъ:

„Ошдай мнѣ благо то, съ котормъ раздѣляешь! . . .“
 былъ выраженъ прекрасно.

Или:

„Когда-жь мнѣ не было надежды никакой,
 Я смерши ожидавъ, вдругъ вспрѣшила Сеида!“

Или :

„Нась любить Магомешъ ! Онъ цѣпи сокрушить ,
Спасешъ всѣхъ подданныхъ , душой ему подвластныхъ .
Но онъ отъ насъ далекъ ; а мы уже въ цѣпяхъ . . .“

За то уже въ IV актѣ Пальмира - Пошан-
чикова ослабѣла и спихи 3го явленія :

„Сспрашисъ изслѣдовать , спрашисъ сего порока ;
Во глубинѣ сердце читаешъ Магомешъ ,“ и проч.

едва могла произнеспи. Наша юная жрица
Мельпомены, по непривычной еще къ сильнымъ
движеніямъ и уже вѣрояшно упомленной груди
своей, измѣнялась болѣе и болѣе. — Осшаешся
говорить о Сеидѣ (Виноградскомъ). Скажемъ
прямо: Виноградскій не *Сеидъ*. Въ наружно-
сти сего акшера нѣтъ ничего прагического :
онъ малъ роспомъ, не всегда швердъ въ голосъ,
слабъ въ дѣйствіяхъ прагика и сверхъ шого,
имѣя препензію на *мимику*, *морщится* пуще
Орлова. Но не должно умолчашъ, что и Вино-
градскій *читавши* свои спихи, нѣкоторыя вы-
ражалъ изрядно. Напримѣръ :

„Онъ правды Богъ : Его Пальмира обожаешъ ! —
Но смутный разумъ мой шого не постигаешъ ,
Какъ сей отецъ людей , сей милосивый Богъ ,
Убийства претовашъ ужаснѣйшаго могъ ?“ и проч.

Наконецъ оправдаемъ недоспапки нашихъ пра-
гическихъ аршисповъ: привычка къ Водевилямъ,
къ Фоа и шакъ называемымъ Иншпермедіямъ со-
вершенно содѣлала для нихъ *высокую драму*
чуждою ; она имъ незнакомка , и пошому все
шо , что мы видѣли въ Магомешъ , для праги-
ческаго младенческава ихъ было довольно из-
рядно. Косшюмы Сеида и многихъ другихъ бы-
ли неопрятны. Симъ заключивъ мнѣніе наше
о трагедіи, скажемъ что-нибудь объ *Отчаяніи*

Лазовъ, или *Торжествъ Героевъ Эриванскихъ*, исторической картинъ изъ современныхъ со- бышій, сославленной г-мъ Шепелевымъ и по- слѣдовавшей за представлениемъ *Магомета* (во второй шолько разъ). Хоры, шанцы, сраженія, штурмъ *деревни*, скачки на лошадахъ, ужасная пальба, дымомъ кошорой помрачилась вся сцена, и проч., и проч. — все это было картиною необыкновенною, украшенною прелестными шанцами Лобанова и его подругъ, Карасевой и Пановой. Нѣсколько было спранно слышать, что *Гассанъ*, старшина *Лазовъ*, въ дикихъ горахъ своихъ распѣвалъ свой торжественный гимнь на голосъ: *Ты возвратился, Благодатный!*

К. др — скій.

8 Февр. 1830 года.

2.

Еще нѣсколько словъ о г-жѣ Данжевилъ.

Мы съ большимъ удовольствиемъ говорили въ предыдущемъ Но о дебюшѣ г-жи Данжевилъ въ роли Горшензіи изъ комедіи: *Урокъ старикамъ*; но съ нашей спороны было бы несправедливо, еслибъ мы пропустили замѣшить, сколь сія прекрасная актриса была мила и въ слѣдовавшемъ за вышеупомянутой піесой водевилъ. Не взирая на шо, что инприга онаго довольно холодна и роль *Занеты* очень незначительна, г-жа Данжевилъ умѣла украсишь и сію роль. Въ сей художницѣ никогда не видишь *актрису*, а всегда шо самое лицо, кошорое она представляешъ. Г-жа Данжевилъ совершенно постигла шайну скрываашъ искусство непринужденною игрою. Не- надобно однакомъ думашъ, чшобы эша шоль

желательная непринужденность была только одною *щастливою способностію*, полученною отъ природы: она есть плодъ постояннаго и обдуманнаго изученія шеатра. Очень видно, что г-жа Данжевилъ отлично знаетъ сцену. Часто ошибающся, приписывая *натуральную* игру актерамъ, неимѣющимъ нимальшаго понятія о своемъ искусствѣ, *читающимъ роль свою какъ газеты*, и которые перестаютъ не только дѣйствовать, но даже и чувствовать, какъ скоро замолчатъ, не обращая никакого вниманія на актера, говорившаго съ ними. Подобная непринужденность, по крайней мѣрѣ, столько же предосудительна, какъ и *принужденная* игра. Не странно ли говорить на сценѣ, гдѣ все условное, такъ точно, какъ говорятъ въ комнатѣ? — Г-жа Данжевилъ столько же превосходна въ пѣніи, какъ и въ игрѣ; всего удивительнѣе въ ней то, что она съ равнымъ успѣхомъ играетъ въ полухарактерныхъ пьесахъ, какъ и въ водевиляхъ самыхъ забавныхъ. Преисполнивъ душу зрителей ужасомъ въ роли Изоры (опера: *Синя борода*), она восхищаетъ ихъ въ видѣ скромной и застенчивой поселянки! Такое разнообразіе таланта, безъ сомнѣнія, спавитъ имя г-жи Данжевилъ между именами отличнѣйшихъ артистовъ. — Увѣряютъ, что администрація Французскаго шеатра рѣшилась наконецъ принять г-жу Данжевилъ въ свою шруппу. *Давно бы пора!* скажутъ знакомы и любители шеатра; а я прибавлю: *Il vaut mieux tard que jamais.*

К. Д — нѣ.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Бальные туалеты вообще просты. Въ большомъ употребленіи креповыя платья разныхъ цвѣтовъ, съ одною только узенькою выпушкою (liserés) надъ рубцомъ (ourlet): голубыя, розовыя, вишневыя, зеленыя (vert de lumière); сіи послѣднія опѣмѣнно хороши, если корсажъ обшить блондами. Бусы или цвѣпы довершаютъ сей нарядъ, который по прелестной простотѣ своей принадлежитъ болѣе моднымъ дамамъ.

— Мѣха нынѣ въ такой модѣ и такъ необходимы, что они содѣлались убранствомъ рендегошовъ и плащей. Боа на всѣхъ шеяхъ; муфты во всѣхъ рукахъ.

— Хотя клабучки (chapeçons) изъ перьевъ и цвѣтовъ составляютъ одно изъ самыхъ модныхъ головныхъ украшеній, но косы, плѣтно сплешенныя и сквозныя (à jour), все еще употребительны вообще.

— Между головными уборами, наиболѣе замѣченными въ недавно бывшихъ собраніяхъ, одинъ состоялъ изъ трехъ аграфовъ; каждый образовался одною маленькою розою, двумя марабу и тремя серебряными колосами. Одинъ изъ сихъ аграфовъ былъ на боку въ одномъ изъ пучковъ волосъ; другіе два, между буклями (coques des cheveux), составляли верхъ прически. Другая прическа была убрана свѣтло-голубымъ газомъ и тремя бѣлыми перьями. Клабучокъ (chapeçon) изъ вишневыхъ перьевъ, съ алмазнымъ эгрешомъ, составлялъ шрешью. Наконецъ, четвертая состояла изъ одной только сквозной плешенки (natte à jour), образующей клабучокъ, съ плющемъ и розою посрединѣ.

Изъясненіе картинки при семь №.

Прическа à la Dona Maria. Платье газовое (de saint Vallier). Поясъ изъ галуна.

О Ш И Б К А .

Въ предыдущемъ №, на стран. 123, въ строкѣ 8, должно читать: не находишь, вм. находишь.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, по оппечатаваніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Февраля 18 го дня, 1850 г.

Ценсоръ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П Р О З А.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ РУСКИХЪ
ЖЕНЩИНЪ - АВТОРОВЪ.

(Продолженіе.)

8.

Марія Васильевна Сушкова.

(Привавленіе къ 7й статьѣ (*)).

Марія Васильевна, по родителю своему была Храповицкая; и мы объ ней уже говорили (**)
какъ о сотрудницѣ своего брата, ученаго лю-
бителя наукъ, Александра Васильевича Храпо-
вицкаго, какъ о писательницѣ-дѣвицѣ, не всегда
рѣшительной, болѣе осторожной, нежели смѣлой
въ предпріятіяхъ лишшерапурныхъ. Теперь уви-

(*) См. № 7, стран. 97 сего Журнала.

(**) Д. Ж. № 7, стат. 7, стран. 97: Храповицкая.

димъ, какъ она же, руководимая примѣромъ Великой Екашерины, Переводчицы Велисарія, перевела и напечатала въ 1778 году славный Мармонтелевъ романъ: *Инки, или разрушеніе Перуанской Имперіи*. Этошъ романъ (*), послѣ Велисарія, признанъ и по содержанію, и по переводу однимъ изъ лучшихъ. Не было ни одной библіотеки (хотя ихъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Пешербургѣ находилось весьма немного), которой бы *Инки* не служили украшеніемъ. По 1820 й годъ сей книги напечатано четыре изданія, но ешъ въ продолженіе съ небольшимъ сорока лѣтъ ее вышло около 5000 экземпляровъ, изъ копорыхъ (по шому же расчешу) въ каждое десятилѣтіе распролавывалось слишкомъ по *тысячѣ* (или положительно на годъ по 100 экзempl.). Такая книжная продажа, хотя бы и не у насъ, въ шогдашнее время ешъ рѣдкость! *Инки* спояли подлѣ Велисарія, и родили, пріучая къ чшенію дѣшей, за долгъ пославляли знакомишь ихъ съ Телемакомъ, Велисаріемъ и съ Инками. Въ 1783 году Марья Васильевна, также по примѣру другихъ спаршихъ Писательницъ, обратила все свое вниманіе на театръ и перевела съ Французскаго драму: *Эрисія, или Весталка*, въ шрехъ дѣйствіяхъ, копорую и напечатала въ Московской Университетской Типографіи, а 1784 года издала и другой театральной переводъ, напечатавши его въ шой же Университетской Типографіи. Это была также драма, взяшая ея изъ сочиненій *Мерсье*, знакомая намъ и теперь подъ именемъ *Бѣглеца* (въ 5 дѣйствіяхъ).

(*) Напечатанный въ 2 помахъ въ Московской Университетской Типографіи.

Лѣтъ черезъ десять послѣ того извѣстный переводчикъ *хозяйственныхъ* и *театральныхъ* сочиненій, *Василій Левшинъ*, живучи въ Калугѣ, принялся переводить и печатать *Бѣглеца* изъ сочиненій *Седана*, самъ хвалилъ свой переводъ и доказывалъ — такъ насъ увѣряють современники — что *Сушковой* переводъ есть не иное что, какъ только одна поправка стараго *Дезертира*, переложеннаго съ Французскаго на Россійскій языкъ домашнимъ переводчикомъ Графа П. Б. Шеремешева, нѣкимъ *Василіемъ Вороблевскимъ*. Все эшо могло бытъ, еслибъ только *Василій Левшинъ* не позабылъ, что *Василій Вороблевскій* переводилъ своего *Бѣглеца*, также какъ и онъ *Левшинъ*, изъ *Седана*, а не изъ *Мерсье*, и еслибъ переводъ Марьи Васильевны не былъ лучшимъ ихъ обокъ переводовъ!

9.

Княгиня Катерина Алексѣевна Меншикова.

Урожденная Княжна Долгорукая, супруга Свѣшлѣйшаго Князя Петра Александровича Меншикова. Воспитанная во всемъ блескѣ вельможеской дочери, она не только ознакомила себя съ лучшими иностранными писателями своего времени; но получила припомъ и весьма доспашочное понятіе о правилахъ языка отечественнаго — другая рѣдкость и въ наше время! Словомъ: всѣ свободные часы ошъ заботъ семейныхъ и ошъ обязанностей дворскихъ, или свѣшскихъ, Княгиня Катерина Алексѣевна посвящала единственно своему образованію въ отечественной словесности. Она понимала, что не только духъ времени, но и самое воспитаніе, заражаемое какимъ - шо особеннымъ чужеземно - Ру-

скимъ невѣжествомъ, претребовали познаній ошечественныхъ. . . Тогдашніе иносранцы, болѣе Французы, являлись уже, какъ и въ послѣдствіи, съ ошличіемъ шолько выговора на своемъ природномъ языкѣ, но были безиравспвенны, невѣжды! Наши Рускіе учители показывали себя единспвенно школярами, педаншами и совершенными неучами въ ошношеніи къ свѣпскимъ приличіямъ, а пошому и дѣло, и долгъ матери здѣсь были болѣе необходимыми, нежели когда и гдѣ нибудь. Такимъ образомъ Княгиня Меншикова, посшавляя себя образцемъ шолько своему семейспву, иногда во время классовъ съ своими дѣшми, предосшавляла свободу, подѣ своимъ надзоромъ, дѣйспвовашъ учителямъ; но чшобъ не бышь и самой въ праздности, шущъ же занималась переводами съ Французскаго языка и передавала ихъ нашей читающей публикѣ. Изъ сихъ переводовъ извѣспны: комедія *Развратное семейство*, въ одномъ дѣйспвіи, напечатанная въ Моск. Университетской Типографіи 1778 года; драма *Олиндъ и Софронія* (эпизодъ изъ Тассова Освобожденнаго Іерусалима), напечатанная въ С.-Петербургѣ 1780 года. Объ сіи піесы были читаны Фон-Визину, Веревкину и другимъ шогдашнимъ драматическимъ писателямъ, бывшимъ въ королкомъ знакомствѣ съ домомъ Князей Меншиковыхъ, и по ихъ шолько совѣшу преданы шисненію. — Послѣдній переводъ Княгини была Восшочная повѣспь *Нуріадъ*, нравоучительное сочиненіе, напечатанное шакже въ С.-Петербургѣ 1780 года. Кромѣ сихъ были еще и другіе переводы; но они намъ неизвѣспны.

Катерина Ивановна Воейкова ().*

Въ 1781 году перевела съ Французскаго и напечатала въ Московской Университетской Типографіи нравоучительную сказочку: *Луцилія, или Арендарка маленьаго домика.*

11.

Пелагея Ивановна Вельяшева - Волынцева.

Она извѣстна драматическими переводами, которые хотя въ свое время и не были на сценѣ нашихъ театровъ; но по крайней мѣрѣ ихъ читывали съ удовольствіемъ. Назовемъ изъ нихъ комедію: *Французы въ Лондонѣ*, въ одномъ дѣйствіи, переведенную изъ сочиненій *Буаси* и напечатанную въ Москвѣ 1782 года въ Университетской Типографіи. Другой переводъ Г-жи Вельяшевой - Волынцевой драма: *Англіійская сирота*, въ 3 дѣйствіяхъ, переведенная до ея перевода (въ 1775 году) Княземъ Голицынымъ.

(*) Къ сожалѣнію моему, имѣя у себя одни только самыя краткія извѣстія о нашихъ авторяхъ - и переводчицахъ - дамахъ, я не могу пользоваться вполне *многимъ* и попому ничего не могу составить такого, что походило бы, хотя сколько нибудь, на біографію. Но въ ожиданіи нужныхъ дополненій, сохраняю вездѣ хронологическій порядокъ и удовольствуюсь иногда простою номенклатурою, полезною, однакожь, для предбудущаго изданія сихъ же записокъ. Между тѣмъ усерднѣе прошу тѣхъ, которые имѣють какія - либо дополненія, необходимыя къ довершенію моего труда, доставлять ихъ Издателю Дамскаго Журнала, Князю Пешру Ивановичу Шаликову. М.

Наталія Алексѣевна Макарова.

Урожденная Неелова, въ 1784 году сочинила и напечатала въ Москвѣ, въ Университетской Типографіи Н. И. Новикова, небольшую повѣсть: *Лейнардъ и Термилія, или злощастная судьба двухъ любовниковъ*. Содержаніе сей повѣсти принадлежитъ къ числу весьма обыкновенныхъ происшествій. Короткій рассказъ сочинительницы: какъ *тотъ-то* и *та-то* влюбились и какъ не женились, и какъ трагически померли и проч. — все это не весьма занимательно; но для Новикова, изыскашеля и поощршеля опечесивенныхъ дарованій и трудовъ, было довольно и такихъ романовъ, какимъ былъ *Лейнардъ и Термилія*, или ему подобныя. Сей глубокомысленный Писатель, изыскивая, а иногда, такъ сказать, сотворяя *та-ланты*, и въ особенноти въ женщинахъ, ожидалъ весьма многого отъ дѣйствія, которыхъ могли бытъ произведены на нашу лихтературу и даже на самое просвѣщеніе сими послѣдними. „Грамотная мать,“ говаривалъ онъ „и въ игрушку будешь давать своему дитяти книгу, а такимъ образомъ и мы пойдемъ впередъ съ *молокомъ*, а не съ *сѣдинами!* . . .“ Въ такомъ предположеніи онъ каждой дамѣ, или дѣвицѣ, занимавшейся чтеніемъ Рускихъ книгъ, былъ всегда и другомъ и покровителемъ, и охотно предавалъ писанію всѣ ихъ сочиненія и переводы. Съ сего же времени, какъ можно замѣшшь по вліянію языка нашихъ лихтераторокъ на жесткій слогъ погдашней нашей прозы, сія послѣдняя начинала смягчашься и, кажешься, дожидалась шолько масшера - Карамзина. — По-

вѣсть Г-жи Макаровой по своему слогу почти первая приближается къ лучшимъ измѣненіямъ въ языкѣ и потому она, съ этой стороны, останеся навсегда замѣчательною.

13.

Елисавета Демидова.

Въ 1787 году перевела книжку: *Время, не-
праздно - проважденное въ чтеніи, или полез-
ныя повѣствованія разныхъ писателей*, и на-
печатапа ее въ С. - Пешербургской Типографіи
Шнора.

(Будеть продолженіе.)

Ж а к о т о ().*

Съ нѣсколькихъ уже лѣтъ умы занялись изо-
брѣшеніемъ способа, могущаго облегчить обра-
зованіе юношества, сократить время ученія и
доставить дѣшьямъ средство пріобрѣсть наибо-
лѣе познаній въ шакую эпоху, когда должно
имѣть ихъ очень много, чшобы не быть вклю-
чену въ ряды невѣждъ.

Чтеніе, письмо, первоначальныя вычисле-
нія были предметомъ многихъ оспроумныхъ
методъ; но замѣчено, чшо изобрѣшатели оныхъ
хотя сообщали быстрыя поняшія, но не умѣли
содѣлать ихъ прочными, основательными; иные

(*) Прошу извиненія у юнаго переводчика въ медленномъ
появленіи сей статьи, не могшей за другими статьями
войти до сихъ поръ въ листки Д. Ж. Но теперь,
когда во многихъ журналахъ пишутъ про и contra сисше-
мы Жакошо, сія статья еще любопытнѣе. *Изд.*

наконецъ , производя постыдный шоргъ привилегією, купленною деньгами, или чшобъ содѣлаться извѣспными , прибѣгали къ шарлапанству, низкими расчешами безслава мысли благородныя и общеполезныя.

Г-нъ Жакошо не заслуживаешь ни одного из сихъ упрековъ : онъ изобрѣлъ способъ обученія и воспитанія , уже произведшій чудесные успѣхи; изобрѣшашель сообщаетъ свою шайну желающимъ ею пользоваться съ великодушіемъ, свойственнымъ умамъ возвышеннымъ; онъ постигъ, что науками шорговать не можно, и что разпросиранія между людьми правила и мысли, могущія споспѣшествовать ихъ усовершенствованію , значить уплачивать долгъ свой.

Г-ну Бушми, молодому и свѣдущему Парижскому Профессору , коему обучающеея юношество уже обязано многими изданіями полезными и изящными , было поручено *Обществомъ Методъ* опсправиться въ Лувенъ , гдѣ г-нъ Жакошо имѣеть жилищество , чшобъ шамъ получишь свѣдѣнія о его системѣ или въ заведеніяхъ, гдѣ принята оная, или въ бесѣдахъ съ самимъ изобрѣшашелемъ. Г-нъ Бушми издалъ небольшое сочиненіе о своемъ путешествіи и новомъ способѣ , который долженъ быть чрезвычайно важенъ для всѣхъ опцевъ семействъ и шѣхъ, которые посвятили себя воспитанію юношества (*).

»По пріездѣ моемъ въ Лувенъ,« говоритъ г-нъ Бушми »я опсправился къ изобрѣшашелю

(*) *Considérations sur les resultats importants qu'obtient en Belgique le nouveau Mode d'Education inventé par M. Jacotot; par E. Boutmy. A Paris, chez M. Ponce, rue Thérèse, No 4, et chez Dondey - Dupre, rue Richelieu No 47 bis.*

всеобщаго обученія. Г-нъ Жакопо перешель уже за половину жизни своей; но ничто не показывало бы въ немъ слѣдовъ времени, еслибъ не тяжкая дряхлость, слѣдствіе нервической болѣзни. Мускулы шеи его потеряли свою упругость, такъ что безъ помощи ременной повязки онъ не можеть держашъ головы. Но привычка сдѣлала для него сноснымъ сей безпокойный снарядъ и онъ не вредить важности его осанки; выраженіе лица его крошко и доброжелательное; онъ, кажеться, дышеть сею пламенною любовью къ чедовѣчеству, копорая содѣлалась ему необходимою потребностію. Взоры его, исполненные огня, доказывають живость пылкаго воображенія, а шонкость улыбки означаешь рѣдкую прозорливость. Г-нъ Жакопо приняль меня съ обязательною вѣжливостію; однакожь онъ сказалъ мнѣ откровенно свое опасеніе, что, можеть спасться, предметъ моего посѣщенія есть болѣе желаніе сдѣлать ему возраженіе, чѣмъ намѣреніе обучиться его методѣ. Сія непріятность случалась съ нимъ неоднократно; онъ справедливо сожалѣеть о времени, копорое заставляють терять его сіи докучливыя посѣщенія. Объясненіе мое вполне его удовлетворило. „Но прежде нежели приступимъ къ дѣлу,“ сказалъ онъ мнѣ „объявляю вамъ, что я почиаю васъ только за любопытнаго, слѣдовательно спавлю въ четвертый разрядъ; ежелибъ посѣшили меня бѣдный, поселяинъ, отецъ семейства, я заняль бы ими прежде.“ Послѣ перваго свиданія, копорое, кажеться, щасливо изобразило намъ характеръ и особу г-на Жакопо, онъ пригласиль г-на Бушми обозрѣть многія изъ заведеній, гдѣ его метода въ употребленіи. Подробности, сообщенныя авторомъ о томъ, что

онъ видѣлъ, истинно необыкновенны и превосходящъ всякое воображеніе. Многіе воспишанники самаго младшаго возраста, еще недавно обучающіеся, дѣлали въ нѣсколько минутъ на заданныя г-мъ Бупми предметы сочиненія, копорыя онъ выдалъ въ свѣтъ и кои опличающся выборомъ мыслей, употребленіемъ словъ и чистою выраженій.

Въ музыкѣ онъ примѣшилъ успѣхи не менѣе удивительныя: молодые люди научились писать сонаты, симфоніи, не зная правила для сочиненій музыки. «Здѣсь» — пишешь г-нъ Бупми — «дѣши учаща говоряшь музыкальнымъ языкомъ, какъ научающся по наслышкѣ говорить правильно общешвеннымъ языкомъ въ семействахъ, гдѣ выражающся съ чистоюю.»

Не возможно подашь совершеннаго понятія о методѣ г-на Жакошо. Мы можемъ вскорѣ пользоваться оною во Франціи. Министръ народнаго просвѣщенія съ нѣкопорога времени покровительствуваетъ въ Парижѣ одному заведенію, гдѣ сія метода начинаешъ уже вводиться въ употребленіе, и г-нъ Моринъ, уже извѣстный по своему усердію ко всему, что можешъ улучшить воспитаніе, намѣренъ ее ввести въ своемъ домѣ.

Между тѣмъ нѣтъ ничего просить порядка, кошорому слѣдуешъ г-нъ Жакошо; онъ обучаетъ дѣтей писать, читашъ, сочиняшъ, заславляя выучивашъ наизусть первыя книжки Телемака. Онъ заславляешъ ихъ находяшъ въ семъ прекрасномъ сочиненіи источникъ всѣхъ мыслей, наименованіе всѣхъ словъ, шайну всѣхъ лишперашурныхъ соображеній. — Онъ избралъ сію книгу, но могъ бы употребить и всякую другую. Его правила суть, что *все во всемъ*, а что *ничто ни въ чемъ*.

Г-нъ Жакошо думаетъ, что всѣ понятія равны, что всѣ люди одарены одинаковыми способностями, и будучи далекимъ отъ мнѣнія тѣхъ надменныхъ педаншовъ, которые поспавлюшъ одинъ полъ въ способностяхъ ниже другаго, онъ думаетъ, что если равенство несовершенно въ мужчинахъ и женщинахъ, то преимущество принадлежитъ симъ послѣднимъ.

Сіе мнѣніе о равенствѣ всѣхъ способностей несовмѣстно съ нашими привычными понятіями, и г-нъ Жакошо возставилъ на себя множество противниковъ. Уже Герцогъ *Левисъ* на сей предметъ отнесся къ нему письмомъ, въ которомъ онъ оспариваетъ сіе ученіе съ чрезвычайною силою и умомъ. Г-нъ Жакошо вмѣсто всякаго отвѣта указалъ ему на опыты; споръ, начавшійся по сему случаю, любопытенъ и занимателенъ. Г-нъ Бумми печатаетъ его и въ то же самое время даетъ наставленіе объ употребленіи сей методы; наставленіе, которое показалось намъ яснѣе и полнѣе всѣхъ уже вышедшихъ сочиненій г-на Жакошо, и въ сложности прудъ его есть одно изъ любопытнѣйшихъ произведеній о семъ привлекательномъ предметѣ.

Съ Франц. В. Мещериновъ.

Урокъ Писателямъ.

По выходѣ въ свѣтъ нѣкошорой ѣдкой кришки на Карамзина, одинъ изъ друзей великаго Писателя убѣждалъ и заклиналъ его написать противъ нея возраженіе. Карамзинъ обѣщаль и назначилъ срокъ. Является взыскашелейный другъ его, и спрашиваетъ: «Готовъ ли отвѣтъ?» Готовъ — сказалъ Карамзинъ, взялъ

со стола бумагу, садится подлѣ камина и читаетъ. Другъ жвалятъ, восхищается. «Те-перь ты доволенъ ли мною?» спрашиваетъ Карамзинъ. Какъ не лъзя болѣе! — ошвѣчаетъ первый. Послѣ эшаго Карамзинъ хладнокровно бросаетъ аншикрипику въ каминъ.

Урокъ писашеламъ.

И.

С Т И Х О Т В С Р Е Н І Я .

Т а ъ ц ы .

Угодно вамъ мое сужденье
 Объ играхъ Терпсихоры знашь ;
 Но общайте въ награжденье
 Со мною чаще танцовашь. —
 Мнѣ *котильонъ* всегда пріятень :
 Въ немъ выбирать мы можемъ дамъ ,
 И сердца голось мнѣ понятень ,
 Когда влечетъ меня онъ къ вамъ. —
Мазурка танецъ мой любимый ;
 Рука съ рукой въ немъ съ вами я :
 Незримыхъ чувствъ шо образъ зримый , —
 Эмблема щастія моя. —
Кадриль Французскій : въ немъ пріятно
 Движенья ваши разбирашь ,
 И для другихъ что не понятно ,
 То чувствовашь и понимашь.
 Сюда и *попури* включаю :
 Мнѣ милъ сей безконечный *шень* ;
 Его танцуя , повторяю ,
 Что въ вашихъ узахъ заключень. —
И экросезъ — сей танецъ скучный ,
 Лишь для другихъ , не для меня :
 Глядя на ваши *па* воздушны ,
 И въ немъ пріятность вижу я. —

Анализъ — но жить; двумя стихами
 Я мысль о танцахъ объявлю:
 Когда танцую только съ вами,
 Я страстно танцы все люблю.

Ф. Немгиновъ.

Къ Сочинителю Историческаго романа:

Юрій Милославскій.

Давъ Милославскаго въ живомъ романѣ намъ,
 Ты вдругъ и Валшеру, и Куперу спалъ равень;
 И вмѣстѣ со своимъ героемъ — самъ
 Спалъ вновь средь насъ и миль, и славень!

С М Ъ С Ъ.

1.

Русскій театръ.

Наши драматическіе знапки, В. У. и С. А., равно какъ и другіе, уже говорили о *Фигаровой женитьбѣ*, комедіи Бомарше, представляемой у насъ (весьма въ плохомъ переводѣ) подъ названіемъ *Свадьбы Фигаро*.

Мы ее видѣли на Большомъ Театрѣ 11го Февраля и, къ досадѣ своей, должны признаваться, что Мочаловъ, игравшій *Альмавива*, не былъ Испанскимъ Грандомъ, а болѣе походилъ на сельскаго барина, псоваго охотника. Его супруга, *Графиня* - Рыкалова, и другіе персонажи, до П. Степанова - *Базилля*, все это было весьма слабо, весьма худо. Но какъ нѣтъ *худа безъ добра*, то и здѣсь были не дурны: Щепкинъ въ роли Доктора *Бартоло*, Живокини въ роли садовника *Антоніо*, Аванасьева въ роли *Донъ*.

Гусмана (кошорый, замѣшимъ, излишне былъ ошягощенъ какимъ-то комическимъ жезломъ). Далѣе, намъ показались менѣе, или болѣе сносными: Нагаева въ роли *Сусанны* и Попанчикова въ роли *Пажы*. Но за чѣмъ, но для чего она согласилась играть *Пажы*? Акшприса, назначаемая для высокой драмы, ошъ комическихъ ролей можешъ заимствовашъ шакія привычки, кошорыя въ трагической роли покажущся смѣшными. Всѣхъ лучше въ цѣлой пѣсѣ былъ *Фигаро* - Сабуровъ. Сей аршисшъ многое занялъ у Французскаго акшера Викшора и во многихъ сценахъ комедіи (не смощря на дурной вереводъ пѣсы, удаленный почти совершенно ошъ языка разговорнаго) игралъ превосходно.

За комедіею послѣдовало *современное Россійское представленіе* въ одномъ дѣйствіи: *Переходъ Россійскихъ войскъ чрезъ Балканскія горы*. Похвалимъ здѣсь пріятное пѣніе Лаврова и Баншышева и удачныя дѣйствія Живокини и В. Степанова. Сей послѣдній (нашъ молодой аршисшъ), вопреки мнѣнію В. У., и въ другихъ роляхъ играешъ очень хорошо, а особливо въ комедіи: *Утро Журналистовъ*.

М. В — др — йй.

2.

Французскій театръ.

Бенефисъ г-жи Альфредъ, 13 Февраля.

Сей *достопамятный* бенефисъ начался представленіемъ Ренаровой комедіи: *Les Folies amouzeuses*, о кошорой говоришъ Лагарпъ въ своемъ Лицеѣ, чшо она принадлежишъ къ роду шѣхъ Ишальянскихъ пѣсѣ, гдѣ всегда ешъ лицо;

одураченное смѣшными средствами (par des moyens grotesques), свадьба и танцы, и кошора сыграна очень хорошо. *Филиберъ* игралъ Альберша, ревниваго опекуна Агашы; *Эрнестъ*, ея любовника; *Викторъ*, Криспина; г-жа *Виржини*, Агашу; г-жа *Альфредъ*, Альбершову служанку.

За комедіей слѣдовали два водевиля: *Le Conscit*, соч. Мерля и Симонина, и *Sans tambour ni trompette*, соч. Бразье, Мерля и Кармуша, и оба ничего не значашъ; шолько игра Сенш - Альбена и бенефицианшки придала жизнь симъ гарнизоннымъ піесамъ, уже *отыграннымъ* въ ихъ опечесствѣ — на военной сценѣ.

ИЗВѢСТІЯ.

Нравственныя и Философическія бестьды.

Послѣдними шрудами нашей знаменишой Писательницы, *Анны Петровны Буниной*, скончавшейся въ Декабрь мѣсяць прошлаго года, были сіи бестьды — назидательное швореніе славнаго въ ученомъ свѣтѣ проповѣдника Блера, переведенныя ею съ Англійскаго языка по желанію Ея Высокой Покровишельницы, въ Бозѣ почившей Государыни Императрицы **ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢВНЫ**.

Желающіе имѣть сію книжку, прекрасно напечатанную въ большемъ формашѣ 8 й д. л. съ гравированными заглавными спраницами, могутъ ошнестись къ Издашелю Дамскаго Журнала. Цѣна за экземпляръ 5 руб. ассигн.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Въ большой модѣ цвѣточныя гирлянды, раздѣленные на два пучка (touffes), которыхъ вѣтки выходятъ впередъ далѣе буколы; или одинъ большой цвѣтокъ, каковъ наприм. піонъ, макъ и проч. *Клабужки* (charaçons) изъ перьевъ, ма-рабу или цвѣшовъ, и серебряные букеты, перемѣшанные съ цвѣшными перьями, также въ большой модѣ.

— Дѣлаются цвѣшты изъ перьевъ, легкіе до удивленія. Мы видѣли платье изъ зеленого (vert lumière) крепа, съ гирляндю розъ надъ рубцомъ (ourlet), сдѣланною изъ бѣлыхъ перьевъ — чрезвычайно красивое (excessivement distinguée).

— Послѣ крепа, въ большомъ употребленіи для балъныхъ платьевъ Шамберійскій газъ (gazé de Chambéry), который въ особенности приличенъ шулету молодыхъ дамъ. Сія платья иногда убираются бахрамою изъ шенили, или однимъ букетомъ цвѣшовъ выше колѣна, соотвѣтствующимъ букету пояса; но чаще одними шолько апласными свѣшками (rouleaux).

Изъясненіе картинки при семь Но.

Платье изъ Царскаго апласа (satin royal). Перстень и кассолетка эмальныя.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ;

съ нѣмъ яшобы, по оппечашаніи, представленны были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Февраля 22 го дня, 1850 г.

Ценсоръ и Кавалеръ Иванъ Сиверевъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

Жизнь, или какъ хотите, такъ и назовите.

Я родился въ 7й годъ благополучнаго царствованія АЛЕКСАНДРА I. Отецъ мой былъ человекъ небогатый: слѣдовательно я родился бѣднымъ; но *бѣдность не порокъ*, говорили наши прадѣды. Ахъ! если бы такъ говорили и современники! — И такъ я родился и живу на свѣтѣ; но для чего? и самъ не знаю; однакожь думаю, что, въ продолженіе жизни, я буду въ состояніи открыть назначеніе судьбы, копорая, по словамъ многихъ писателей, играетъ нами какъ мячикомъ и оставляетъ для разгадыванія загадки, называемой жизнію, уже тогда, когда мы спанемъ одной ногой въ могилу.

Прежде нежели приступлю къ продолженію, я долженъ непременно предувѣдомишь васъ, любезные чашаши, что при описаніи моей жизни я буду пользоваться записками моего дяди, кошорый былъ послѣдователемъ ученія Сократова, записывалъ въ шепрадь все шо, что случилось съ нимъ въ жизни и не упустилъ нималяшаго предмета, по чему-либо замѣчательнаго. Онъ - шо былъ Плушархомъ моего младенчества и, по своей аккуратности, почишалъ за грѣхъ не оставишь мнѣ никакаго свѣдѣнія о первыхъ дняхъ моей жизни.

При звукъ колокола, сзывающемъ всѣхъ Христіанъ къ обѣдни, мать моя разрѣшилась ошъ беременности мною (эшо было 26 Ноября).

Спарая бабка, съ пяшью опышными на лбу морщинами, принесла къ моему ошцу черную книгу — Брюсовъ планешникъ, и сказала: въ ней описана участь новорожденнаго «Родившійся между пятнадцатыми числами Ноября и Декабря бываетъ краснорѣчивъ, вспыльчивъ, справедливъ, вѣренъ, за благодѣяніе благодаренъ, милосердъ, нрава веселаго, и будешь ошо всѣхъ любимъ; презираешь своихъ клеветниковъ, бываетъ боязливъ, но въ правдѣ смѣль и ошваженъ; болѣзнямъ будешь подверженъ рѣдко; умрешъ скоропосшижно.»

Послѣднія слова пошемнили нѣсколько веселость спарика; онъ сказалъ: эшо сказки; ну, можно ли вѣришь бреднямъ, выдуманымъ какимъ нибудь шарлапаномъ? — «Ахъ, башюшка! какъ не вѣришь Брюсову календарю? Ты знаешь, что эшошъ Брюсъ былъ колдунъ, кошорой хо-

шлѣ воскреснуть послѣ своей смерпи.“ Полно
врать! — закричалъ мой отецъ — подай луч-
ше мѣсяцословъ; я хочу приискашь новорожден-
ному имя. — Она подала — жребій палъ на
имя Николая.

»Бѣднѣе не порокъ!“ слишкомъ чѣсь, какъ
это написано; я разсуждалъ самъ съ собою, и
наконецъ вывелъ заключеніе, что въ нашъ об-
разованный вѣкъ сего не скажущъ. Это выра-
женіе нашихъ праѣдовъ, не смотрѣвшихъ на
плашь и угощеніе, а на сердце чловѣка, съ ко-
порымъ были знакомы; или хотѣли бышь зна-
комыми. Можеть спашься, скажущъ чипашели:
»Что намъ до времяъ невѣжества; мы не хо-
шимъ переноситься ошь предмета къ дрѣугому.
Вы общали намъ разсказать о своей жизни, и
шакъ исполняйше.“ Да я и самъ согласенъ съ
ними; ибо что вошло въ обычай, по укорени-
лось, и напрасны усилія перемѣнить его. Но
надѣюсь, что просипсь нѣсколько словъ о
правахъ предковъ нашихъ; и шакъ я начинаю.

Младенчество подобно мягкому воску; при-
нимающему на себя всѣ ошписки того, что
только до него каснешся; самыя малѣйшія впе-
чатлвнія дѣйствують на сердце и душу мла-
денца именно пошому, что они для него новы.
Вникнувъ хорошенько въ *инстинктъ* его; мы
увидимъ, что дѣшство, не зная ни подозрѣнія,
ни опасности, безпечно предаешся всему, при-
влекающему его, и, не заботясь о будущемъ,
наслаждаешся спокойствіемъ. А пошому - по
младенчество и называется самымъ щасшли-
вымъ возрастомъ въ нашей жизни! — Каждую
минушу мы узнаемъ что - нибудь новое; каж-

дый день мы станемъ болѣе опыты. Такъ разсвѣтающій день, прогоняя ночныя тѣни, открываетъ постепенно предметы, скрывавшіеся прежде во мракѣ.

Я уже сказала, что отецъ мой былъ чело-вѣкъ бѣдной: ибо онъ былъ честенъ; а честность почти никогда не пріобрѣтаетъ богатства; надобно прибавить, что онъ былъ при томъ неученый. Природный умъ его и трудолюбіе, доброта и ласковость моей матери пріобрѣли имъ отъ знакомыхъ уваженіе и любовь и содѣлывали жизнь ихъ хотя не щастливою, по крайней мѣрѣ спокойною. Времяпровожденіе ихъ шло однообразно: мать моя съ сестрой занимались хозяйствомъ, а отецъ съ утра до вечера былъ у должности. Познакомивъ васъ съ ними, я спану теперь говорю о моемъ воспитаніи.

Я былъ воспитанъ родителями, которые слѣдовали наставленіямъ нашей матери - природы, а не ученію Фернейскаго или Женевскаго философовъ, получившихъ неоспоримое гражданство конечно во всѣхъ избранныхъ библіотечкахъ, заслужившихъ славу въ лѣтописяхъ Французской лихшературы и — безсмертіе отъ потомства. — Маленькая сестра моя была почти всегда моей нянею, и въ одинъ день, когда необходимость заставила мать мою выдти изъ дому ранѣе обыкновеннаго, она едва не опирала меня на шопъ свѣтъ. Вотъ какъ это случилось: я спалъ и, по свойственной дѣтямъ привычкѣ, проснувшись, заплакалъ; усердная

няня бросилась ко мнѣ и, не зная, чѣмъ утѣшить, набила мой ротъ баранками такъ, что едва могъ дышать, а проглотить ихъ не было състояній — и не знаю, чѣмъ бы эшо кончилось, если бы не подоспѣла мать моя и не освободила отъ угощенія забойливой няни, которую за услугу наградила — розгой. Послѣ уже опасались довѣрять меня сестрицѣ; но мало по малу время похитило ошорожность матери: о прошломъ забыла, и — я опять очутился на рукахъ услужливой сестры. Она часто играла со мной на дворѣ. Дѣшство занимаешь и почтенныхъ людей: дама, жившая въ одномъ домѣ съ нами, приласкала насъ; взяла къ себѣ и дала ягодъ. — Кто позабылъ о лѣсахъ младенчества, шопъ не можешь цѣнить щого наслажденія, какое природа принаровила къ удовольворенію младенческихъ желаній. — Я взялъ ягоды безъ изъявленія благодарности, тѣхъ ихъ съ живымъ удовольствіемъ, и съ молчаливою признашельностію смотрѣлъ на даму, которая увеселялась моимъ наслажденіемъ. Но эшо продолжалось недолго: ягоды съдены. Дѣшскій возрастъ не знаетъ пришворства; движеніе души ясно видно на лицѣ его. Я не могъ удерживать чувствъ своихъ и скрывать слезы, которыя наверщывались на глазахъ моихъ — началъ плакать; меня старались утѣшить, но тщешно. Тогда сестра понесла меня домой. Надобно было сходить съ крушой лѣспницы и 5-лѣшней нянѣ надлежало соблюсти балансъ, иначе слабыя ноги ея не могли бы выдержать перевѣса рукъ, обремененныхъ мною. Не правда ли, чшо такое путешествіе до лѣспницъ устрашало ее паденіемъ? и пошому она никакъ не рѣшалась снести меня на рукахъ. Чшожь ей

оставалось дѣлать? Но кто потребуетъ отъ нея о ея поняшіяхъ? Свойственно ли дѣшамъ размышлять какъ опытнымъ? Они обыкновенно бывають рѣшительны, ибо не понимаютъ цѣли, на которую рѣшаются. Она знала, что безвредно капала съ этой лѣспицы мячикъ (поняшія ея уподобляли меня мячику) и потому вздумала покапывать меня: ибо это казалось ей и легче, и скорѣе. Какъ вздумано, такъ и сдѣлано! Я достигъ послѣдней ступени гораздо ранѣе надлежащаго! Послѣдствія предсаваясь каждому, и нужно ли пояснять, что голова была прошибена, что кровь текла ручьями? . . . Бѣдная сестра поздно увидѣла свою ошибку. Мы кричали другъ друга громче. Голосъ дѣшей прогашелень для всякаго, — но скорѣй всѣхъ онъ доходитъ до слуха мащери! Она прибѣжала на крикъ нашъ, схватила меня и сестру, и забормливая рука ея подала мнѣ скорую помощь, а справедливая наказала виновницу.

Я не спану выписывать шѣ шалости, которыми неушомимой дядюшка (царство ему небесное!) испещрилъ исторію моего младенчества; для кого будешь занимательно читать сѣпление заблужденій неопытнаго возраста? Довольно сказать, что я, подобно всѣмъ, плакалъ и — смѣялся, ходилъ и — падалъ, спалъ и выговаривалъ мама, шая и — говорилъ порядочно, шалилъ — былъ сѣченъ и, какъ всѣ, обыкновенно очень скоро забывалъ наказанія. — Такъ прошекли семь лѣтъ моего младенчества! — Щасливое время! ты никогда не возвращишься!

Ла-и-к-и. Гр-б-й-тинъ,

(Объщано продолженіе.)

Первые годы жизни Лорда Байрона.

Многіе годы перваго моего дѣтства я провель въ Абердюнѣ и возвратился туда чрезъ десяшь лѣтъ. Едва мнѣ было пять, какъ меня послали въ школу, содержимую г-мъ Боверсомъ для дѣшей обоого пола. Тамъ выучилъ я ошь слова до слова наизусть первый урокъ (*Богъ создалъ человѣка, возлюбилъ Его*), выучилъ понаслышкѣ, еще не зная ни одной лишеры. — Дома вздумали меня испытать въ моихъ успѣхахъ и я проворно проговорилъ выученное мною; когда же перевернули страничку, а я не переспаваль швердиль одно и по же, тогда шѣсные предѣлы моихъ познаній обнаружились. Въ награду за сіе меня изрядно похлопали по ушамъ, не заслуживавшимъ шакого наказанія; ибо шолько имѣ я былъ обязанъ своею наукою, и вслѣдъ за шѣмъ опдали на руки новому насшавнику, самому набожному и ученому эшклезіасшику, называвшемуся Россомъ. Подъ его руководствомъ я дѣлалъ быспрые успѣхи, и шеперь еще помню его ласковое обращеніе и стараніе образовашъ меня. Какъ скоро я выучился чшпашъ, шо со всею шпрасшію прилѣпился къ Ишторіи, и не понимаю ошь чего я всегда былъ плѣненъ повѣштованіемъ о сраженіи близъ Реджилъскаго озера; ошсаніе сего сраженія поцалось мнѣ прежде всего. Тому назадъ около чешырехъ лѣтъ какъ я, находясь на высопахъ Тускулумскихъ и обращаая взоры на маленькое, круглое, нѣкогда бывшее Реджилъское озеро, вспомнилъ и мой дѣтскій восшоргъ, и моего стараго насшавника, мѣшпо котораго засшупилъ молодой

угрюмый, молчаливый, но добрый человекъ, называвшійся Пеперсономъ, и кошораго назначили мнѣ въ надзирашели. Хотя онъ былъ сынъ моего сапожника, но, не взирая на то, былъ умнѣйшій человекъ: что въ Шотландіи очень обыкновенно. Съ симъ-то наставникомъ моимъ, спрогимъ пресвишеріанцемъ, я началъ учиться полашинъ: что и продолжалъ до вступленія моего въ *Грамматическую школу* (*grammar School*), въ кошорой достигъ уже до четвертаго класса, какъ вдругъ смерть моего дяди вызвала меня въ Англию. Благодаря красивымъ *прописямъ* г-на Дункана Абердюнскаго, я выучился такъ хорошо писать, что съ трудомъ разбиралъ собственннй почеркъ. Не думаю, чтобы онъ гордился моими успѣхами, и между шѣмъ я писалъ тогда гораздо лучше, нежели шеперь (*).

Любовь къ уединеннымъ прогулкамъ и желаніе извѣдать спрану во всѣхъ ея направленіяхъ часто шоль далеко завлекали меня, что неоднократно безпокоились обо мнѣ. Бывъ въ Абердюнѣ, я ускользалъ изъ дому шакъ, что никто сего не замѣчалъ; нѣсколько разъ направлялъ пушь свой прямо къ морю и однажды, послѣ продолжительныхъ и шрудныхъ поисковъ, меня нашли шщепно спарающагося выкарабкашья изъ болоша, откуда я, безъ посторонней помощи, никогда бы не вышла.

(*) Сей анекдотъ напомнилъ намъ подобный о Наполеонѣ, къ кошорому однажды въ Мальмезонѣ пришелъ какой-то бѣднякъ, выдававшій себя за его учителя чистописанія въ Бриеннѣ. „Прекраснаго же ученика образовали вы!“ вскричалъ Наполеонъ, и самъ смѣясь надъ дурнымъ почеркомъ своимъ, назначилъ пенсію своему учителю.

Это случилось около шой эпохи (мнѣ было тогда не болѣе осьми лѣтъ), когда чувство, близкое къ любви, но котораго не лзя предполагать въ ребенкѣ моихъ лѣтъ, овладѣло всѣми моими помышленіями и въ то же время показывало, сколь легка и внезапна была раздражительность моего характера какъ въ этой спраши, такъ и во многихъ другихъ. Предметъ моей привязанности называлась Марія Доффъ. Слѣдующее происшествіе, мною написанное въ моемъ журналѣ 1813 года, покажетъ, какъ всѣ обстоятельство первой любви были еще свѣжи въ моей памяти даже по прошествіи семнадцати лѣтъ.

„Въ послѣдствіи я много думалъ о Маріи Доффъ. Довольно странно, что я былъ влюбленъ въ эту дѣвушку тогда, какъ не могъ чувствовать ни любви, ни зналъ даже значенія сего слова. . . . Мамушка имѣла привычку смѣяться надъ сею спрашию моего дѣтства, и спустя много лѣтъ послѣ (я былъ въ шестнадцатой веснѣ), однажды сказала мнѣ: „Ахъ, Байронъ! я получила письмо изъ Эдмбурга отъ Миссъ Аберкромби; швоя прежняя возлюбленная, Марія Доффъ, вышла замужъ.“ Какой же былъ мой отвѣтъ? Не могу совершенно объяснить чувствъ, мною овладѣвшихъ: я упалъ въ обморокъ; это споль испугало мамушку, что она всегда избѣгала случая говорить со мною объ этомъ предметѣ, и удовольствовалась, рассказавъ о происшедшемъ своимъ знакомымъ. Что же это такое могло быть? Послѣ нѣкотораго приключенія съ матерью моей Маріи Доффъ, я не встрѣчалъ ее болѣе въ Абердюнѣ, ибо она удалилась въ Банфъ,

гдѣ жила ея бабушка. Мы были тогда не болѣе какъ дѣти. Хотя теперѣ у меня множество занятій, однакожъ я вспоминаю все, что мы говорили другъ другу, всѣ наши ласки, черты лица ея, мои спрэданія, мою бессонницу, спрэданія убѣдиль мапушкину горничную, чтобы она писала отъ меня къ Маріи; для успокоенія моего, наконецъ она исполнила мою просьбу. Нанси думала, что я помѣшался, и какъ я не умѣлъ писать, то она и сдѣлалась моимъ секретаремъ. Я также вспоминаю о нашихъ прогулкахъ, о щастіи — сидѣть возлѣ Маріи, бытъ вмѣстѣ съ нею въ дѣтской комнатѣ, и между тѣмъ какъ младшая ея сестра, Елена, играла съ своею куклою, мы на другой сторонѣ важно объяснялись въ любви.

„Какимъ образомъ могло все это случиться со мною въ столь юномъ возрастѣ? Отъ чего все это? Уже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ сей любви я началъ понимать различіе половъ, и не смотря на все это, любовь моя къ сей дѣвушкѣ была столь пламенна, что я не думаю любить когда-нибудь сильнѣе. Какъ бы то ни было, но извѣстіе объ ея замужествѣ поразило меня подобно громовому удару. . . . До послѣдняго вздоха это удивительное происшествіе не изгладится изъ моей памяти. И недавно еще, не знаю какимъ образомъ, *воспоминаніе* (но уже не любовь) пробудилось во мнѣ съ большею силою, нежели когда-нибудь. Я удивился бы, узнавъ что она сохранила обо мнѣ хотя малѣйшее воспоминаніе! Между тѣмъ прекрасный образъ ея все еще свѣжъ въ памяти моей: какъ будто теперѣ гляжу на ея длинные черные волосы, на ея глаза, на ея одежду! Поиспину, я смутился бы, увидя ее теперѣ: настоящее ея положеніе, даже хотя бы все она

была прекрасна , вѣроятно разрушило , или , по крайней мѣрѣ , повредило ангельскія черты маленькой дѣвочки , кошорыя , не взирая на пропекшія пшнадцать лѣтъ , все еще представляются моему воображенію . Въ то время , когда я сіе пишу , мнѣ уже двадцать пять лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ .“

(Изъ *Extrait de la vie de Lord Byron , par Thomas Moor.*)

Н . . . рѣ В . . . еѣ .

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Стихи , сочиненные до взятія Эривана , при переходѣ Россійскихъ войскъ черезъ Араксъ .

Арменская страна , отчизна всей вселенной ,
 Отколѣ разлились земныя племена ,
 Гдѣ древле возблистала лучъ истины священной !
 Какъ много ты врагомъ теперь угнетена !
 Возлежь свирѣпый левъ на стѣны Эривана ,
 И солнцемъ позжены обидныя поля ;
 Дрожатъ твои сыны подѣ дикой властью Хана ;
 Пустѣеть всякой день несчастная земля !
 Арменская страна ! въ неволѣ унывая ,
 Иль вѣчно будешь зрѣть позоръ своихъ племенъ !
 Проснись , возстань ! зови на помощь НИКОЛАЯ :
 Исчезнешь въ крапкій мигъ твой долговѣчный плѣнь !
 Спремится въ пунь побѣдъ полночно ополченье ;
 На дерзостныхъ враговъ Паскевичъ ихъ ведетъ ;
 Онъ началъ , онъ свершилъ твое освобожденье :
 Герою Рускихъ странъ нигдѣ преграды нѣтъ .
 Оставитъ хищный Персъ Арменскіе предѣлы ,
 Возблещеть надѣ тобою блаженная заря ,

Возстанушь города и обновятся селы
 Подъ крошкой властію Россійскаго Царя.
 Нерсесь воздвигнешь крещъ , споль долго въ прахъ скло-
 ненный ;
 Свѣтъ вѣры озарить свободный Эривань ,
 И Лазаревыхъ родъ средь родины священной
 Вездѣ распространить блаженство согражданъ.

Аннѣевъ.

Д о м о в ы е .

На шуль бы своемъ Филонъ имѣлъ кощечно,
 Доспоинство заслугъ прямыхъ ,
 И съ добрымъ именемъ не разлучилсябъ вѣчно ,
 Когда бы не было подъ шуломъ домовыхъ.

С М Ъ С Ъ .

1.

Карль Раппо , первый Геркулесь нашего времени.

Эпоха безмолвныхъ представлений, шо есть
 Великій постъ , началась и ознаменовалась са-
 мымъ блестящимъ , какое только могутъ произ-
 вести въ удивительномъ соединеніи своемъ не-
 поспижимая сила и величайшее искусство — ошъ
 балансирующихъ на носу соломенки , съ яйцомъ
 сверху , до 80 - фунтоваго ядра на Геркулесовой
 палицѣ , едва другими приподнимаемой ! И все
 шо , что извѣстно подъ именемъ Индійскихъ
 фокусовъ , Раппо-Геркулесь дѣлаешь на превысо-
 комъ столпѣ , утвердясь къ нему одною но-
 гою и какъ будшо сидя на воздухъ ; а шакъ

называемыя Малабарскія увеселенія состоятъ — въ ядрахъ 15, 20 и 40 фуншовъ, перекашывающихся съ локтя на локоть черезъ спину, бросаемыхъ чрезвычайно высоко и падающихъ на голую грудь, и на голову, прикрывшую обыкновенною шапочкою, освидѣтельствованною зрителями, равно какъ ядра и все тяжелое! Но ужасные опыты сверхъестественной силы и крѣпости плѣсной испиннаго *Геркулеса* трудно исчислить и еще труднѣе описать; только *видя* ихъ, постигаешь, что Гораций сказалъ правду: *Нѣтъ для смертныхъ невозможнаго*.

Между *забавными* представленіями есть неизъяснимо прекрасныя: на прим. корабль, оснащаемый и колеблющийся на носу и въ то же время стрѣляющій изъ пушекъ; или на носу же стоящее искусственное дерево съ такими же ппичками, которыхъ одна за другою сбиваются шариками, вкладываемыми въ палочку, во рту находящуюся, и ртомъ выдуваемыми; или строящійся волшебникомъ - Рапомъ на носу храмикъ, и тогда же нанизываемый во рту и ртомъ жемчугъ; или когда играетъ въ *биль-бокетъ* большими мѣдными шарами, лежащими около него и составляющими вокругъ головы сіяніе.

Наконецъ Геркулесъ показалъ зрителямъ бѣлую бумагу, потомъ уложилъ ее на досечкѣ, которую держали передъ нимъ, продѣлъ руку въ пресстрашную гирю, повисшую на рукѣ, взялъ перо и написалъ: Carl Varro, прямо, твердо и красиво, такъ что непримѣтно нисколько дрожанія руки.

Неутомимый Иракль упомянулъ зрителей своими подвигами; упомянулъ, но не заславилъ

соскучишься: ибо сіи подвиги безпрестанно производящъ живое и поперемянное впечатлѣніе удивленія, ужаса и удовольствія.

Чего не сдѣлаешь челоуѣкъ — для насущнаго хлѣба! . . . Опасность, униженіе — все безмолвствуешь предъ сею непобѣдимую пошребносноію.

Въ скоромъ времени г-нъ Раппо, для своего бенефиса, дастъ новыя особеннаго рода представленія.

2.

Первый акробатъ Короля Французскаго.

Г-нъ Баписсъ Фуру, подъ симъ шишуломъ и многими другими, наименованными въ афишѣ, прибывъ сюда изъ С.-Пешербурга, далъ первое свое представленіе на Маломъ Театрѣ 25 Февраля. Прекрасно убранная сцена приготовляла зрителей къ прекрасному зрѣлищу, кошорое и оправдалось въ полной мѣрѣ.

Первымъ явленіемъ была 7-лѣшняя дѣвочка въ образѣ Амура, танцовавшая на канашѣ *pas de fantaisie* — прелесшно. Пошомъ г-жа Фуру, *первая Парижская танцовщица на канатѣ*, видная, спройная и молодая женщина, лешала на немъ въ *Вестрисовомъ гавотѣ*. Пошомъ Л. Фуру, комикъ шруппы, танцоваль различныѣ па, и Б. Фуру, первый акробашъ, *pas d'élevation* и кончилъ большимъ сальшо-моршалемъ впередъ и назадъ — оба съ удивительнымъ искусствомъ и воздушною легкостью. Далѣе ошашъ г-жа Фуру, имѣющая шаланшъ необыкновенный, танцовала альмандѣ съ двумя значками въ прекрасныхъ рукахъ своихъ, и напоследокъ *pas de vigueur*.

За шанцами слѣдовала комическая паншомима подѣ именемъ: *Очарованный садъ*, или *Китайскія превращенія*, изъ 12 лицъ, чрезвычайно забавная. Она кончилась пріятнѣйшимъ явленіемъ: въ глубинѣ шеатра показалось зданіе, и въ ту же минушу представилось алымъ яхоншовымъ, посредствомъ *розоваго* огня, освѣтившаго чешу соединенныхъ благодѣшельною волшебницею любовниковъ, окруженныхъ всѣми дѣйствующими лицами.

Костюмы шанцующихъ ошмѣнно богаты.

ИЗВѢСТІЯ.

Діорама (*).

Входите въ комнату, весьма слабо освѣщенную, садитесь на кресла прошивъ каршины, едва видимой. Черезъ нѣсколько минутъ начнешь озаряться *восходящимъ солнцемъ* нижняя часть каршины, посшепенно представляющей взору вашему величественныя зданія въ искуснѣйшей перспективѣ: эшо городъ *Каиръ*, на первомъ планѣ котораго являешся прекрасная колоннада шакъ называемаго *Базара*. Въ концѣ горизонта усматриваешся знаменишый *Нилъ*. Нѣсколько человѣческихъ фигуръ въ Турецкомъ одѣянніи оживляешъ еще болѣе каршину, мало помалу снова блѣднѣющую при *захожденіи солнца*, дѣйствіе котораго ошличаешъ *діораму* ошъ *панорамъ* и *косморамъ*.

(*). Въ домѣ Грузинскаго Царевича Окропира, близъ Малаго Театра.

П а р и ж с к і я л о д ы .

Большая часть платьевъ изъ крепа, вышитаго шелкомъ и золотомъ, или серебромъ надъ рубцомъ (ourlet); много цвѣстныхъ газовыхъ съ широкими золотыми или серебряными узорами; также изъ Сіамскаго или Японскаго таза, бархатнымъ, а особливо вишневаго цвѣта, атласныхъ и дорогихъ матерчашыхъ.

— Въ большой модѣ вещи (garnitures) изъ цвѣстныхъ каменьевъ и такіе же эгрешпы, накалываемые въ волосахъ.

— Длинные блондовые рукава à la Marino Faliero, и рукава - берешы съ блондовыми манжетами, идущіе до самаго локтя и приподнимаемые снупри (en dedans) банпомъ (poeud) — также въ большой модѣ. На нѣкоторыя подобныя рукава накалываются банпы съ развѣвающимися концами. Многіе креповыя рукава дѣлаются à la dona Maria.

— Креповыя платья вышиваются шелкомъ съ узоромъ, изображающимъ колонны, оканчивающіяся надъ рубцомъ (ourlet) букетами. Бѣлыя креповыя платья вышиваются или золотомъ, или серебромъ. Многія креповыя платья дычанаго цвѣта (maréin) съ одною только выпушкою (lisérés) надъ рубцомъ; но корсажъ пышно убирается блондами. Съ этимъ костюмомъ носятъ вещи (garnitures) бирюзовыя.

— Молодыя дамы преимущественно употребляютъ на платья газъ Шамберійскій (gaze Chambéry) съ однимъ только атласнымъ свиткомъ (rouleau) надъ рубцомъ (ourlet) и съ узенькою, легко собранною блондою внизу платья.

И з ъ я с н е н і е к а р т и н к и п р и с е м ь №.

Шляпка бархатная. Платье кашемировое; отдѣлка изъ соболей.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, по оппечашаціи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ при экземплярѣ. Москва, Марта 3го дня, 1850 г.

Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергѣй Глинка.

1830.

Парижская Мода.

N. 11.

Данский Журнал.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

Мигрень.

Самое спасительное средство, къ кошорому наиболѣе прибѣгають женщины, есть мигрень. Эта болѣзнь, не имѣя никакихъ наружныхъ признаковъ, есть самая легкая для прищворства. Чшобы имѣть ее, досташочно сказать: *«у меня мигрень!»*

Но спраждуть ли ея въ особеннoshi женщины? Вошь вопросъ, на кошорый едва ли кто можеть отвѣчать; ибо совершенно не лѣзя объяснить физиологii черепа, коего непроницаемыя кости поселяють недовѣрчивость ошнositельно сего предмета. И шакъ мигрень, по нашему мнѣнiю, есть царь болѣзней, оружье самое прiятное и пришомъ самое ужасное, употребляемое женщинами пропивъ ихъ мужей.

Есть жестокіе и грубые люди, которые зная женскія хитрости, мечшаютъ избѣгнутьъ сихъ, пакъ сказать, непрѣмныхъ сътей. Ни всѣ усилія, ни всѣ умствования, словомъ, ничто не избавляетъ сихъ смѣльчаковъ отъ шрехъ магическихкихъ словъ: *»у меня мигрень!»*

Ежели мужъ стпуешъ, опваживается на упреки, на замѣчанія; ежели онъ попытается прошивиться могуществу сего *Il buonda sanì* супружества: то — онъ погибъ!

Вообразите молодую женщину, въ очаровательномъ положеніи лежащую на диванъ: голова ея тихо покоится на подушкѣ, а рука свѣсилась; книга у ногъ ея, стаканъ съ лимонною водою на маленькомъ столикѣ. . . Теперь помѣстите въ эшой же карпинѣ полспую фигуру ея мужа, который дѣлаешъ пять или шесть оборотовъ по комнатамъ и всякой разъ, когда повершывается на коблуклахъ, чтобы снова начать прогулку, больная дѣлаешъ движеніе бровями, давая знать ему, какъ и самый малый шорохъ ее беспокоитъ. Напослѣдокъ мужъ собираешъ все свое мужество, думая что онъ достаточно вооружился противъ ея хитрости сею неожиданною фразою:

»Но въ самомъ ли дѣлѣ у тебя мигрень?»

При сихъ словахъ жена приподнимаетъ свою больную голову, поднимаетъ руку, снова упавшую на диванъ, и привскаетъ сполько, сколько силы дозволяютъ; потомъ, устремляя на васъ шускмый взоръ, обращаетъ къ вамъ съ продолжительными жалобами, произносимыми голосомъ болѣе и болѣе слабѣющимъ.

Послѣ всего эшаго что можете опвѣчать? . . . Не говоритъ ли вамъ шайный внушрешній голосъ: *»но ежели она спрадаветъ?»*

Такимъ - по образомъ почти всѣ мужья безмолвно оспаиваютъ поле сраженія, жены смотрятъ изъ подлобья, какъ они выходятъ на цыпочкахъ и тихо зашворяютъ дверь комнаты, съ эшаго времени священной. И вопшь мигрень, истинный или ложный, господствуетъ надъ вами.

Съ эшаго времени мигрень начинаетъ играть роль свою въ нѣдрахъ семейства и служитъ шемюю, изъ которой женщина составляетъ различныя варіаціи и переходитъ во всѣ поны. Однимъ мигренемъ женщина можетъ привести въ ошчаяніе своего мужа: мигрень приходитъ къ ней, когда она захочетъ, гдѣ она хочетъ и на столько времени, на сколько ей угодно: онъ продолжается пять дней, десять минушь, періодически, непрерывно, или перемежаясь.

Иногда мужъ находитъ жену свою въ постели, страдающую, упомленную; гардины въ комнату опущены. Мигрень требуетъ безмолвной тишины, начиная опъ конурки дворника, который колешъ дрова, до конюшни, изъ которой кучерь выкидываетъ солому на дворъ. Наконецъ, по закону сего же самаго мигреня, мужъ выходитъ; но по возвращеніи его докладываютъ ему, что — барыня уѣхала!.. Вскорѣ она является свѣжею и румяною.

„У меня былъ Докторъ. . . . Онъ мнѣ совѣщовалъ движеніе — и мнѣ теперь гораздо лучше. . . .“

Въ другой разъ, вы хотите войти къ своей супругѣ. „Ахъ, сударь!“ говоритъ вамъ горничная со всѣми знаками величайшаго сожалѣнія: „къ барынѣ приступилъ мигрень и я никогда не видала ее такъ страдающею. — Послали за Докторомъ.“

Мигрень замѣняешь во Франціи сандалии, оставляемые въ Испаніи духовникомъ у дверей комнаы, въ кошорой онъ находишься съ своею кающеюся.

Ежели ваша жена, предчувствуя для себя нѣкоторыя опъ васъ непріятности, желаетъ въ глазахъ вашихъ показаться сколько невинною, споль же и изнемогающею; то прибѣгаешь къ помощи мигрени: она ложится въ постель, одержимая, по видимому, всѣми возможными спраданіями; испускаешь спенанія, раздирающія вашу душу; принимаешь множество обворожительныхъ положеній, исполняя ихъ споль искусно, что можно почешь ее какъ бы лишенною костей.

И шакъ, есть ли въ міръ споль нечувствительный мужъ, кошорый бы огорчилъ спраждущую жену свою! Даже самая учшивость повелительно налагаетъ на него молчаніе.

О мигрень! покровитель любви, дань супружества, щипъ, на кошоромъ издыхають всѣ желанія мужей! о могущественный мигрень! не уже ли любовники еще по сихъ поръ не боготворять, не обожаютъ, не поклоняются тебѣ? О волшебный мигрень! о лживый мигрень! да будетъ благословенъ мозгъ, первый тебя познавшій! Сшды и поношеніе Доктору, нашедшему тебя удобоизцѣлимымъ! Такъ, шь единственная болѣзнь, на кошорую женщины не сшуютъ, безъ сомнѣнія опъ признавательности къ благамъ, шобою для нихъ распочаемымъ. О лживый мигрень! О чудесный мигрень!

(Изъ Physiologie du Mariage.)

Н. . . . рѣ В. . . . еѣ.

Что страшнѣе болтуновъ!

Зудъ языка пренесносная болѣзнь, шѣмъ болѣе что нѣтъ иного средства избавишься отъ нея, какъ только молчать и слушать другихъ; но неутомный болтунъ въ состоянїи-ль кого-либо слушать: онъ говоритъ безпрестанно, и, кажется, упрекаетъ природу, зачѣмъ у него два уха, а не два языка. Противъ всѣхъ иныхъ недуговъ есть цѣлительныя средства: противъ душевныхъ — утѣшеніе друзей; противъ шѣлесныхъ — врачеваніе медиковъ. Но какъ опрада болтуна состоишь единственно въ томъ, чтобъ безпрестанно его слушали, то мученію его не можешь быть ни облегченія, ни конца: ибо гдѣ встрѣпишь онъ неушомимаго слушателя. Наслаждаясь прогулкою, или весело бесѣдуя съ друзьями, и вдругъ завидѣвши болтуна, кто не побѣжитъ прочь опрорешью! Слыхали ли вы объ отвѣтѣ Аристоцеля, когда нѣкоторый болтунъ, надѣдая ему глупыми разсказами, между прочимъ ксташи спросилъ его: не удивительно? „Нимало!“ отвѣчалъ философъ: „но удивительно то, что владѣя ногами, я имѣю терпѣніе до сихъ поръ себя слушать.“ — Къ щасію еще, что прекрасный полъ въ цвѣтущей юности чуждъ сей несносной язвы; если нѣкоторыя изъ женщинъ и заражаются ею, то сіе обыкновенно бываетъ въ преклонныхъ лѣтахъ, когда лестныя похвалы не услаждаютъ уже болѣе ихъ слуха, когда шолпы обожателей не возжигаютъ предъ ними виміама. Въ уничиженіи своемъ, раздраженный на все, онъ, какъ мстительный демонъ, преслѣдующъ всѣхъ своими разсказами, сплещ-

нями, клеветами; все содѣлывается жертвою ихъ непонимаемаго языка. Никому и ничему нѣтъ пощады. — Въ маленькомъ городкѣ М. я зналъ къ несчастію одну старуху, госпожу С.; избави Боже такою болшуньей!

Пер. съ Фр. Н.

Кирхнеръ, Нѣмецкій актеръ.

Въ Германіи много такихъ актеровъ, кошогые, образовавъ себя для извѣстныхъ ролей въ немногихъ пьесахъ, посѣщаютъ разные театры и такимъ образомъ по справедливости заслуживаютъ названіе странствующихъ. Образцы подобныхъ актеровъ бывали у насъ въ Москвѣ, и мы эщо же видимъ въ г-нѣ Кирхнерѣ. Муштина въ зрѣломъ возрастѣ, сохранившій нѣжный голось, свойственный юношѣ или женщинѣ, избралъ для себя женскія роли и съ успѣхомъ играетъ ихъ. Смѣшное состоить нерѣдко въ соединеніи противуположностей. Старикъ, желающій казаться молодымъ; скупой, выдающій себя за расточительнаго, очень забавны; но всего смѣшнѣе видѣть молодаго повѣсу, представляющаго знаменитую даму, удачно подражающаго всѣмъ приемамъ прекраснаго пола, разумѣется въ видѣ усиленномъ и нѣсколько каррикатурномъ. Такъ являлся г-нѣ Кирхнеръ въ пьесахъ: *Мнимая Каталани* и *Мнимая Зонтабъ*, сходныхъ между собою по содержанію. Молодой человекъ, увлекаемый страстію, желаетъ получить руку молодой дѣвицы и рѣшается въ видѣ женщины обмануть смѣшныхъ своихъ совмѣшниковъ, обративъ на себя ихъ расчепливую виду.

Должно отдашь справедливостъ таланту г-на Кирхнера: онъ выполнилъ ролю свою съ особеннымъ искусствомъ. Тѣ сцены, въ коихъ онъ былъ вмѣстѣ съ любимцемъ Московской публики, г-мъ Пивко, особенно занимательны. Они отвѣчали другъ другу на малѣйшее движеніе. Зрители, поздне прѣхавшіе въ театръ и заславшіе Кирхнера въ женскомъ нарядѣ, до того были очарованы, что не узнали мужчины въ поющемъ Кирхнерѣ и одни быстрые переходы отъ сопрано съ нѣжными руладами въ густой басъ выводили ихъ изъ заблужденія. Великолепный, нарядный костюмъ, приемы и обороты до того обворожительны, что и послѣ, когда онъ, снимая накладныя пукли, обнажалъ одну изъ маленькихъ своихъ баккенбардъ, въ немъ хотѣли видѣть актера-амфибію. Какую лучше похвалу приписать мужинѣ, желающему представитъ женщину! Сверхъ того природа не скупилась при рожденіи Кирхнера (къ нему неидеть стихъ Овидія: *Dum dubitat natura etc.*): и въ мужскомъ платьѣ онъ стройный, видный мужчина; можешь быть, ошибкою дано ему два голоса. — Само собою разумѣется, что сіи піесы, пригопвляемыя на случай; основаны на фарсахъ, и что Автору для занимательности должно прибѣгать къ разнымъ другимъ фарсамъ, дабы замѣнить пустоту содержанія. Такъ и въ Мнимой Капалани были маскарадныя явленія, кои встрѣчались намъ въ саду при лѣтнемъ домѣ Нѣмецкаго клуба въ Москвѣ. Не почитаю нужнымъ говорить здѣсь о томъ, какое мѣсто занимають фарсы въ театральныхъ представленіяхъ; о томъ, что сцена должна ограничиваться условіями, общими для всѣхъ изящныхъ искусствъ;

что тамъ, гдѣ желаешь видѣть людей, какими они суть, или какими бытъ должны, досадно видѣть пшиць, звѣрей и мнимые оптическіе обмань. Замѣчу однакожь, что піесы, основанныя на однѣхъ шуцкахъ, не могутъ бытъ главною цѣлю театра. Въ семъ отношеніи должно опдаться справедливосшь Нѣмецкой шруппѣ. При обиліи въ комическихъ актерахъ, при множествѣ Нѣмецкихъ піесъ сего рода и при немаломъ числѣ зрительей, охотниковъ до смѣха, они умеренно прибѣгаютъ къ сему средству нравиться. Всего рѣшительнѣе можно предсказать успѣхъ Нѣмецкой шруппы, когда она будетъ давать оперы и замѣнитъ ушрапу, понесенную въ г-нѣ Миллерѣ, подобно какъ г-жу Польманъ нѣкошорымъ образомъ замѣнила новоприбывшая г-жа Зенгеръ. Не прибѣгая къ другимъ доказательствамъ сего предположенія, можемъ привести то, что въ данныя оперы огромный Петровскій Театръ былъ наполненъ зрителями; напротивъ, не слишкомъ много явилось охотниковъ сморѣть на сколокъ съ мнимой Капалани на мнимую Зоншагъ (*).

Андрей Волжскій.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я,

П у с т ы н н и к ъ.

Зари багряной свѣтлой ризой
Облекшись Фебъ, свой образъ скрылъ;
И непримѣтно Весперь сизою
Съ небесъ на землю нисходила.

(*) Гравированный портретъ знаменитой талантомъ и красотою пѣвицы Заншагъ можно получить въ редакціи Дамскаго Журнала. *Изд.*

Любуясь тихою зарею,
 Пошла я медленной споюю
 Бродить въ сосѣдній, шемный боръ —
 И малознаемой пропою
 Мой скоро былъ обманушь взоръ.
 Еще вечерняя порфира
 Алѣла въ розовыхъ вѣнкахъ,
 И море чистаго эфира
 Бѣлѣло въ дальнихъ облакахъ;
 Но бысть въ безвѣспномъ ошдалены,
 Во мракъ бора и одной, —
 Безъ спущника въ уединены,
 Мечшашъ съ подругою — луной,
 Хотя сродно юности безпечной;
 Но отрахъ мнѣ члены оковаль,
 И тихо о разлукъ вѣчной
 Какъ будшо кщѣ - що прошепшашъ!
 Вдругъ слышу: въ мракъ раздаешся
 Ужасный сердцу скорбный стонъ;
 Спѣшу туда, гдѣ слышенъ онъ;
 Передо мной шропинка вѣшешся.
 И вижу. . . старецъ шамъ лежалъ,
 Болѣзньо шяжкой угнешенный;
 Казалось, онъ ужъ не дышалъ;
 Въ самозабвенье погруженный,
 Лишь быспрымъ изрѣдка огнемъ
 Въ немъ потрясались жизни силы;
 И печашлѣлась ужъ на немъ
 Последняя печать могилы,
 На небо взоръ свой ушпремивъ,
 Онъ будшо бы на - мигъ забылся,
 И вздохъ последний испуштивъ,
 Онъ въ лучшей мѣрѣ переселился.
 Въ безмолвіи на шрупъ глядя,
 Молишся я о немъ хошѣла,
 И возсылашъ мольбы не смѣла! . . .
 Онъ шамъ . . . молился за меня!

Сей старецъ мирно опочившій
 Вдали заботъ и всѣхъ суешъ, —
 Отъ міра тайно удалившись,
 Здѣсь чистый исполнялъ обѣтъ;
 Презрѣвши въ жизни все мірское,
 Лишь къ небу духъ свой успрямлялъ;
 И не о временномъ покоѣ,
 О вѣчномъ Бога умолялъ. —
 Уже давно всѣ почитали
 Небеснымъ жителемъ его,
 И въ чемъ ему ни помогали,
 Не принималъ оуъ ничего. —
 Вблизи отъ шоль была пещера,
 Созданная его трудомъ;
 Ее приюстиала вѣра
 Своимъ Божественнымъ крестомъ.

Дарья Лобанова.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Подлинныя письма ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ОЕОДОРОВНЫ къ Графу Н. П. Толстому.

(Продолженіе.)

10.

Графъ Николай Петровичъ! Я конечно не сомнѣваюсь, что въ столько трудныя для доставленія кормилицъ времена, какъ наступленіе масленицы и приближеніе вообще большихъ праздниковъ, предпримите вы всѣ нужныя мѣры и предосторожности къ отвращенію недоспашка въ кормилицахъ (*). *Но безпрестанно*

(*) ГОСУДАРЫНЯ была предувѣдомлена о всѣхъ затрудненіяхъ передъ праздниками нанимать, или приглашать

помышляя и заботясь о спасеніи бѣдныхъ дѣтей, единымъ нашимъ попеченіемъ сохраняемыхъ (*), спѣшу предупредить васъ, что Я въ таковыхъ случаяхъ позволяю даже выходить изъ предписаннаго числа *сорока пяти* запасныхъ кормилицъ, и, если опасаетесь въ нихъ недоспашка, доставлять болѣе, о чемъ писала Я уже и къ Николаю Ивановичу Баранову (*съ которымъ вамъ надобно переговорить* (**)). Въ прочее время означенное число конечно доспашочно будетъ и превышеніе онаго причиняло бы только излишніе расходы (***) . Полагаясь впрочемъ на ваше усердіе и благоуміе, пребываю вамъ благосклонною.

МАРІЯ.

Въ С. - Петербургѣ.

3го Февраля 1803 года.

Г-ну Почетному Опекуну Графу Толстому.

къ чему - либо свободныхъ людей, и потому всегда предостерегала своихъ подчиненныхъ сими словами : „*Ради Бога не доведите до праздника!*“ М.

(*) Кто не скажетъ, что это золотыя слова истинной Матери - Попечительницы ! М.

(**) Слова собственноручныя. М.

(***) Не шакъ ли обязаны и думать, и дѣлать все завѣдывающее хозяйствомъ, повѣреннымъ кому - либо отъ Отечества и для Отечества ? Мы видимъ и знаемъ, что никто лучше и больше ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ не заботился о благосостояніи дѣшей, ввѣренныхъ самимъ Провидѣніемъ ЕЯ попеченію, и никто не былъ осторожнѣе въ распоряженіяхъ хозяйственныхъ. Любовь къ ближнему и любовь къ порядку не раздѣляются ни въ какомъ случаѣ. М.

11.

Графъ Николай Петровичъ! ИМПЕРАТОРЪ, Любезнѣйшій Сынъ МОЙ (*), препоручилъ МНѢ доставить къ вамъ приложенный при семъ знакъ благоволенія ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА за труды, вами въ исправленіи возложенной на васъ должности понесенные. Я увѣрена, что такое Монаршее къ вамъ расположеніе послужитъ еще вѣщимъ поощреніемъ къ ревностному и рачительному продолженію вашихъ щедраній (**), и пребываю вамъ благосклонною.

МАРІЯ.

Въ С. - Петербургѣ.

10 го Февраля 1803 года.

Г-ну Почетному Опекуну Графу Толстому.

С М Ъ С Ъ.

К О Н Ц Е Р Т Ы.

1.

Г-на Грасси, въ залъ Большаго Петровскаго Театра, 2 Февраля.

Г-нъ Грасси, первый солистъ Императорскаго Московскаго Театра, извѣстенъ Московской и С. - Петербургской публикѣ своимъ отличнымъ талантомъ и есть безъ сомнѣнія *первый скрытъчъ* въ здѣшней Сполитцѣ. Необыкновенная быстрота, легкость и пріятность суть главный характеръ игры его, украшаемой блестящими спокато, въ кошорыхъ сей Ар-

(*) АЛЕКСАНДРЪ Благословенный. М.

(**) Какой языкъ Машери въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ! Единственное, благодатное семейство! Великій примѣръ родственной любви и дружбы въ цѣломъ мірѣ! М.

писшь опмѣнно искусенъ, и двойными ношами, споль сладосными подъ нѣжнымъ смычкомъ его.

Въ первой часпи, за уверпюрой Бешгове-на, г-нъ Грасси игралъ концершь своего сочи-ненія, опличающійся полношою и гармонією, до-казывающими шаланшь авшора и въ композиціи. *Соло* исполнены мыслей и чувствъ По-шомъ г-нъ Тишовъ, шакже извѣсшный своимъ шаланшомъ Московскій Арписшь, игралъ, или лучше сказашъ, пѣль на пріяшнвйшемъ изъ ду-ховыхъ инспрументшовъ, кларнешъ, Польскій съ речипашивомъ, соч. Вермана. — Далъе, г-нъ Грасси игралъ большой Польскій Майзедера, который безъ сомнѣнія аплодировалъ бы съ нами г-ну Грасси.

Во вшорой часпи, послѣ прекрасной увер-пюры г-на Эссаулова, г-нъ Баншышевъ, Мо-сковскій соловей, пѣль каншашу: *Черная шаль*, споль же знаменшпую, какъ самая *Шаль*, сочи-ненную однимъ изъ опличныхъ нашихъ гармо-нишовъ, г-мъ Вершшовскимъ.

Наконецъ герой концерша игралъ свои вари-аціи, ознаменованныя шонкимъ вкусомъ и опыш-нымъ мастершвомъ.

Примѣрный скромношю, для великаго ша-ланша, г-нъ Марку, игралъ на своемъ магиче-скомъ виолончель въ оркестрѣ.

2.

Г-дъ Гебеля и Шульца, въ залъ Большаго Петровскаго Театра, Марта 1го.

Сему концершу предшествовала большая новая симфонія (en Re majeur) г-на Гебеля, пре-красная, но слишкомъ большая для концерша.

Послѣ оной г-нъ Гебель, отличнѣйшій изъ Московскихъ аршистовъ, игралъ на фортопьяно концертъ (en fa dièze mineur) своего же сочиненія и также прекрасный. Г-нъ Бантышевъ пѣлъ арію изъ оперы: *Снѣгъ*. Г-нъ Шульцъ на арфѣ, а г-нъ Марку на виолончель играли концертъ Бокса. Ничего не можешь быть пріятнѣе соединенія сихъ двухъ инструменстовъ, а особливо когда они въ рукахъ. . . Шульца и Марку!

Вторая часть концерта началась восхищительнымъ анданте, на тему: *Боже, спаси Царя*, изъ второй симфоніи г-на Гебеля. Помощь нашъ славный Бардъ, г-нъ Шульцъ, игралъ на арфѣ съ оркестромъ собственныя прекрасныя варіаціи на маршъ АЛЕКСАНДРА. Г-нъ Бантышевъ пѣлъ Итальянскую арію, соч. Россини, но пѣлъ немного хуже, нежели какъ онъ поетъ *соловьевъ*.

Въ заключеніе концерта г-нъ Гебель игралъ на фортопьяно фантазію и рондо своего же сочиненія, исполненнаго красотъ музыкальныхъ.

Оркестры составляли первые аршисты Императорскаго Московскаго Театра. Дирижировалъ г-нъ Никола.

3.

Въ Россійскомъ Благородномъ Собраніи, 4 Марта.

Г-жа Туссенъ, пріѣхавшая сюда изъ Варшавы и названная въ *аффишахъ* первою пѣвицею Королевскихъ Неаполишанскихъ театровъ, была главнымъ предметомъ, привлечшимъ лучшее общество столицы въ сей концертъ, начавшійся Керюбиніевою увертюрою изъ оперы: *Фаниска*. Помощь г-нъ Шульцъ игралъ своего со-

чиненія шанзазіи на арфѣ, и едва очаровательные звуки ея умолкли, какъ явилась кантаприса и запѣла Итальянскую арію, соч. Челли. Далѣе г-нъ Марку игралъ на віолончель *rot. rougit*, соч. Доццауэра. Хоръ изъ Гейденовой Орапоріи: *Сотвореніе міра*, заключилъ первую часть.

Вторая часть началась увертюрою изъ оперы: *Эсонда*, соч. Шпора, послѣ чего г-жа Туссенъ пѣла Россиніеву арію: *Di piacer mi balza il cor*; г-да Шульцъ и Марку играли на своихъ инструментахъ ноктюрнъ Бокса, и кончилась большимъ хоромъ изъ той же Орапоріи.

Но что мы скажемъ въ особенности о Неаполишанской Прима - доннѣ - сопрано? Она поетъ громко, и пѣла во второй части лучше, нежели въ первой. Больше на первый разъ ничего не можемъ сказать о талантѣ сей кантаприсы; что же касается до ея особы, то она уже не въ первой молодости и потому нимаю не *застѣнчива*: обстоятельство, весьма важное въ *нѣннѣ*.

П а р и ж с к і я м о д ы .

„Мода есть тиранъ, вертящійся въ одномъ кругу,“ сказалъ Лемьеръ. Ничего нѣтъ справедливѣе сей мысли. Одежда, обычаи, слова — все выходитъ изъ употребленія для того, чтобы снова явиться. Съ тѣхъ поръ, какъ мода бросилась на готическіе слѣды, она идетъ большими шагами, и наши дамы вовсе не подозреваютъ, что онѣ принялись за древній нарядъ своихъ прабабушекъ. Наприм. рукава à *gigot* или à *Pimbécile* такъ славились въ Италіи четырнадцатаго столѣтія, злоупотребленіе оныхъ было столь велико, что многіе писатели говорили объ нихъ въ сатирическихъ выраженіяхъ. „Я вижу со всѣхъ сторонъ“ гово-

рипть. *Франко Сазетти* въ своемъ *Canzonni* „шакъ много рукавовъ ужасныхъ и столь различнаго вида, что съ трудомъ могу исчислить ихъ. Нѣтъ шакого полсшаго корпуса, которій бы не могъ войти въ нынѣшній рукавъ. Дамскіе рукава должно называть мѣшками. Была ли когда-нибудь мода, столь печальная и столь невыгодная для красоты?“

Но вкусъ къ широкимъ рукавамъ быстро исчезаетъ. Нынѣ руки плотно обтянуты отъ локтя до кисти. Только верхняя часть сохраняетъ безмѣрное пространство.

Мужскія моды.

Бальный фракъ — свѣтлосиній съ воротникомъ и оплечами, подбитыми чернымъ бархатомъ; пуговицы золотыя или серебряныя съ выпуклымъ узоромъ; жилетъ изъ бѣлой шелковой матеріи съ маленькими серебряными букетами; галстукъ изъ бѣлаго апласа; панталоны узкіе изъ чернаго казимира; чулки черныя шелковыя; башмаки лакированные; шляпа эластическая изъ чернаго бархата.

— Подъ жилетъ изъ бѣлаго пике надѣвается жилетъ изъ шелковой матеріи, выпканной серебряною канителью. Небесно-голубые жилеты изъ такой матеріи опмѣнно красивы.

— Шляпы съ маленькими и приподнятыми полями имѣють совершенно коническую форму.

Изъясненіе картинки при сѣмь No.

Фиг. 1. Платье изъ газа Донны Маріи. Прическа убрана цвѣточнымъ клубучкомъ (chapeçon).

Фиг. 2. Шляпа Неаполишанская. Галстукъ бархатный. Жилетъ гроденаплевый. Реденготъ съ воротникомъ и оплечами изъ одного куска.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чтобы, по оппечатаваніи, представленны были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Марта 8го дня, 1850 г.

Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергій Глинка.

1.

2.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУСКИХЪ
ЖЕНЩИНЪ - АВТОРОВЪ.

(Продолженіе.)

14.

Марья Григорьевна Орлова.

Гавріиль Романовичъ Державинъ, будучи Губернаторомъ въ Тамбовѣ, умѣлъ влюбить многихъ изъ шамошнихъ жишелей и въ липшпературу, и въ шеапръ, въ особенності же въ семь случаѣ онъ обратилъ все вниманіе на дамъ, какъ на первыхъ споспѣшествовательницъ къ образованію вкуса. Дѣвица *Марья Григорьевна Орлова* (*) была одною изъ досшойныхъ уче-

(*) Опять, къ сожалѣнію, намъ не извѣстно, перемѣнила ли Орлова свою фамилію?

ницъ его и во многихъ поржешственныхъ про-
 логахъ, сочиненныхъ Державинымъ на разные
 предметы въ бытность его въ Тамбовъ, всегда
 занимала какую нибудь роль. Въ прологъ на
 день открытія памъ шеатра и народнаго учи-
 лища, разыгранномъ 1786 года въ день Тезо-
 именишства Великой Екашерины (24 Ноября),
 Орлова являлась на сценѣ *Мельпоменою*. Мы
 еще помнимъ, какъ намъ рассказывали о величе-
 ственномъ ростѣ Орловой, о важной и привле-
 кашельной красотѣ ея лица, настоящей — Мель-
 поменъ! Другіе съ удовольствіемъ также вспо-
 минають о масперствѣ чшенія сей ученицы Державина и еще весьма швердо повторають спи-
 хи, произнесенные красавицей - Мельпоменою:

„Я все противное законамъ, правдѣ, чести,
 „Любви къ Отечеству и вѣрности къ Царю, —
 „Все то, что по слѣдамъ пойдетъ коварства, лести,
 „И возродитъ въ сердцахъ крамолы, бунты, прю,
 „Не пощадя себя, на жертву принесу;
 „Иль съ тѣмъ умру, или Отечество спасу (*)!“

Говоряшъ, что когда окончился сей прологъ,
 и Державинъ, какъ хозяинъ и шворецъ праздни-
 ка, благодаря Марью Григорьевну и всѣхъ про-
 чихъ своихъ Актеровъ за успешное представле-
 ніе, поцѣловаль у нея руку, и примолвилъ: *«Съ
 шакими чувствами и — съ этими только го-
 лубыми глазами должна быть наша Мельпо-
 мена, а другую Руская сцена не допуститъ
 явиться передъ зрителями!»*

Въ Литшпературныхъ собраніяхъ, бывшихъ
 въ Тамбовѣ у Державина, Марья Григорьевна
 читала и писала многое подъ его Гораціанскою

(*) Державинъ. Трмъ. IV, сшрап. 18я.

диктатурою, а въ 1788 году перевела съ Французскаго и напечатала (въ Тамбовѣ же) въ двухъ частяхъ романъ: *Аббатство, или замокъ Борфордской.*

15.

Клеопатра . . . , Сарафъ , или Сарафова.

Сія Писательница извѣстна у насъ какъ умная, ученая Армянка, спаравшаяся ознакомить своихъ соотечественниковъ съ Россійскимъ языкомъ, и для того сочинивши на языкъ *Армянскомъ учебную книгу*, содержащую въ себѣ *ключъ познанія* букваря, словаря и нѣкопрыхъ правилъ нравоученія, 1788 года живучи въ С.-Петербургѣ, сама же перевела сію книгу на Россійской языкъ и напечатала ее въ шипографіи Халдарова. Щасливая тогдашняя война съ Турцією, доставившая намъ въ руки Очаковъ и множество выгодъ, обращала на себя особенное вниманіе всѣхъ Азіятскихъ Христіанскихъ народовъ, и въ особенноти торговые Армяне полько въ Екатеринѣ видя свою Избавительницу, толпами сбѣгались подъ Ея Державу. Но незнакомые ни съ языкомъ, ни съ обычаями Государства, имъ благодѣшельствовавшаго, они въ ученой помощи своей соотечественницы находили для себя самое важное пособіе и — благословляли ее.

16.

Княгиня Варвара Васильевна Голицына.

Супруга Князя Сергія Федоровича, урожденная Энгельгардшъ. Живучи въ Тамбовѣ, во время бышности тамъ Державина, также занима-

лась опечесшвенною Словесностію, и въ 1790 году перевела съ Французскаго и напечатала въ Тамбовѣ въ *двухъ частяхъ* романъ: *Заблужденіе отъ любви, или письма отъ Фанеліи и Мальфорта*. Переводъ сего романа почитали однимъ изъ лучшихъ въ погдашнее время — и Державинъ, препровождая экземпляръ онаго *Хераскову*, какъ свидѣтельствуетъ словесный разсказъ современниковъ, гордился успѣхами своихъ Тамбовскихъ лишперашоровъ. „Нашъ степной Тамбовъ“ — шакъ, или почти шакъ писалъ нашъ Горацій — „цвѣшетъ и зрѣетъ необыкновенно скоро: у насъ и Талія и Мельпомена, — свои Феокрипы, свои Сафо, все свое. — Прочтите нашъ новый романъ; да послужишъ онъ многимъ изъ вашихъ указкою и по выбору и по слогу. Въ Столицахъ не всѣ шакъ переводяшъ,“ и проч.

17.

Анна Муравьева.

Принадлежитъ шакже къ небольшому числу нашихъ женщинъ-лишперашоровъ-переводчицъ. Живучи въ Москвѣ, она перевела съ Французскаго, а въ 1791 году напечатала, лишперашурную новость: *Примѣръ матерямъ, или приключенія Маркизы де Безіеръ*.

18.

Маргарита Николаевна Струйская.

Въ государствованіе Екатерины Великой былъ нѣкто дворянинъ, Николай Струйскій. Эпошъ Струйскій былъ и прозаикъ, и стихотворецъ, но еще болѣе, нежели самъ, онъ извѣ-

спень необыкновенною своею преданностію къ нашему прагику Александру Петровичу Сумарокову, въ память кошораго написалъ *Апологию къ потомству, или начертаніе свойствъ и нрава Александра Петровича Сумарокова* и проч. Маргарита Николаевна, дочь эшаго Спруйскаго, раздѣляла лишшерашурные шруды съ своимъ родителемъ, не скучала его философическою жизнію и не рѣдко препровождала съ нимъ цѣлыя недѣли на обсервашоріи, усшроеной шогда въ ихъ Пензенской волшчинѣ; а въ свободные часы, шакже подѣ дикшапурою родительскою, занималась переводами. Изъ сихъ переводовъ намъ извѣшенъ только одинъ съ Французскаго языка, напечатанный въ С.-Пешербургѣ 1791 года, а именно Философическая книжка изъ сочиненій *Григоріа: Завѣщаніе нѣкотораго отца своимъ дочерямъ*. — Сія книга весьма назидательна, и до 1822 почипалась уже большою рѣдкостію. Въ семь же году она была переведена вновь Г. А. *Боровковымъ* и напечатана въ С.-Пешербургѣ въ Типографіи Воспитательнаго дома.

19.

Княжна Катерина Михайловна Волжонская.

Живучи въ Пешербургѣ, вмѣстѣ съ сестрою своею, Княжною Анною (*), перевела и напечатала въ 1792 году весьма полезную для Натуральной Исторіи книгу: *Разсужденія о разныхъ предметахъ природы, художествъ и наукъ*, въ двухъ часшяхъ. Профессоръ Озерец-

(*) Въ послѣдствіи Карину, женою извѣснаго энциклопедиста Э. Г. Карина.

ковскій и многіе другіе изъ нашихъ ученыхъ естествоиспытателей отдавали всю должную справедливосшь щасливому выбору переводчицы и хвалили самый переводъ ихъ, не запрудненный даже и при техническихъ выраженіяхъ — науки, столь много замѣчательной, въ особеноспи подъ перомъ женщины! — Любопытно слышать, если вѣришь расскажемъ, что Д. В. Фон - Визинъ, почти предъ самою своею кончиною, узнавши о почтенномъ прудѣ Княженъ Волконскихъ, съ удовольствіемъ писалъ, или говорилъ одному изъ пріятелей слѣдующее: »Прочти переводъ Княженъ Волконскихъ; его скоро напечапаюшь, и ты увидишь, что при изображеніи моей *последней Софьи* я еще весьма мало *задалъ* ей ученоспи: наши Россіянки начали уже и сами знакомишь насъ съ Бонешами и Бюффонами,« и проч.

20.

Анна Корсакова.

Въ 1792 году перевела съ Нѣмецкаго и напечатала въ С.-Петербургѣ въ Императорской Типографіи философическую книжку изъ сочиненій *Ш. . . ра: Разсужденіе объ истинномъ величествѣ человека.*

(*Будетъ продолженіе.*)

Балъ бѣдныхъ ().*

Знаменитому празднику, бывшему въ Оперномъ домѣ, приданъ послѣдній блескъ програ-

(*) Мы нашли сію интересную статью въ *Petit Courrier des Dames*, и посвящаемъ ее любительницамъ музыки,

пельною импровизаціею Французской Коринны, копорая въ семь новомъ вдохновеніи своемъ явила геній поэта и чувствительность женщины.

Gloire aux coeurs généreux, inspirés par Gaumône,
 Qui, nous associant aux largesses du trône,
 Et volant au secours du malheur abattu,
 Ont montré des Français la plus belle vertu!
 Long-tems de cette fête on redira l'histoire;
 Le riche et l'indigent béniront sa mémoire.
 Quel luxe! quel éclat! Ce soleil de cristal,
 Ces diamans, ces fleurs, ces feuillages de lierre,
 Ces panaches légers flottant sous la lumière
 Semblaient réaliser un songe oriental;
 Tous les coeurs s'enivraient de la même harmonie
 Tous partageaient l'éclat d'une bonne action.

Ah! de l'éternelle union

Était-ce la cérémonie? . . .

Mon coeur ému senti, à ce brillant aspect,
 D'un orgueil tout français les nobles jouissances:
 J'admire dans ma joie, avec un saint respect,
 Cette fraternité de toutes les puissances;
 La noblesse des rangs, la noblesse des arts,
 Les soutiens novateurs d'une riche industrie,
 Mêlés à ces guerriers, honneur de la patrie,
 Dont l'Europe soumise a vu les étendards;
 Et cette autre puissance, habile enchanteresse,
 Ces femmes dont la grace est une autorité,
 Qui venaient d'employer leurs charmes, leur adresse

A demander la charité;

Ce Prince, rayonnant de bonheur, d'espérance,
 Qui n'a jamais souffert et qui plaint la souffrance;

De nos plaisirs combien il triomphait!

Son nom retentissait dans la foule ravie;

A peine il entre dans la vie,

Son premier pas est un bienfait.

Observant de chacun la bienveillance active,

Je prêtai aux discours une oreille attentive;

J'aimais des étrangers les éloges flatteurs.

давшимъ концертъ 12 Марта, и Французской Коринны, славящейся нынѣ стихами Дельфины Ге. Изд.

„Paris“ se disaient ils „est une ville heureuse
 „De pouvoir, en un jour, être si généreuse,
 „Et compter tant de bienfaiteurs.“

Et moi, fière de voir tout ce peuple de frères,
 Ces intérêts rivaux et ces partis contraires,
 Que l'exemple royal avait su rassembler,
 Je disais: C'est en vain qu'on cherche à nous troubler,
 Ce charitable jour est plus qu'un jour de fête;
 C'est un présage heureux, un destin qui s'apprête:
 Au nom du bien de tous, nos débats vont finir;
 Ces partis opposés, qu'un même bonheur enflamme,
 Bientôt, comme aujourd'hui, viendront se réunir,
 Et je sens à l'espoir dont s'inspire mon ame
 Qu'en chantant ce beau jour je parle d'avenir.

Delphine Gay.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Ч е д и н е н і е.

Прими подь сѣнь свою свяшую,
 Прими любимицу свою!
 Оставивши спрану родную,
 Спѣшу въ обитель я швою;
 Я жертвую тебѣ друзьями,
 Весельемъ, роскошью, собой;
 Навѣкъ прощаюсь съ суедами:
 Иду бесѣдовать съ шобой.
 Отъ шумнаго укроюсь свѣта
 Подь швой спокойный, тихій кровъ;
 Тебѣ опдамъ весенни лѣта
 И жизнь начну какъ будшо вновь.
 Души веселье и свобода
 Пойдушъ меня сопровождашъ;
 Тамъ другомъ будетъ мнѣ природа, —
 Ее лишь буду созерцашъ;
 Ея красою восхищашься
 И чистымъ воздухомъ дышашъ;
 Прохладной шѣнью наслаждашъся,
 Мечшы любимыя пипашъ.

Когда жь природа обнажится
 Суровой осени рукой
 И красоты своей лишится ;
 Тогда вечернею порой
 Я стану , сидя у камина ,
 О бывшемъ щастіи мечтать :
 Тебя , цвѣшущая долина !
 Въ увядшемъ сердцѣ вспоминать.

Дарья Лобанова.

Э К С П Р О М Т Ъ

Князю Егору Александровичу Дадьянову.

Кто свѣшлюю цвѣшешь душою ;
 Кто сердцемъ жизнь даетъ всему ,
 Какъ мнѣ не пожелать тому :
 „Чтобъ былъ всегда хранимъ судьбою ?“

Пой щастіе , рисуй , пиши (*) !
 Тамъ отголоски все души ,
 Гдѣ жизнь передаетъ намъ чувство :
 Дадьяновъ ! вопъ швое искусство.

Метатель.

На подарокъ прекрасною чайкою необыкновенной величины , полуценный авторомъ отъ дамы.

Судьба ! я швоего опнынъ самовлашья
 Надъ земнородными нимало не спрашусь ,
 И въ сердцѣ надъ побой самую возношусь :
 Въ рукахъ моихъ фіаль шайншвеннаго щастья !

(*) Относится къ упражненіямъ Князя Дадьянова , извѣстнаго своими сочиненіями о музыкѣ. *Изд.*

С М Ъ С Ъ.
К О Н Ц Е Р Т Ы.

1.

*Въ пользу Московской Глазной Больницы,
12 Марта, въ большой залъ Благорода-
наго Собранія.*

Никогда благое дѣло не увѣнчивалось такимъ щасливимъ, такимъ блестящимъ и такимъ достопамятнымъ успѣхомъ. Небо послало спраждущему человечеству Ангела - Ущѣшителя: ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, споль внезапно обрадовавшій древнюю столицу вождѣлннѣйшимъ прибытіемъ СВОИМЪ, пожелалъ присуствовать въ концертѣ, предназначавшемся 20го Марта Комитетомъ Глазной Больницы — и 12е число сего мѣсяца пребудетъ дослославнѣйшею эпохою въ ея лѣтописяхъ.

Любительницы и любители музыки предприняли украсить олшарь благошворительности своими отличными шаланшами въ пользу сей Больницы.

Самая блестящая и самая многочисленная публика, съхавшаяся очень рано, какъ для собственнаго блага, неперпѣливо ожидала Августѣйшаго Посѣшителя. ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ прѣхать съ Прусскимъ Принцемъ Альбертомъ, и концертъ начался увертюрою Бетговена, послѣ которой Елисавета Алексѣевна Акулова и Прасковья Арсеньевна Бартенева пѣли большой дуэтъ изъ оперы: *Семирамида*. Кагерина Аполлоновна Рахманова играла на форшпельяно рондо Гуммеля. Елисавета Алексѣевна Акулова пѣла арію съ хорами (*Madôve*), соч. Меркаданше. Прасковья

Арсеньевна Баршенева и г-да Фе и Фельцманъ пѣли пріо съ хоромъ, соч. Реджини.

Во второй части, за Веберовою увертюрою, Анна Сергеевна Шереметева пѣла речитативъ и романсъ изъ оперы: *Тебальдо и Изоллина*, соч. Морлаки, съ аккомпанированіемъ арфы и флейшъ, на копорыхъ играли г. Шульць и Князь М. Н. Голицынъ. Кашерина Петровна Озерова играла на фортепьяно концершъ Рисса.

Концершъ заключилъ хоромъ, болѣе нежели изъ придцапи дамъ соспоявшимъ, съ двумя арфами, на копорыхъ играли Кашерина Петровна Киндякова и Анна Дмитриевна Шульгина.

Въ оркестрѣ участвовали извѣстные любители музыки. Онъ былъ управляемъ г-мъ Морини.

По окончаніи концерша ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изволилъ шотчасъ уѣхать, сопровождаемый Принцемъ, Московскимъ Военнымъ - Генераль - Губернаторомъ и другими Особами.

Въ залѣ находилось 2175 человекъ; на хорахъ 600. Назначенная цѣна билету за входъ въ концершъ была: въ залу 10 р., на хоры 5 р. асс.; многіе давали болѣе. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ за поднесенный ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ билетъ пожаловалъ 5000 рублей.

Сей концершъ останешся навсегда незабвеннымъ въ шрехъ отношеніяхъ, весьма рѣдко бывающихъ вмѣстѣ: по благошворной цѣли, по превосходному исполненію всѣхъ частей и по Высочайшему присущствію обожаемаго МОНАРХА.

2.

У Господина Гражданскаго Губернатора,
Марта 9.

Въ 10 часу вечера обширный прекрасный домъ Его Превосходительства, Г-на Граждан-

скаго Губернатора, Николая Андреевича Небольсина, наполнился лучшимъ обществомъ столицы, блиставшимъ опличными нарядами дамъ: ожидали Прусскаго Принца Альберта. Его Высочество изволилъ прїѣхать со свитою Своею около 10 часовъ, и вскорѣ былъ приглашенъ почтенною хозяйкою въ залу, гдѣ пошчасъ загремѣлъ оркестръ концерша, состоявшаго въ слѣдующемъ.

Часть первая.

1. Большая Веберова увертюра изъ Фрейшица.
2. Г. Миллеръ пѣлъ арію, соч. Россини.
3. Г. Шульцъ игралъ на арфѣ фанпазію своего сочиненія.
4. Г-жа Туссенъ пѣла арію, соч. Пуччиша.
5. Дѣвица Адамъ играла на фортепьяно рондо изъ 3 го Риссова концерша.
6. Г. Булаховъ пѣлъ Рускую пѣсню.
7. Г. Марку игралъ на віолончель Шведское рондо, соч. Ромберга.

Часть вторая.

8. Г. Семеновъ игралъ на скрипкѣ вариаціи Роде.
9. Г-да Шульцъ и Марку играли большой дуэшь на арфѣ и віолончель.
10. Г-жа Туссенъ пѣла съ г-мъ Челли дуэшь, соч. Россини.
11. Финаль.

Роскошное угощеніе, можно сказать, не прерывалось во все продолженіе концерша, предъ окончаніемъ кошораго прїѣхалъ Генераль - Адъютантъ Бенкендорфъ, попомъ Московскій Военный Генераль - Губернаторъ, Князь Дмишрій Владиміровичъ Голицынъ, Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, Графъ Пешръ Александровичъ Толшой — всѣ ошь Генераль - Адъютанша, Князя Алексѣя Григорьевича Щербашова,

у котораго въ пошъ вечеръ изволилъ бышь
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ.

Многія изъ пріѣхавшихъ въ Москву съ ЕГО
ВЕЛИЧЕСТВОМЪ Особъ находились въ семь
достопамяшномъ концершъ, за которымъ по-
слѣдовалъ великолѣпный ужинъ на двухъ боль-
шихъ сполахъ, убранныхъ со вкусомъ и богат-
ствомъ, въ двухъ боковыхъ комнацахъ, и болѣе
нежели на пѣнадцати маленькихъ споликахъ
въ прочихъ комнацахъ. Царшвенный Госпъ
сидѣлъ за однимъ изъ первыхъ съ дамами. Юный
Принцъ опмѣнно любезень, ласковъ, привѣпливъ.

Почтенный хозяинъ имѣлъ щаспіе въ пошъ
самый день получишь Высокомонаршую милоспъ:
Орденъ Св. Анны перваго класса.

3.

Артистовъ Конскихъ, 5 Марта.

Опъѣзжающее опъ насъ иншересное семей-
ство г-на Конскаго прощалося съ публикою симъ
концершомъ, однимъ изъ самыхъ необыкновен-
ныхъ въ музыкальномъ мірѣ: пѣшера дѣшей од-
ного семейспва равно плѣняющъ своими шалан-
шами, своимъ искусствомъ!

11 - Лѣпній Аншоній игралъ на форшепьяно
большой концершъ Фильда, почти какъ самъ
Фильдъ; 15 - лѣпній Карлъ на скрыпкѣ большой
концершъ Шпора и большія варіаціи Липинска-
го, чрезвычайно шрудныя, съ шакимъ совер-
шенствомъ, которому не могли надивишься и
самые знашоки, и самые аршисшы. Юная, пре-
красная дѣвица Евгенія Конская пѣла Россиніе-
ву кавашину и арію изъ оперы: *Волшебный Стрѣ-
локъ*, очень хорошо — самымъ чисшымъ, гиб-
кимъ и пріяннымъ коншральшомъ. 8 - Лѣпній
Шаниславъ игралъ на форшепьяно блисшашель-

ныя варіаціи Блахешки — и блиспаль силою, быспропою, выразишельностію неимовѣрными.

Наконецъ явился на нѣкошоромъ возвышеніи прелестный чепырежь - лѣпнїй малюшка Аполинарїй, сущїй Амуръ Фальконешовъ, съ маленькою скрипочкою, на которой игралъ блиспапельныя и длинныя варіаціи Любина шакъ вѣрно, шакъ швердо, шакъ мило и шакъ шерпѣливо, что всеобщее удовольствїе непрестанно изливалось въ громкихъ рукоплесканїяхъ, а особливо когда при паузахъ своихъ крошечный аршистъ съ важностїю означалъ мѣру спрогимъ смычкомъ своимъ. Дамы расцѣловали малюшку, имѣвшаго щастїе играть при ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЬ въ концерштъ, бывшемъ 8 Марша въ Благородномъ Собранїи.

Въ концерштъ было очень много дѣшей обо его пола, изъ которыхъ безъ сомнѣнїя большая часть занимается музыкою: дѣши - аршисты были для нихъ живымъ урокомъ.

Мы сопровождаемъ послѣднихъ въ предлагащїй пупь ихъ искреннѣйшимъ желанїемъ, чтобы они во всѣхъ спранахъ находили благошворное ободренїе своимъ опличнымъ шаланшамъ, составляющимъ *всю фортуна* сего музыкальнаго семейшва.

ИЗВѢСТІЯ.

Четыре времени года Рускаго поселянина.
Сельская поэма Оедора Сльпушкина.
 С. - Петербургъ 1830.

Четыре времени года воспѣшы: въ Англіи Томсономъ и Попе, въ Германіи Захарїею, во Франціи Сен - Ламбертомъ. Клействъ посвятилъ поэму *Веснѣ*; Англійской поселянинъ *Блумфильдъ* описалъ *Сельскїя работы*.

Но еще не было поэмы, въ которой чепыре времени года были бы представлены сообразно съ нашею опечественною природою, въ которой бы описаны были пруды и удовольствія Рускихъ поселянъ въ каждое время года. — *Ф. Н. Слѣпушкинъ*, внушенный природою и любовію въ сельской жизни, воспѣлъ Рускую *Вѣсну, Лѣто, Осень и Зиму*. Сіе новое произведеніе перваго Рускаго сельскаго поэта, безъ сомнѣнія, будетъ пріятнѣйшимъ явленіемъ въ опечествленной Словесности.

«Стихотворенія добраго и почтеннаго *Слѣпушкина*» — такъ сказано въ Опечествленныхъ Запискахъ Января 1830 — «пріобрѣли себѣ Европейскую извѣстность и переводяшся въ Англии, во Франціи и Германіи. Имя его содѣлалось любезнымъ для Рускихъ поселянъ, которые гордятся его дарованіемъ; во многихъ селахъ знаютъ наизусть его стихи, и книга *Слѣпушкина* переходитъ, какъ драгоценность, изъ рукъ въ руки. Каждый желаетъ насмотрѣться на портретъ его, чтобы сохранить въ памяти своей черты челоуѣка, приносящаго честь своему знанію — своими дарованіями и примѣрною доброю жизнію. Послѣ сего неудивительно, что сочиненія его возбуждаютъ въ простолюдинахъ соревнованіе и любовь къ просвѣщенію. Эшаго еще мало. Сіи стихотворенія, исполненные добродушіемъ поэта и уроками въ преданности къ Богу, Царю и Опечеству, разсѣваютъ въ сердцахъ благошворныя сѣмена добрыхъ нравовъ, питаютъ прекрасныя чувства любви семейной, чистой Вѣры, почтенія къ старости, состраданія къ ближнимъ, усердія къ Опечеству и къ Государю.»

(Изъ Р. И.)

П а р и ж с к і я м о д ы .

Маленькія шляпки, съ высокою и широкою верху пулею, рѣшительно предпочитаютъ берешамъ. Перья или цвѣшсы накалываются на поля сихъ шляпокъ.

— Многіе шюрбаны дѣлаются такимъ образомъ, что съ одной стороны два четверугольные конца, обшитые бахрамою, упадають на шею. Самые щеголевашые дѣлаются изъ бархаша или апласа.

— На гуляньяхъ большая часть въ апласныхъ полукапотахъ (*démi - capotes*), отдѣланныхъ блондою; самые нарядные суть изъ блага апласа, подбитые цвѣшнымъ.

— Шляпки бархашныя или апласныя изумруднаго цвѣта, украшенныя леншамы или перьями другой шѣни зеленого цвѣта, въ большой модѣ. Мы видѣли прекрасную шляпку изъ зеленого бархаша, подбитую апласомъ гранашнаго цвѣта, которая была убрана букешомъ маленькихъ перышекъ, зеленыхъ и гранашныхъ пополамъ.

— Для упренняго туалета нѣтъ ничего красивѣе апласныхъ рендегошовъ, у которыхъ бархашная подкладка шакого же цвѣта, какъ и плашье.

— Бархашныя плашья, для визитовъ и прогулокъ, собираются на груди въ видѣ драпировки. Рукава, очень узкіе отъ локтя до кисти, иногда застегиваются внутри. Съ симъ нарядомъ носятъ на шеи ворошнички изъ марабу, завязанные апласною леншою.

— На вечерахъ показывается много эшарповъ изъ газа, дѣлаемаго подъ блонду, или вышитаго. Они употребляются вмѣсто боа (*boas*); ихъ обершываютъ нѣсколько разъ во кругъ шеи.

Изъясненіе картинки при семь No.

Шляпка апласная. Плашье бархашное. Эшарпъ изъ вышитаго крепа.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ шѣмъ чшобы, по оппечашаніи, предшавлены были въ Ценсурный Комишешъ шри экземплара. Москва, Марша 17го дня, 1830г.

Ценсоръ Майоръ и Кавалеръ Сергѣй Глинка.

1830.

Парижская Мода.

№ 15.

Санктский Журналъ.

